

ДАНА
АРНАУТОВА

СЕРДЦЕ
МОРСКОГО
КОРОЛЯ

16+

Дана Арнаутова

Сердце морского короля

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арнаутова Д.

Сердце морского короля / Д. Арнаутова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06089-0

Запечатление с морским королем разорвано, и ничто не мешает храмовому стражу Джад обрести свободу. Ничто, кроме раненого возлюбленного, чья жизнь теперь зависит от милости короля моря. Кроме заговорщиков, выжидающих момента, чтобы погубить королевства людей и иреназе. Кроме пропавшей принцессы, спасти которую может только чудо. И кроме богов, у которых на Джад свои планы. И знает ли она, что, перестав быть избранной, стала сердцем морского короля? Единственной, чья любовь может разрушить древнее проклятье ненависти между людьми и морскими жителями. Заключительная книга трилогии "Страж морского принца".

ISBN 978-5-532-06089-0

© Арнаутова Д., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ГЛАВА 1. Потерянное и возвращенное	5
ГЛАВА 2. Слово короля – честь всего моря	16
ГЛАВА 3. Худшее слово на свете	27
ГЛАВА 4. Испытание огнем	39
ГЛАВА 5. Добрые соседи	51
ГЛАВА 6. Чаши весов	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

ГЛАВА 1. Потерянное и возвращенное

– Если вокруг тебя Бездна – главное, понять, в какую сторону плыть. Или хотя бы определить верх и дно.

Принц Эргиан переставил очередной камешек риши, и Джад поняла, что эту партию тоже проиграет. Кариандец родился с камешком в руке, как сказали бы в Храме, где риши считалась не забавой, а важной частью подготовки жрецов, потому что учила думать и рассчитывать наперед. Джад помнила несколько десятков выигрышных комбинаций, но вот беда – Эргиан, судя по всему, тоже их знал. Наверное, здесь «журавль на склоне» и «три лягушки, дерущиеся за кувшинку» назывались иначе, но сути это не меняло, – кариандец играл восхитительно.

Это было тем более обидно, что принц явно думал о чем-то своем, поддерживая беседу только из учтивости, так что Джад откровенно не понимала, зачем глубинник вообще приплыл именно сейчас.

Ей самой тоже было не до риши. Алестара, стоило им вернуться во дворец и вызвать к Лилайну целителей, уволокли очень озабоченные советники, в одном из которых Джад узнала отца Эрувейн. Что-то срочное с теми самыми злосчастными маравейскими документами... Что поделать, жизнь королевства продолжалась, и его новому повелителю следовало блюсти торговые соглашения, разбирать тяжбы и заниматься сотней других необходимых дел.

Алестар успел только сказать, что вернется как можно быстрее, и Джад понимающе кивнула – у нее сейчас из головы не выходил Лилайн. Болт, пробивший наемнику правое плечо, серьезно повредил мышцы и задел кость, так что даже чудесное искусство Невиса не могло поставить алахасца на ноги в скором времени. Нет, на ноги он как раз встать мог, но под водой пользы от них было куда меньше, чем от рук. Вдобавок, Невис сказал, что Лилайна пытали...

Стоило Джад подумать об этом – и смерть Торвальда уже не казалась достаточным возмездием. А еще мучила вина... Умом Джад понимала, что вряд ли причиной пыток стала их с Лилайном связь. Торвальд был слишком расчетлив в своем отношении к жрице, чтобы ревновать. Ему нужны были сведения и, возможно, послушание наемника. Но голос разума смолкал, стоило представить Лилайна в руках аусдрангских палачей. Сейчас Джад ненавидела Торвальда так же сильно, как прежде любила, и удивлялась, как могла обмануться, принимая гадюку за феникса.

Однако Невис обещал, что Лилайн вскоре поправится. Его напоили целебными снадобьями, вытащили болт и обработали рану, а Джад невольно подумала, что, будь у них истинное Сердце Моря... «Быстро же ты привыкла полагаться на магию», – упрекнула она себя. И еще неизвестно, захотел бы Алестар помочь своему сопернику? Это было еще одной причиной для беспокойства. А когда Лилайн вернется наверх, на него откроют охоту как на убийцу короля! И Сердце, где же оно...

Однако прямо сейчас она не могла сделать ровным счетом ничего. Лилайн крепко спал, Алестар занимался королевскими делами, а Джад ... Джад играла в риши. И беседовала с Эргианом о жизни в Карианде, гадая, что же нужно глубиннику на самом деле.

– Я думала, умение чувствовать море у вас в крови, – отозвалась она на последние слова принца. – Любой человек может понять, где дно, а где небо, стоит прислушаться к ощущениям. А уж иреназе...

– Для Бездны этого мало, – рассеянно улыбнулся Эргиан, выстраивая того самого «журавля на склоне». – Даже жители моря, не бывавшие в Карианде, не могут вообразить великолепие и ужас Великого Разлома. Вы помните Арену?

Джиад кивнула, глядя на доску. Клюв «журавля» уверенно нацелился на ее «лягушек», но позицию еще можно было спасти, если соединить три камня, якобы бессмысленно разбросанных ею несколько ходов назад.

– Тогда представьте несколько Арен, вытянувшихся в длину одна за одной и не выступающих над морским дном, а уходящих в него так глубоко, что никто никогда не достигал дна Бездны. Там вечный мрак и холод, а давление воды столь сильно, что даже иреназе не могут спуститься глубже определенного предела. Склоны у Бездны не гладкие, как у Арены, а покрыты ущельями и нагромождением скал. В этих скалах вода и время проделали множество ходов, которые никогда не знали луча света. В них прячутся глубинные твари, охотясь друг на друга и никогда не выползая наружу. Некоторые скалы так неустойчивы, что малейший толчок опрокинет их, закупорив пространство внизу, но штормов там не бывает, и никакая волна не доберется так глубоко, потому скалы могут пребывать в зыбком равновесии веками. Пока не найдется глупец, решивший спуститься к ним и потревожить покой Бездны...

Тихий ровный голос кариандца рисовал в воображении Джиад чудовищные картины. Ледяная тьма, каменные лабиринты, полные смерти и ужаса... Она содрогнулась, попытавшись представить это и понимая, что вряд ли сможет. Все равно что муравью вообразить погребальные катакомбы под Храмом.

– Звучит так, словно вы там побывали, тир-на, – донесся от входа голос Алестара, разрушая страшное очарование рассказа. – В самой Бездне...

– Любой кариандец там бывал, – мгновенно спрятался Эргиан за безразлично вежливый тон. – Мы живем Бездной... Я слышал, тир-на, вы лично участвуете в охоте на салту?

Алестар кивнул, подплывая ближе и с интересом глядя на доску.

– Ну, а наша королевская семья спускается в Бездну, чтобы найти новые месторождения редких веществ. Это, конечно, совсем не так увлекательно, как быть загонщиком...

Пальцы глубинного принца зависли над доской и медленно переставили камешек, на который Джиад очень рассчитывала. Досадно.

– И вы ни разу не отправлялись на эти склоны просто так? – допытывался Алестар, бесцеремонно укладываясь на огромную кровать рядом с игроками. – На обычную охоту или погулять?

– Случалось, – безмятежно подтвердил кариандец, ожидая хода Джиад и не выказывая ни малейшего недовольства, что его отвлекают от игры. – Мы, конечно, охотимся на склонах, в их верхней части, где еще не так темно и добычи побольше. Собираемся примерно по дюжине, следим друг за другом и устраиваем переклички, чтобы не потеряться... Даже опытный охотник может погибнуть, если окажется в переплетении скал без туарры. Или свернет не туда, или вляпается в жгучие заросли... Боги, как говорят, любят Акаланте, но Бездна не любит никого и всегда голодна.

Алестар помрачнел, и Джиад почему-то подумала, что дело не только в любопытстве принца насчет глубинной охоты. А еще – что партия затянулась, и даже отвоеванный нужный камешек, выхваченный из-под носа кариандца, уже не принесет победы. Что за новости расскажет Алестар? И как бы им остаться вдвоем, чтобы поговорить о действительно важных вещах? Сердце Моря, судьбе Лилайна и... свободе Джиад.

– Скажите, амо-на, – обратился вдруг к ней Эргиан, – а ваши жрецы когда-нибудь охраняли королей иреназе?

Вопрос был таким неожиданным, что Джиад вздрогнула и окончательно отвлеклась от положения дел на доске.

– Нет, насколько мне известно, – ответила она.

Алестар лежал рядом расслабленно, и только хвост его едва заметно подергивался, словно у беспокоящегося кота.

– Но никаких препятствий к этому не имеется? – уточнил Эргиан, делая ход, который не мог принести ему ровно никакой пользы – у края доски, вдали от основного поля битвы.

– Кажется, нет, – пожала плечами Джад и невольно снова покосилась на Алестара. – Конечно, это было бы сложно. И бессмысленно, насколько я могу судить. Под водой иреназе – гораздо лучшие бойцы, чем люди, даже от наших жрецов не будет особого толка.

– И это говорит победительница сирен? – мягко улыбнулся Эргиан, делая еще один ход, настолько бессмысленный, что Джад заподозрила кариандца в желании проиграть партию.

– Сирен, а не иреназе, – усмехнулась она в ответ. – Сирены не бойцы, они падальщики, привыкшие к легкой победе над ослабленными жертвами. И то бой с ними мне дался нелегко. На земле с парой-тройкой противников я бы справилась куда проще, а здесь едва не погибла.

– Понимаю... – задумчиво согласился кариандец. – Но ценность вашего служения не только в воинском мастерстве. Вы умеете думать, амо-на Джад. А верность цены вообще не имеет.

– Мой прежний наниматель с вами бы не согласился, – одними губами улыбнулась Джад, а в сердце уже привычно потянуло холодной тоской. – Он оценил меня в двадцать пять лет торговой свободы Аусдранга на море. Хорошая цена, мне бы стоило быть польщенной.

«Сердце моря, – напомнила она себе. – Кариандец знает, что оно пропало. Но молчит, не позволяет себе ни вопроса, ни даже любопытного взгляда, хотя Алестар снял цепь с фальшивкой, которую носил напоказ. Почему он молчит? Ну не из учтивости же! Такая-то насмешливая язва...»

Алестар, возможно, подумал о том же, потому что поднял взгляд от доски, в упор взглянув на Эргиана, ответившего печальным вздохом.

– Вам не нравится тосу? – поинтересовался кариандец у рыжего. – Какая жалость. А я надеялся, что мы не раз поиграем, когда окончательно станем одной семьей. Это, конечно, не гонки...

– А вам не нравятся гонки? – усмехнулся Алестар. – Какая жалость. А я надеялся, что вы будете часто сопровождать меня на Арену. Это, конечно, не тосу...

Мгновение Эргиан смотрел на него в недоумении, а потом расхохотался так искренне и заразительно, что даже Джад улыбнулась.

– Один-один, – признал кариандец и повернулся к ней. – Как насчет ничьей, амо-на? Полагаю, вам сейчас не до игры. Надеюсь, ваш друг ранен не слишком серьезно?

– Благодарю, не очень, – настороженно ответила Джад, снова неприятно удивляясь уже привычной осведомленности кариандца. – Но вы правы, и ваше предложение... весьма великодушно.

– Вообще-то – да, – кивнул Эргиан. – Осмелюсь предположить, что выиграл бы за... пять ходов. Но вам не стоит огорчаться: дома я считался весьма сильным игроком. Хотя его величество Алестар, не сомневаюсь, в гонках на салту гораздо лучше, чем я с камнями тосу. Как и вы, амо-на, хороши в обращении с оружием...

Он не договорил, и в комнате повисла тишина. Хвост Алестара все так же легонько подрагивал, и Джад чувствовала от него колебание воды. Кариандский принц выглядел спокойным, но в его пальцах поблескивала пара камешков риши, которые Эргиан крутил, как храмовые стражи крутят тяжелые шарики для разминки пальцев. Ну, чего он ждет?

– Так, значит, если мой отец и повелитель обратится в ваш храм, с ним заключат договор? – снова заговорил Эргиан, небрежно откидываясь на высокий валик-подушку. – А выбрать стража можно самому?

– В определенных пределах, – осторожно отозвалась Джад, поднимая взгляд от доски и ритмично шевелящихся пальцев глубинника на его спокойное лицо. – Обычно Храм представляет нескольких жрецов на выбор. Из тех, кто свободен и не отказался именно от этого договора по каким-то причинам.

– Ах, так отказаться все-таки можно?

Алестар молчал, и это настораживало еще сильнее. Что здесь происходит? Разговоры о Бездне, о храме, о риши – о чем угодно, только не о том, что действительно важно!

– Иногда – можно. Бывает, что наниматель вызывает у стража слишком сильную неприязнь. Не ко всякому мужчине можно послать храмовую жрицу и наоборот. Кто-то из стражей не любит работать на юге или, напротив, на севере. Храм, конечно, может настоять, но зачем? Если страж будет охранять нанимателя против своей воли, постоянное раздражение ему мешает. Всегда можно найти того, кто согласится, мы ведь жрецы и дети храма, а не рабы.

– Очень разумно, – рассеянно похвалил Эргиан, роняя камешек и снова подхватывая его в руку. – Пожалуй, я непременно посоветую своему отцу послать в ваш храм просьбу о договоре. А во сколько обходится это несравненное удовольствие?

На мгновение у нее возникло огромное желание отправить его кариандское высочество... хотя бы к Ирталю! Тот знает о храме достаточно... Но вежливый вопрос требовал учтвого ответа, и Джад вздохнула, надеясь, что это вышло не очень заметно.

– Если страж младше двадцати семи лет, – монотонно проговорила она уже навязшие в зубах положенные слова, – то при заключении договора храму выплачивается вес стража в серебре. Если старше – в золоте. После этого каждый год страж получает от нанимателя сто золотых монет не меньше определенного веса и чистоты, из которых половину отсылает в храм. Наниматель оплачивает оружие и снаряжение стража и содержит его с должной заботой. А по достижении стражем сорока лет его договор с храмом и нанимателем считается разорванным. Страж свободен и может жить, как пожелает. Вернуться в храм, где ему всегда найдется место, но никаких обязательных контрактов больше не будет, или найти нового нанимателя уже лично для себя, или... Да что угодно, в общем.

– Очень интересно! – с чувством проговорил Эргиан, бросая в коробку камешки, плавно опустившиеся на кучку себе подобных. – Благодарю вас, амо-на. Ваше величество, – склонил он голову перед Алестаром, – не смею больше отвлекать...

Он шевельнул хвостом, собираясь всплыть, и тут Алестар, по-прежнему разглядывающий доску для риши, разомкнул губы:

– Останьтесь.

Эргиан замер, но удивленным отнюдь не выглядел, и Джад снова подумала, что смысл сказанного все время ускользает, будто иреназе говорят на плохо знакомом языке – вроде бы и понимаешь отдельные слова, но что они значат все вместе?

А рыжий что-то достал из маленькой сумочки на поясе и протянул Эргиану. Глаза кариандца изумленно расширились, он взвесил на ладони огромный рубин, тревожно сверкнувший в ярком сиянии недавно подкормленной туарры на стене.

– Это ведь...

Он замолчал, снова покрутил камень в руке, поднес к глазам и пригляделся. Алестар смотрел на него с подозрительно спокойным лицом, а в сердце Джад медленно вползало предчувствие чего-то нехорошего. Если это рубин, взятый с тела Торвальда, то он ведь фальшивый! Или нет? Но Алестар сам сказал, что... И зачем он показывает его кариандцу?

– Значит ли это, что ваше величество признает меня не только послом Карианда, но и... вашим советником? – бесстрастно поинтересовался Эргиан, поднимая взгляд от камня.

– Нет, – так же холодно уронил Алестар. – Не знаю, как у вас, а по нашим законам советник короля может служить только одному государству. Это значит, что вам придется выбирать, тир-на Эргиан. Я по-прежнему намерен соблюдать договор, заключенный с Кариандом. Относительно вашей сестры и относительно переселенцев – в равной мере. Но в моем Совете вы останетесь только моим подданным, а не кариандским. Член королевской семьи Акаланте и советник короля – или посол Карианда. Решать вам.

– Это... справедливо, – тихо и очень спокойно признал Эргиан. – Я должен ответить прямо сейчас?

– Вовсе нет, – пожал плечами Алестар. – Но я не могу обсуждать с послом Карианда то, в чем попросил бы помощи своего советника. А положение дел таково, что промедление может ударить по всем королевствам моря.

– Знаете, ваше величество, – с вымученным смешком сообщил Эргиан, возвращаясь к прежнему ехидному тону, – вы сейчас очень сильно оскорбили весь свой остальной Совет. Получается, что они вам помочь не могут? Или не хотят?

– Половину нынешнего Совета я бы с радостью разогнал к муреньей прародительнице, – раздраженно бросил Алестар. – Но не могу. Вторая половина просто не в силах помочь. У отца был Руаль. Мне противно об этом даже думать, но отец полагался на него многие годы, и до последнего времени не было причин об этом жалеть. Мой Совет хорош в хозяйственных делах. Военных, политических... Но сейчас в Акаланте творится такой сон глубинных богов, что я не могу приплыть за помощью ни к кому из них. Разве что к Ирталю, но даже ему нельзя знать всего.

– А мне – можно? – насмешливо вскинул брови Эргиан, но глаза у кариандца остались невеселыми.

– А вы и так уже знаете самую страшную тайну Акаланте, – в тон ему ответил Алестар. – Кстати, вы всего третий, кроме меня и Джад. Так что если секрет станет известен кому-нибудь еще...

Эргиан сосредоточенно крутил в пальцах рубин – точную копию того, который Джад видела на груди Алестара, и тоже фальшивку. На скрытую угрозу короля Акаланте он лишь отмахнулся:

– Да понимаю я. Это ведь вторая копия, так? Здесь нет отверстия для туарры, а внутри светится что-то другое... Откуда он? Впрочем, молчите. Весь дворец гудит, что тир-на Алестар вернулся с поверхности и притащил раненого человека. Госпожа Джад обеспокоена настолько, что играет в тосу гораздо хуже обычного. Ваши гвардейцы не отвечают на самые безобидные вопросы. Кстати, скажите им, что это зря. Большие тайны нужно прятать за легкой болтовней, сами по себе они слишком заметны. И возле вулкана вы говорили, что рассчитываете вернуть Сердце в самом скором времени. Но снова получили копию. М-м-м-м... Аусдранг? Торвальд?

– Я вот думаю, – мрачно сказал Алестар, – зачем мне при дворе настолько умный посол Карианда?

Эргиан оценил его признание смешком и взглянул на Джад. А потом одним движением руки смел с доски камешки, перемешав их, и спросил:

– Вы хорошо помните позицию, амо-на?

Джад молча кивнула.

– За сколько ходов я бы выиграл?

– За шесть, – спокойно отозвалась она. – Вы бы выиграли за шесть ходов, тир-на Эргиан. Именно для этого вы сделали два последних – чтобы дать мне отыграть северную сторону и протянуть время. Показать?

– Не надо, – усмехнулся кариандец. – Но вы меня не поправили, когда я сказал про пять. Играть с вами было истинным удовольствием, амо-на, и я скорблю, что скоро лишусь его. Кстати, как скоро? Полагаю, теперь вас несколько задержит раненый?

– Это ненадолго, – улыбнулась Джад одними губами, надеясь, что кариандец ничего не прочтает по ее глазам. – Вы же слышали, его величество не намерен разрывать договор с Кариандом.

– Догово-о-о-ор... – протянул Эргиан и позволил рубину свободно упасть в ту же коробку, где лежали камешки для риши.

Черные и белые камни – и среди них огромная багровая капля неправильной формы. «Кровь Матери Море смешалась с кровью первого короля Акаланте, – вспомнилось Джад. – И даже глубинные боги устрашились...»

– Если ваша тайна выплывет наружу, тир-на Алестар, – сказал Эргиан задумчиво, – не спешите обвинять в этом меня. Ведь был еще и тот, кто сделал копию Сердца для короля Аусдранга. Кстати, зачем?

– Это спрашивает посол Карианда или советник Акаланте? – спросил Алестар, доставая рубин из коробки и тоже, в свою очередь, крутя его в пальцах.

– Это спрашивает тот, кому по-прежнему не хочется стать королем вашего дивного города, – парировал кариандец. – Кто еще не отправил домой ни одного донесения сверх обычных писем учтивости и пока не собирается этого делать.

– А также тот, кто спас меня возле вулканов и проголосовал за невиновность моей избранной, – с той же холодной и горькой усмешкой уточнил Алестар. – Я все это помню, тир-на Эргиан. Но вот вопрос... А вашему отцу и повелителю тоже не хочется, чтобы вы стали королем Акаланте? Не торопитесь отвечать. Мы ведь оба понимаем, что ваши желания на самом деле не имеют никакого значения, как и мои. Я заключаю брак с Маритэль, потому что так нужно моей родине. А что вы сделаете для Карианда?

– Все, – еле слышно уронил глубинник. А потом, помолчав, добавил бесцветным, как его обычная серая туника, голосом: – Знаете, ваше величество, я попрошу у вас пару уроков гонок на салту. Возможно, это не столь бессмысленное занятие, как мне ранее представлялось.

– Согласен, – без улыбки кивнул Алестар. – Если взамен вы поучите меня играть в тосу. У нас будет интересная мирная жизнь, тир-на Эргиан, если мы до нее доживем. У короля Торвальда была фальшивка, но он искренне верил, что обладает настоящим Сердцем Моря. Верил настолько, что поставил на эту веру все – и проиграл. Но вы правы, копию для него кто-то сделал. И пока я не узнаю – кто, я не вправе доверять никому. Хотя мне бы очень хотелось доверять вам, Эргиан.

– Я подумаю над этим, ваше величество.

Принц-глубинник оттолкнулся хвостом от ложа и всплыл над ним, отвесив безупречный почтительный поклон сначала Алестару, потом Джаду.

Когда за кариандцем закрылась дверь, рыжий обессиленно растянулся на ложе, только голову повернул к Джаду. Помолчал немного и спросил:

– Как себя чувствует твой... друг?

– Он спит, – невольно насторожившись снова, ответила Джад. – Целители говорят, что рана не опасна, но какое-то время ему придется провести в постели. Я... очень благодарна вам за помощь, тир-на.

– Не стоит благодарности, – безразлично отозвался Алестар. – Я не буду притворяться, что мне приятно его присутствие, но помню, что обязан ему твоей жизнью.

– Вы – моей? – не удержалась она.

Повернувшись набок, Алестар откинул с лица выбившиеся из косы короткие пряди и внимательно посмотрел на Джад.

– Ты хотела уплыть как можно скорее, да? Вместе с ним...

Он не спрашивал, а утверждал, и Джад молча кивнула, изнывая от той же самой непонятной глухой тоски. Вернувшись, Алестар не сменил тунику, которую надел с утра. Ту самую, что снял вечером, ложась с Джад в постель, чтобы разорвать запечатление. Память предательски подсказывала, что ночь они провели вместе. И не только за тем, вспоминать о чем было сладко и горько одновременно, они ведь еще просто спали... Спали в объятиях друг друга, как обычные любовники. Доверяя не только тело, но и нечто более тонкое, зыбкое, мимолетное.

И Алестар ни словом не напоминал об этом, только его взгляд, жадный и тоскливый, все время тянулся к Джад, когда рыжий думал, что это незаметно. Чутьем стража она ощущала

постоянное внимание, словно прикосновение, но не липкое и неприятное, как можно было бы ожидать, а сходное с ровным теплом от горящего очага, в который ты не подбрасываешь поленья, потому что это делает кто-то другой. Тебе же достается только тепло...

Да, Алестар не напоминал, не намекал, не предлагал... И следовало поскорее забыть об этой ночи, окончательно стершей последние следы ненависти и вины между ними. Пусть все так и остается, постепенно превратившись в тихую грусть, которая когда-нибудь вернется к Джад одиноким холодным вечером далеко отсюда, в Храме или доме очередного нанимателя... Потому что расставаться с такой огромной частью собственной жизни всегда грустно, и Джад знала, что не сможет забыть ничего, случившегося с ней в Аусдранге и Акаланте. Да и не захочет. Эта боль принадлежала ей, делая ее сильнее, потому что Джад прошла сквозь нее, как меч проходит сквозь огненное горнило и ледяную воду для закалки. Проходит, чтобы обрести силу и упругость, которые не получить иначе.

– Теперь придется немного подождать, – спокойно, словно размышляя, сказал Алестар. – Я сегодня же велю Ирталю узнать через наших слуг наверху, что в Аусдранге говорят о смерти Торвальда. Наверное, твоего друга будут искать?

Джад снова молча кивнула.

– Значит, вам не стоит возвращаться в Аусдранг?

– Я не знаю, – отозвалась она. – Мне нужно поговорить об этом с Лилайном. У него в Аусдранге остался отряд, там люди, за которых он отвечает. А мне нужно вернуться в храм.

– Чтобы отправиться к новому нанимателю? – в голосе рыжего прорезалось что-то, нешуточно похожее на злость. – Вроде Торвальда? Или короля Карианда? Он как раз успеет поговорить с твоим храмом.

– Ваше величество, я страж. И это – моя жизнь, – напряженно сказала Джад, которой очень не понравилось, какое направление принимает разговор. – Вы сказали, что дадите мне свободу.

– Дам, – кивнул Алестар.

Взяв со стола гребень, он быстрыми нервными движениями расплел косу и принялся ее расчесывать, беспощадно раздирая спутавшиеся пряди.

– Только я дам тебе настоящую свободу, – бросил он, не глядя на замершую в ожидании Джад. – Думаешь, я не понимаю, о чем говорил этот глубинный маару? Могу поспорить, если я решу заключить договор с твоим храмом, чтобы ты стала моим стражем, Карианд не будет слишком возражать. Эргиан из всех сил намекает, что... Ладно, неважно.

– И... что вы собираетесь делать? – похолодела Джад, вдруг понимая, какую безумную идею могла подать рыжему болтовня Эргиана.

Очень расчетливая болтовня – следовало признать.

– Выкупить тебя, – буднично подтвердил ее страх Алестар. – Я же обещал, помнишь? Не для себя, конечно... Монеты уже готовят – я велел казначею рассчитать все в золоте, чтобы не возиться с серебром.

– Благодарю...

Дыхание все-таки перехватило, и в этот миг Джад окончательно поверила, что ее отпустят. И не просто откроют клетку и снимут ошейник, а вернут крылья, которых ее душу лишило предательство Торвальда. Вот так просто! Чем отплатить за подобное, она не знала, да и счетов между ней и Алестаром накопилось столько, что если их разбирать... Так что к демонам все прежние счета, сейчас ее заливала искренняя горячая благодарность, для которой Джад даже слов подобрать не могла. Да, Кариалл предлагал нечто подобное, когда нуждался в ее помощи, но то было в уплату за оскорбление, и Джад никогда не оценила бы свою честь и гордость даже по таким высоким ставкам. Алестар пообещал неизмеримо больше! Он не хотел заплатить стражу, которого собирался оставить себе, он давал Джад свободу!

И... не об этом ли говорил Малкавис? Не это ли он обещал? «Единственный путь стать свободной – посмотреть в глаза собственному страху и слабости», – вспомнились Джад слова, услышанные в забытии. Значит, она выполнила условие бога? И теперь станет воистину свободна?!

– Не за что, – невесело улыбнулся Алестар, отводя взгляд. – Это меньшее, что я могу сделать. Только не торопись, прошу. Отправить в храм деньги – еще куда ни шло, это могут устроить наши слуги на берегу. Но тебя мне им доверять не хочется. Или нужно найти действительно надежных спутников. Пусть твой... друг очнется, может, он что-то посоветует.

– Да, конечно, – поклонилась Джад.

А рыжий ведь останется со своими бедами один. Та же неясная тоска, что мучила ее все утро, не отступала, грызла потихоньку, царапала сердце, как дурная злая кошка... Да, это дела иреназе, Джад они не касаются. С самого начала не касались! Она и так сделала, что могла, став Алестару стражем, пока жила здесь. Интриги и заговоры советников, покушения, глубинные боги и их прислужники – все это не ее дело! Да Алестар и сам не просит помощи. Бывшая избранная ему ни в коем случае здесь не нужна, это станет оскорблением настоящей невесты! Маритэль вот-вот приплывет, остались считанные дни... И даже то, что придется задержаться из-за раненого Карраса, может вызвать недовольствие кариандцев, на что бы там ни намекал Эргиан... Ведь все так, верно?

Ну и что же тогда Алестар смотрит, словно у него сердце пополам рвется, а губы принца держат вежливую улыбку, как приклеенную? Они ведь уже не связаны запечатлением – зачем эта ложь? И разве могут лгать глаза? Это ведь не клятвы...

– Простите, ваше величество, – проговорила Джад, изнывая от еще более непонятной, чем тоска, вины. – Мне нужно навестить Лилайна. Если он уже проснулся, я хочу узнать у него... про перстень.

– Да, конечно, – кивнул Алестар, запуская пальцы в коробку и бездумно пересыпая камешки риши. – Возвращайся потом, нам тоже есть о чем поговорить. Я надеюсь, эти несколько дней, что ты еще будешь здесь, ты не откажешь мне в советах? Ты ведь тоже, – старательно улыбнулся он, – мой советник. Тринадцатая каи-на Акаланте.

И от этой вымученной улыбки Джад окончательно сбежала, уговаривая себя, что ничего страшного – это просто у рыжего привычка. Или запечатление уходит не сразу, а как болезнь, от которой выздоравливаешь постепенно. Пройдет. Приплывет Маритэль, и Алестар забудет даже Кассию, не то что связанную с ним дурным случаем двуногую.

«Но он не забыл Кассию, когда был запечатлен с тобой, – возразил тихий упрямый голос ее «внутреннего я». – Значит, настоящей любви запечатление не помеха?»

«Так это любви, – невесело усмехнулась Джад, подплывая к двери комнаты рядом со своей спальней, где устроили Лилайна. – Я-то здесь причем? Вот рассчитается его величество окончательно со мной и со своей совестью – и сможет жить спокойно. И пусть. Пусть хотя бы от потери Кассии излечится – от души ему желаю. Пусть будет счастлив с Маритэль и постарается сделать ее счастливой. Это жизнь, Жи. Что-то теряешь, а что-то находишь...»

Но последние слова прозвучали в памяти насмешливым голосом Торвальда, любившего эту поговорку, и Джад вздрогнула, прежде чем открыть дверь.

Лилайн уже не спал. Увидев Джад, он попытался привстать из кучи подушек, на которые опирался, но тут же снова неуклюже опустился в них и поморщился от боли.

– Лежи! – торопливо попросила она, подплывая и опускаясь рядом. – Ради Малкависа, не дергайся. Как ты?

– Живой, – усмехнулся Каррас, глядя на Джад лихорадочно блестящими глазами. – А ведь думал, из этой передряги уже не выберусь. Ты-то сама как?

Он протянул здоровую руку, и Джад легонько сжала горячие пальцы – у алахасца был жар.

– У меня все хорошо, – сказала она чистую правду. – Я здесь почетная гостья. И что-то вроде леди... Прежний король наградил меня титулом за... Долго рассказывать – давай потом? Лил, они наверняка свалят смерть Торвальда на тебя, понимаешь?

– Еще бы, – вымученно усмехнулся алахасец. – Не признаются же, что сами его порешили. А, плевать. Потеряв голову, о серьгах не жалеют, верно? Гостья, значит? И долго тебе еще... гостить?

– Уже нет, – вздохнула Джаид. – Пока ты не выздоровеешь. И пока не решим, что дальше делать. В Аусдранг тебе нельзя – схватят. Лил, прости... Это я втянула тебя во все это.

Она опустила взгляд к руке алахасца, которую держала. Сильные темные пальцы казались странно тонкими, будто похудевшими, да и лицо Карраса заострилось, а в вырезе рубашки виднелись темные следы на ключицах – то ли шрамы, то ли ожоги.

– Глупости, – улыбнулся тот, мгновенно став прежним Лилайном Каррасом – отважным и азартным. – Что-что, а вляпаться во всякое я и сам умею. Джи, тебя... здесь точно не обижают?

Джаид покачала головой, растерянно подумав, сколько же придется рассказать Лилайну, чтобы алахасец понял, насколько все изменилось с прошлого раза, когда она была пленницей. И непонятно, что именно можно рассказывать, ведь многое – тайна акалантцев.

– Точно, – улыбнулась она. – Я же говорю... Лил, ты быстро поправишься. Здесь отлично лечат, гораздо лучше, чем на земле. И мы сможем... Боги, как же я по тебе соскучилась!

Подчиняясь порыву, она подняла руку алахасца выше, прижалась к ней щекой и замерла, прикрыв глаза. Лилайн... живой! Какое счастье – сознавать, что прямо сейчас им ничто не угрожает. Что можно побыть вместе, поговорить, прикоснуться...

– А нынешним королем у хвостатых, значит, тот самый принц, что тебя... – услышала она напряженный и не по-хорошему холодный голос алахасца.

– Забудь, – поспешно сказала Джаид, вздрогнув. – Просто забудь, ладно? Он...

И вот как объяснить, что Алестар не просто выпросил прощение? Несколькими неделями раньше Джаид сама бы не поверила, скажи кто-то, что она простит рыжего. По-настоящему простит, от души. И что сам иреназе изменится настолько, что пропасть между нынешним Алестаром и тем жестоким испорченным мальчишкой станет глубокой, как эта их Бездна.

– Я его простила, – сказала она наконец, сама понимая, как глупо и фальшиво это звучит, потому что словами, как обычно, всей сути не передашь. – Действительно простила, клянусь. Он... это заслужил.

– Простила?

Недоверчивое изумление и гнев в голосе Карраса ударили Джаид, словно плетью.

– Ты? Простила эту тварь?

Джаид прикусила губу изнутри, и боль отрезвила, напомнила, что для Лилайна не было ничего, что случилось между нею и Алестаром. Наемник просто не понимает. Но ради Малкависа, пусть не смотрит так! Да, Джаид виновата перед ним. Она ушла в море, чтобы заслужить собственную свободу то ли у богов, то ли у судьбы. Бросила Карраса... И в том, что Лилайн попался Торвальду, есть вина Джаид – тяжелая, невыносимо горькая вина... Но ведь все не так, как думает Лилайн! А это он еще не знает, кем здесь Джаид считалась до вчерашнего дня. Ведь только утром она сняла браслет избранной. Можно не сомневаться – вскоре кто-нибудь проболтается. И как тогда смотреть Каррасу в глаза? Особенно, когда наемник узнает об обещании Алестара выкупить Джаид у храма. Что он об этом подумает?!

– Не суди, не зная, – попросила она тихо. – Прошу, Лил, не суди ни его... ни меня. Очень много всего случилось, пока я была здесь. Да и раньше... Сейчас он не враг ни мне, ни тебе. И он здесь король, не забывай. Да не в этом дело... Говорю же – я его простила. Значит, было за что, поверь мне...

– Ладно, как скажешь... – медленно сказал Каррас, не сводя с нее удивленного и недоверчивого взгляда. – А ты изменилась, Джи. Только не пойму – в чем. Значит, уверена, что нас отпустят?

– Он обещал, – кивнула Джиад. – А короли иреназе слово держат, сам знаешь. Только сначала тебе нужно вылечиться. Здесь можно жить, Лил. Не очень удобно и вообще странно, однако можно. Не беспокойся ни о чем, выздоравливай...

И снова собственные слова звучали фальшиво, аж ухо резали. Но Каррас прикрыл глаза, наверное, больше от недостатка сил, чем поверив Джиад. Его рука так и сжимала ее пальцы, и размыкать это касание не хотелось. Может, все-таки обойдется? Только бы они с рыжим не сцепились!

– Лил, – позвала она наемника, отчаянно мучаясь виной, что не дает тому отдохнуть спокойно. – Помнишь, я тебе оставила вещи? Там еще сапоги были...

– Ты про перстень? – не открывая глаз, уточнил Каррас, как всегда понимая с полуслова. – Его величество Торвальд очень хотел его вернуть. Все спрашивал...

Он усмехнулся, и усмешка вышла такой злой, что у Джиад тревожно и виновато заныло сердце.

– Знаешь, – проговорил Каррас, помолчав, – я ведь рассказал все. Там умеют допрашивать. Сначала думал, что уж я-то устою... Но это длилось и длилось. Сначала часы, потом дни, потом... время вообще исчезло. И я выложил все, что мог. Да мне и рассказывать особо нечего было. Как снова встретились, как жили... в лесу. Но ему был нужен только перстень. Он быстро понял, что я его видел. И я рассказал... про сапоги.

– Понимаю, – сказала Джиад, ничего, впрочем, не понимая.

Если Торвальд узнал, где лежало кольцо, почему не забрал? Ох, да плевать сейчас на перстень! Она отдала бы все драгоценности на свете, лишь бы стереть горькую усмешку с губ Лилайна и растопить холод в его голосе. Холод унижения и вины.

– Нет, – спокойно возразил Каррас, по-прежнему не открывая глаз. – Не понимаешь. Я рассказал про сапоги. Их нашли, я их в «Лысом еже» оставил, как и все остальное. Ты пропусти... за мечи. Их тоже забрали. Но каблук был уже пустой. И потом... когда стали спрашивать опять... Я сломался. Я очень старательно сломался, Джи. Орал, умолял, клялся, что не знаю. И он поверил. Поверил, что перстень то ли у тебя в море, то ли ты его спрятала где-то. Ты же нашла, да?

Он говорил в полузабытьи, и сердце Джиад рвала на части вина и гордость за то, что Лилайн даже под пыткой обманул палачей. Победил и боль, и страх, спасая то, что она доверила ему. Хотя, видит Малкавис, лучше бы Каррас отдал перстень! Но тогда, скорее всего, Торвальд казнил бы ненужного ему наемника.

– Нет, – покачала она головой. – Не нашла. Спи, Лил. Потом расскажешь. Все хорошо, слышишь?

– Как... не нашла... – заплетающимся языком удивился алахасец. – Я же отправил его... тебе. Пряжка, она же... вот... Внутри...

Не договорив, Лилайн окончательно обмяк среди подушек, а Джиад, бережно положив его руку на покрывало, тронула пряжку, присланную Торвальдом в доказательство, что Каррас у него. Ту, которую так и носила на ворота рубашки. С которой плавала на встречу, ставшую для короля Аусдранга смертельной, даже не подозревая, что перстень – вот он, только руку протяни.

Теперь Джиад понимала, почему пряжка такая тяжелая. Она отколола ее с рубашки, взвеси́ла на ладони, перевернула. Круглая и толстая... Как же открыть? Но сейчас, когда она смотрела, зная секрет, все оказалось легко. Просто нажать и сдвинуть!

Задняя стенка отошла, и на ладонь Джиад выпал, сверкнув мрачным кровавым огнем, королевский перстень Аусдрангов.

– Ну и как без него взойдет на трон следующий король? – прошептала она. – Может, теперь наша очередь поторговаться?

В дверь постучали – торопливо и властно. Джад кинулась туда, чтобы стук не разбудил Лилайна, открыла – и замерла. За порогом в коридоре был Алестар, и одного взгляда на лицо принца хватило, чтобы понять – беда.

На перстень в ее руках Джад рыжий глянул мельком. А потом сказал с тихим мучительным отчаянием:

– Ты мне нужна. Прямо сейчас. Маритэль пропала. Ее караван пересек нашу границу, их видели со сторожевого поста. Но до Акаланте никто не доплыл.

ГЛАВА 2. Слово короля – честь всего моря

– Принц Эргиан уже знает? – быстро спросила Джад, плывя рядом с иреназе.

– Нет, – бросил Алестар. – Но это ненадолго. Притом, от него я скрывать не собираюсь. Все равно правда всплывет, и как тогда она будет выглядеть? Пока что знают Иратель и советник Тумалас, который занимался подготовкой ко встрече. Гвардейцы Ирателя должны были встретить караван у второго пограничного поста, но напрасно прождали несколько часов и поплыли навстречу. Там ничего нет, понимаешь? Пустое дно! Ни тел, ни обломков, ни следов крови в воде... Три дюжины иреназе на салту, грузовые звери и их поклажа... Все будто растворилось!

Он толкнул дверь, привычно открывая ее перед Джад, и проплыл следом. Раздраженно виляя хвостом, опустился на ложе и запустил пальцы в волосы, растирая виски.

– Разве так может быть? – осторожно спросила Джад, устраиваясь рядом. – Если на них напали...

– Даже если бы охрану перебили, вода долго помнит кровь. Очень долго. Если бы там убили хотя бы одного иреназе или салту, гвардейцы бы это почувствовали. Нет, караван просто... исчез! И я не знаю, какая сила на это способна!

– А вам хорошо известна эта местность? – продолжала допытываться Джад, пытаясь быть хоть сколько-нибудь полезной. – Есть какие-нибудь карты?

– Да, конечно...

Алестар тяжело вздохнул и поднял на неё мрачный взгляд.

– Сейчас пошлю за картой и свидетелями. Ну, и за теми, кого это касается. Джад, пока здесь нет кариандца... Беда не только в том, что Маритель пропала. Это звучит мерзко, я понимаю, но настоящая беда в том, что она пропала, когда пересекла нашу границу. От Карианда до Акаланте много дней пути, причем довольно опасного, не зря у принцессы была такая охрана. А проплыви караван немного дальше, там начались бы наши населенные владения, где полно охотников и собирателей водорослей. Там кариандцы были бы все время на виду, понимаешь?

– Кажется, да, – кивнула Джад. – Они исчезли в последнем глухом месте, но именно на вашей стороне? И теперь Карианд вправе обвинить вас?

Алестар молча кивнул.

– А почему их не встретили на самой границе? – поинтересовалась Джад. – Почему только у второго поста?

– Сейчас увидишь карту – поймешь, – безнадежно махнул рукой Алестар и дернул рычаг, вызывая слуг...

Иратель прибыл первым, он наверняка ждал вызова, а вместе с ним в комнату Джад, внезапно ставшую королевским кабинетом, вплыли двое незнакомых иреназе, одетых в одинаковые темные туники и пояса с ножнами непривычной Джад формы – узкими и длинными. Приложив ладонь к сердцу, все трое поклонились Алестару и замерли, едва шевеля хвостами.

– Я выслушаю ваш рассказ через несколько минут, – негромко сказал рыжий, неуловимо меняя интонацию голоса, и Джад сразу вспомнила старую мудрость, что властелина делает его свита. – Каи-на Иратель, советника Тумаласа предупредили о молчании?

– Да, ваше величество, – поклонился начальник охраны. – Как и всех, кто имел к этому делу какое-то отношение.

– Хорошо, – кивнул Алестар и почему-то покосился на Джад, но тут же отвел взгляд.

Ей и самой было неловко снова вмешиваться во внутренние дела иреназе, так что Джад бы поняла, вели ей Алестар уплыть. Но рыжий молчал, а Иратель, похоже, привык к постоянному присутствию жрицы, потому что ни словом, ни взглядом не выказал, что его это беспокоит.

Дверь в очередной раз открылась – приплыли принц Эргиан и его начальник охраны. Окинув всех быстрым внимательным взглядом, принц поклонился Алестару, словно они и не расстались совсем недавно. Теперь в спальне стало довольно тесно, и Жи, недавно приведенный с прогулки, недовольно завозился в клетке, что-то проурчав уже совсем не детским писком – посторонних салру не любил. Один из гвардейцев загляделся на Джаид, но тут же опомнился и снова принял бесстрастно-почтительный вид.

– Тир-на Эргиан, – медленно сказал Алестар, немного меняя позу – из всех, кто был в комнате, только они с Джаид устроились на постели, отчего Джаид было тем более не по себе. – Я прошу вас внимательно и спокойно выслушать, что расскажут мои солдаты. И верить, что Мать Море милостива и справедлива.

Кариандец кивнул, а Алестар махнул гвардейцам, и тот, у которого туника была украшена блестящей узкой полосой рыбьей кожи поперек груди, немедленно заговорил:

– По приказу его величества, да продлит его дни Мать Море, мы ожидали прибытия кариандского каравана...

Джаид слушала, не забывая посматривать на присутствующих, но лица у иреназе были каменные, только Эргиан на глазах побледнел, когда гвардеец описывал совершенно пустое дно и чистую воду там, где должен был проплыть караван. Большинство подробностей, названных солдатом, Джаид ничего не говорили. Она только поняла, что караван плыл по ущелью. Разве под водой бывают горы? Хотя... почему нет? Вулканы же имеются. Карта, принесенная по приказу Алестара, так и лежала между ними на постели, свернутая в трубку, и разворачивать ее сейчас было неловко. Когда гвардеец замолчал, Алестар повернулся ко второму:

– Можешь добавить что-нибудь?

– Нет, ваше величество, – отрапортовал тот. – Именно так все и было.

– Я... могу спросить? – раздался настолько спокойный голос кариандского принца, что Джаид стало не по себе.

Алестар кивнул.

– Вы сказали, – не сводил глубинник пристального взгляда с гвардейцев, – что в воде не было крови.

– Воистину так, тир-на, – отозвался старший, а его подчиненный кивнул.

– А что-нибудь другое? Непривычный вкус, например?

– Нет, тир-на. Но мы оказались там часа через четыре после того, как должен был проплыть караван. Вода бы успела очиститься от обычной мути, которую поднимают салту.

– А рыбы или маару? Они не беспокоились больше обычного? – допытывался Эргиан. – Неужели вы не увидели ничего странного?

Капитан снова ответил, что нет, однако второй гвардеец замялся. Джаид уже хотела обратиться на это внимание, но Эргиан и сам увидел:

– Ну же, – мягко попросил он. – Говори...

– Да это, наверное, глупость, тир-на...

Под всеобщим вниманием воин совсем смешался, потом вздохнул и объяснил:

– Вода там и вправду чистая была, Матерью Море клянусь. И рыбы не беспокоились. А вот вы сейчас про странное сказали... на самом входе в ущелье водоросли пожелтели. Ну, словно там дыхание Глубинных прорвалось, спаси нас Мать Море от их гнева. А только... там же нет горячих источников, и никогда не было. Да и пожелтели они несильно, я глянул – и забыл...

– Благодарю тебя за внимательность, – сказал Эргиан. – Значит, у самого входа? На дне или на скалах?

– На скалах, тир-на, – не раздумывая, отозвался солдат. – И не с нашего края, а с того, что ближе к границе.

– Ваше величество, у меня больше нет вопросов, – склонил голову глубинник.

– Иратель, я жду любых известий, а пока вы свободны, – хмуро бросил Алестар, и начальник охраны, снова поклонившись, уплыл вместе с подчиненными. – Тир-на Эргиан, ваш спутник...

– Реголар, оставь нас, – кивнул принц, и Джад снова ждала, что кто-нибудь вспомнит и про нее, но глубинник только посмотрел в ее сторону – и промолчал.

Кариандец выплыл вслед за Ирателью и гвардейцами, так что в комнате остались трое: Алестар, Эргиан и Джад.

– Вы что-нибудь поняли с этими водорослями? – нетерпеливо спросил Алестар, но Эргиан покачал головой:

– Увы, пока нет. Но любая странность может навести на след, и даже таким пустяком нельзя пренебречь. А что вы думаете о случившемся, тир-на?

– Я не знаю, что думать, – зло отозвался Алестар. – Вы же понимаете, что Акаланте нужен этот брак так же, как и Карианду? И я...

Он осекся, опять посмотрев на Джад – это уже начало слегка раздражать – и махнул рукой.

– Ваше величество, может, мне не следует здесь находиться? – вежливо поинтересовалась Джад. – Если позволите, я вас тоже оставлю.

– О нет! – быстро сказал Эргиан прежде, чем Алестар успел открыть рот. – Напротив, каи-на, я прошу вас не уплывать.

Взгляды двух иреназе – удивленный у Алестара и напряженно-бесстрастный у кариандца – скрестились, подобно клинкам. Джад словно услышала внутренним чутьем этот лязг и напряглась, изнывая от неловкости. Зачем она понадобилась Эргиану? Именно сейчас...

– Вы что-то знаете, – утвердительно сказал Алестар, глядя кариандцу в глаза. – Все эти расспросы о воде, рыбах и водорослях... Говорите!

– Я ничего не знаю, – сквозь зубы процедил глубинник. – Не больше вас, во всяком случае...

Он первым отвел взгляд, а Джад осторожно потянула к себе тугой сверток карты, перевязанный кожаной лентой, и развернула его. Оба иреназе повернулись к ней со смущенной торопливостью, будто пользуясь возможностью замолчать. Алестар плеснул хвостом, давая Эргиану место, и тот подвинулся ближе к кровати, но не опустился на нее, а повис сверху, легко пользуясь плотностью воды, как все иреназе.

Джад вгляделась в темные линии и пятна, покрывающие большой кожаный лоскут. Водостойкие чернила в морском королевстве делали на совесть, как и следовало ожидать, и раскрашенная в несколько цветов карта оказалась на удивление понятной. Похожие Джад видела у лоцманов, отмечающих мели и рифы, чтобы провести среди них судно. Буквы, правда, были ей совершенно не знакомы. Интересно... А ведь иреназе и люди побережья говорят на одном языке, почему же пишут по-разному?

Но сейчас не до того. Она без труда нашла на карте Акаланте с крошечным рисунком королевского дворца, отыскала Арену и столь памятные вулканы на границе с Суаланой... По ним шла четкая темно-синяя линия, наверняка обозначающая эту самую границу. Так, а дальше...

– Вот здесь, в закатной стороне, – негромко подсказал Алестар, указывая на правый край карты. – Видишь горы?

Джад кивнула. По всему выходило, что горный хребет Аусдранга сползает в море и продолжается на дне, окаймляя запад Акаланте. А вот это, значит...

– Ущелье? – спросила она, указывая на место, где цепь подводных скал прерывалась.

– Оно самое, – кивнул рыжий. – Вот здесь – первый пост. Потом длинное ущелье между двумя скалами, а там, где оно заканчивается – второй пост. Между ними караван и пропал.

Он покосился на безмолвно следящего за ними Эргиана и раздраженно потянул кончик косы, пропустив его между пальцами. Глубинник глянул на карту, но сразу же поднял взгляд, посмотрев на Алестара и лежащую слишком близко к рыжему Джад.

– Вы ведь понимаете, тир-на, – сказал он тусклым холодным голосом, так не похожим на его обычный живой и насмешливый тон. – Что бы ни случилось с Маритэль, договор о переселении это не изменит. Маритэль – всего лишь младшая принцесса от наложницы, мой отец легко найдет ей замену. Возможно, у той принцессы не будет человеческой крови, но если понадобится, Карианд пришлет несколько претенденток на... место вашей супруги. Столько, сколько будет нужно. Рано или поздно запечатление случится. Мы не можем позволить себе потерять этот союз.

– Перестаньте! – яростно выдохнул Алестар. – Я не собираюсь принимать замену Маритэль! Во всяком случае, не раньше, чем буду уверен в ее гибели. Так и передайте своему королю!

– Я могу твердо рассчитывать на это, ваше величество?

Голос Эргиана неуловимо изменился, в нем зазвучали прежние яркие нотки, и Джад показалось, что кариандец даже вздохнул свободнее.

– Можете, – буркнул Алестар. – Хорошо же вы обо мне думаете.

– Не о вас, тир-на, – невесело усмехнулся глубинный принц. – Поверьте, о вас я думаю гораздо лучше, чем о многих моих родичах. Акаланте слишком избалован долгим благодеянием. Иметь всего одного наследника! Вы даже не представляете, какая это роскошь! И каково быть одним из дюжины королевских отпрысков...

– Хотел бы я иметь братьев, – вздохнул Алестар. – И желательно – старших. Эргиан, я могу поклясться, что караван с вашей сестрой будут искать со всем возможным усердием. Верить мне или нет – дело ваше.

– Рискну поверить, – склонил голову кариандец. – Но скрыть то, что случилось, от своего отца и повелителя я не смогу. Вы ведь тоже это понимаете?

– Будь у меня Сердце моря... – измученно выдохнул Алестар, снова растирая пальцами виски. – Я бы мог спросить саму воду, что там произошло.

– Но вы не можете, – ровно сказал кариандец, не спрашивая, а утверждая. – И это наводит на мысли, что кому-то была очень выгодна его пропажа. Король, лишенный Сердца, почти беспомощен. А у вас еще и тайная служба... собственный хвост поймать не способна. Тир-на, не пора ли рассказать мне, что здесь происходит?

Джад нутром почувствовала, как растет напряжение между двумя иреназе, снова глядящими в глаза друг другу. Алестар выглядел откровенно усталым и почти больным. Джад вдруг подумалось, что теперь, когда запечатление разорвано, рыжий не может подпитываться ее жизненной силой, а собственная его сила вряд ли восстановилась. Болезнь после расставания с Джад, смерть отца, укрощение вулкана... А еще – спасение Эрувейн, несколько попыток убийства, гарната, которой Алестара так долго травили... Но он держался, не позволяя себе ни малейшей слабости, насколько могла видеть Джад. Занимался королевскими делами, пытался распутать змеиный клубок, свившийся вокруг трона Акаланте, и еще находил минуту подумать о судьбе жрицы...

– Мы уже говорили об этом, – негромко сказал Алестар, не отрывая взгляда от лица Эргиана. – Карианд или Акаланте – вам выбирать. Или, если угодно, ваша сестра против... других родичей. Видят Трое, мне нужна помощь. Нужна так отчаянно, что я готов рискнуть и довериться вам, тир-на. Но отдаться на милость вашего отца... Вы же не считаете меня глупцом настолько, Эргиан?

– Не считаю, – глубинник снова растянул губы в невеселой усмешке. – Но выбор, о котором вы говорите... Не мне его делать. Мой отец не полагается на такие зыбкие и ненадежные вещи, как верность и честь своих детей. Если я нарушу его волю, моя жизнь продлится до тех пор, пока его не известят о моем непослушании. Знаете, в чем выгода иметь множество детей?

– Догадываюсь, – уронил Алестар. – Можно пожертвовать одним из них. Или двумя.

– Или двумя, – эхом согласился Эргиан, отводя взгляд и словно в задумчивости запуская пальцы в коробочку с фишками для тосу, так и лежащую на кровати. – Но я в самом деле не думаю, что это отец. Ему нужен брачный договор с Акаланте. Да, условие о человеческой крови невесты стало, скажем так, не очень приятной неожиданностью. Я точно знаю, что до этого на место вашей супруги предназначалась совсем иная моя сестра. Но лучше уж Маритэль, чем вообще не кариандка, а вы ведь могли найти супругу и в другом королевском доме. Так что отец будет в бешенстве. Возможно, он попытается использовать силу нашего Сердца моря, чтобы найти Маритэль. Но на это уйдет время... Слишком много времени.

Он помолчал в полной тишине, глядя на стену комнаты мимо Алестара и перебирая камешки тосу длинными тонкими пальцами, обманчиво слабыми на вид, но Джад помнила, что это лишь видимость – кариандец не боялся драки. Рыжий не торопил, молча ожидая, и вскоре Эргиан снова заговорил.

– Тир-на Алестар, я не могу обещать вам верности, потому что моя жизнь принадлежит не мне. Я не могу обещать вам дружбы – плохим я был бы другом, если бы начал эту дружбу с обмана. Но я умоляю вас о доверии. Не ради себя, а ради Маритэль. Она будет вам хорошей женой. Лучшей, чем любая из тех, кого пришлют ей на замену. Возможно, мне удастся упротить отца, чтобы он позволил мне остаться здесь. Тогда, клянусь, у вас не будет более преданного подданного. Но если нет... Я обещаю, что не выдам ни одной вашей тайны. Какова бы ни была цена – в этом я могу дать свое слово. А мое слово, как и ваше, честь всего моря.

– Вы... – Алестар закашлялся и смутился – тонкая кожа на скулах порозовела, и он глубоко вдохнул, прежде чем продолжить. – Вы настолько любите свою сестру, что готовы рискнуть ради нее всем? Милостью своего отца, клятвой королевской крови... Насколько – Эргиан?

По губам кариандца скользнула легкая и на удивление мягкая улыбка. Он поднял взгляд от фишек на Алестара, потом снова посмотрел на Джад и пожал плечами:

– В это трудно поверить, да? У нас один отец, но это единственное, что нас объединяет. Мы не были особенно близки в детстве... Что ж, раз уж сегодня – время темных тайн, я расскажу вам одну историю. Когда я говорил о дуэлях... Скажем так, я не соврал, разумеется, но... утаил кое-что. Дуэли у нас действительно запрещены. Однако если двое высокородных решили поохотиться в Бездне вдвоем, и вернулся лишь один из них, правду может выяснить только король, используя силу Сердца. А его величество далеко не всегда настроен это делать. Случается, что вернувшийся принесет гораздо больше пользы живым и благодарным за помилование, чем казненным за нарушение закона.

– Удобно, – хмуро бросил Алестар, меняя позу и будто невзначай облокотившись на колени Джад. – А как же родные погибшего? Разве они не просят справедливости?

– Справедливость – это король, – усмехнулся Эргиан, играя камешками. – Боги и в самом деле любят Акаланте, тир-на, если вам не приходится напоминать подданным то, что в Карианде общеизвестно. Если король посчитает нужным наказать победителя – он это сделает. Но карать того, кого пощадила Бездна... Это неуважение к ней, знаете ли. А мы чтим волю Бездны не меньше, чем королевскую. Так вот... Однажды, когда мне было лет на пять меньше, чем сейчас, меня вызвали на дуэль.

– Принца? – непритворно поразился Алестар. – Нет, я понимаю, конечно, что вас там и так дюжина, одним больше, одним меньше, но...

Он осекся, что-то увидев на лице Эргиана, а Джад досадливо поморщилась от такой опасной бесцеремонности – кариандец только разговорился, не следовало обижать его в такой момент.

– Извините, – виновато буркнул Алестар. – Я ведь правильно понял? Кто может вызвать на дуэль одного принца, если не...

– Другой, – спокойно подтвердил Эргиан. – О да, вы поняли верно. Я тогда был не только гораздо моложе, но и изрядно глупее. Мне очень хотелось заслужить одобрение отца, доказать ему свою ценность для семьи – и я старался изо всех сил. Проявлял недюжинное рвение в делах, всячески выказывал способности... А они у меня есть – и вполне неплохие. Одобрения отца я добился, но вместе с этим привлек к себе слишком много внимания. Один из моих братьев решил, что слишком бледно смотрится рядом со мной, да и вообще отцовское благоволение гораздо выгоднее делить на... меньшее число сыновей. Подозреваю, что так решил вовсе не он, а кое-кто другой из моих братьев, достаточно умный, чтобы остаться в тени, но это уже неважно. Важно, что меня пригласили на охоту... с которой я не должен был вернуться. Дуэль в Бездне – это не совсем поединок двоих. Это всегда поединок двоих и Бездны. Часто побежденный погибает не от клинка или лоура победителя – его убивает упавшая скала или темнота, в которой он оказывается без туарры. Если есть кто-то, способный найти тебя и вывести наверх, ты выживешь. Но даже возьми я кого-нибудь с собой... Их просто ждала бы та же участь. И отец никогда не наказал бы одного из принцев за убийство другого. Во всяком случае, публично.

– И как вы выкрутились? – мрачно спросил Алестар.

Его хвост прильнул к ногам Джад слишком тесно, чтобы это было случайностью. Джад попыталась осторожно отодвинуться, но рыжий, не глядя на нее, вильнул хвостом и бесцеремонно уложил его поверх коленей Джад, а потом еще и хвостовой плавник подsunул с другой стороны, обвинив ноги жрицы. И все это с таким невозмутимым и рассеянным видом, словно сам не замечал!

– Маритэль меня предупредила, – спокойно ответил Эргиан, пересыпая камешки из ладони в ладонь плавными отточенными движениями. – Ее никто не принимал в расчет, все видели в ней лишь очаровательную глупышку, не способную ни на что сложнее, чем заплести красивую косу. Но она услышала случайную обмолвку одного из придворных и поняла, чем мне грозит эта охота. Она очень рисковала, предупреждая меня... Если бы я все-таки погиб, а ее участие стало известно, ей бы тоже не поздоровилось. Она же всего лишь младшая принцесса от наложницы, таких у нас даже не дюжина, а больше. Но она рискнула – и мне пришлось выжить ради нас обоих. А для этого – убить своего старшего брата Эриалла.

Алестар резко вздохнул, и его хвост сильнее сжал ноги Джад. Это было бы неприятно, но Джад вдруг поняла, что рыжий в самом деле не замечает, что делает. Он просто потянулся к Джад, как делал это раньше – еще при запечатлении. Но почему?! Привычка? Или что-то пошло неверно и ритуал не сработал?!

– Но раз уж вы здесь... – сказал Алестар хмуро, – все получилось?

– Да, – кивнул Эргиан. – Я знал, что даже если чудом убью Эриалла в поединке, меня прикончит его свита. В лучшем случае. В худшем – побоятся взять на себя убийство принца и бросят где-нибудь в скалах без туарры, раненого и беспомощного. И я подготовился. Зная, куда примерно мы поплывем охотиться, я заранее отправил туда двоих своих друзей с запасом туарры, лекарствами и оружием. Я, глупый мальчишка, надеялся драться честно, мне только нужна была возможность ускользнуть потом. Почти так и получилось. Эриалл не собирался устраивать дуэль по всем правилам, он выбрал удачный момент – и ударил. Но я был настороже и смог ответить.

Он снова помолчал, потом продолжил, с пугающим спокойствием отмеряя слова:

– Вот тогда это стало настоящей дуэлью. Я обратился к Матери Море и Бездне – и никто из прихвостней Эриалла не посмел вмешаться в поединок. А когда мой брат получил острие лоура в сердце – я сбежал. Забил в скалы, в самую глубину. Преследователи решили, что я все равно погибну. Не от раны, так от маару, которых привлечет моя кровь... Но в скалах меня отыскали Даголар с Регом. Единственные, кому я рискнул довериться, – и не прогадал. Когда я вернулся домой, отец... – Эргиан криво усмехнулся. – Знаете, я ожидал чего угодно. Гнева,

наказания... Приготовился оправдываться. Но не понадобилось. Отец сказал, что Эриалл сам виноват в своей смерти. Принц Карианда должен быть сильным и умным, если хочет выжить. А дуракам – прямой путь в Бездну. Я запомнил урок.

– А что же другой ваш брат? – нарушила Джад молчание, когда оно стало невыносимо тяжелым. – Тот, что натравил на вас... этого?

– Ничего, – пожал плечами Эргиан, снова усмехнувшись. – Я понял урок по-настоящему хорошо и больше не пытался превзойти старших братьев ни в чем, серьезнее игры в тосу. Поэтому мне милостиво позволили не охотиться в их компании. А когда стало известно, что к Маритэль посватался наследник Акаланте, я попросил отца отправить меня сюда. Посол при чужом дворе – хорошая должность для того, кому лучше держаться подальше от любящих родичей. Кто же знал, что у вас творится такое? Ну что, ваше величество, – вернулся он к прежнему насмешливому тону, – вы все еще хотите иметь братьев и сестер?

– Сестра спасла вам жизнь, – парировал Алестар.

– О да, которую хотел отнять брат. Вы всегда видите в других самое лучшее?

Улыбка Эргиана показалась Джад напряженной, но, пожалуй, не фальшивой. Принц позволил камешкам тосу просыпаться сквозь пальцы, не сводя с Алестара странно тоскливого взгляда, и это было так не похоже на вечно язвительного и уверенного в себе кариандца, что Джад охватил холодный ужас. Бывают мгновения, которые решают судьбу на много лет вперед, если не навсегда. Те, что вскрывают душу до глубин более темных, чем подводная Бездна. И чудовища там таятся такие же страшные.

Ей подумалось, что на месте старших братьев Эргиана она бы не так снисходительно отнеслась к успехам принца в игре. Риши, что здесь зовут тосу, – игра полководцев и жрецов, мудрецов и правителей. Тот, кто знает в ней толк, опасен остро отточенным умом не менее, чем клинком. Эргиан смотрел на Алестара, явно что-то решая, и было понятно, что все их встречи на Арене, в Совете и у вулканов – все они вели к этому мгновению, как долгий поединок ведет к единственному завершающему удару. Или к опущенному мечу, щадящему противника. И к тому, что начинается потом, – к последствиям этого выбора.

– Я стараюсь, – тихо сказал Алестар, отвечая глубиннику таким же болезненно открытым взглядом. – Мой отец всю жизнь считал лучшим другом того, кто его убил. Наверное, я никогда не смогу об этом забыть. Но это не причина, чтобы отказываться от дружбы. Вы правы, Эргиан, брат может предать, как любой другой. Ему даже проще это сделать. И удар в спину от того, кому веришь, во сто крат больнее. Но если не верить никому, кто прикроет твою спину, когда это понадобится? Я очень плохой игрок в тосу, зато неплохо понимаю в гонках. Там всегда остается только один победитель. Случается, один наездник помогает другому против третьего, но лишь до тех пор, пока Арена не столкнет их между собой. И я не хочу жить, как в Гонках. Я знаю вкус победы, она того не стоит.

– Вкус победы... – протянул Эргиан, словно смакуя каждое слово. – На что он похож? На власть? На счастье?

– Он горький, – с застывшим, как камень, лицом еще тише сказал Алестар. – Сначала кажется, что ничего слаще ты не ведал, что ради этого можно отдать все, совершить что угодно... А потом понимаешь, что отдал как раз то, что имело настоящую цену. Я дюжину с лишним лет брал главные призы, думая, что это делает меня лучше остальных. Верил, что победить можно честно... А сегодня утром я убил своего врага, не прикоснувшись к нему ни пальцем, ни лоуром. Убил несколькими словами, натравив на него его же свиту. Он думал, что мы играем в тосу, и выиграет умнейший. А я знал, что мы на Арене, и одного ума мало. Нужны еще хитрость, подлость и готовность победить любой ценой. Вы выбрались из скал, Эргиан, а я... кажется, я остался там. В тех скалах, куда сам себя загнал своей победой. Мне ли осуждать других, если мои руки в крови? И чего теперь стоит мое слово?

– Думаю, – еле слышно ответил Эргиан, – оно, как и прежде, честь всего моря. Иначе вас не заботила бы кровь на руках. Ее так легко смыть... Поверьте тому, кто знает в этом толк. Мы с Эриаллом были не только единокровными братьями, но и единоутробными. Нет родства ближе... Но моя верность принадлежит Маритэль, единственной, кого при дворе Карианда я считаю сестрой. И ради нее я пойду на что угодно, а чем придется за это платить – знает Мать Море, ей и взвешивать мои слова и поступки. Вы сказали, что постараетесь ее найти – этого довольно, чтобы я был вам благодарен. И верен – насколько смогу. Но, умоляю, пока я принадлежу Карианду, не поворачивайтесь ко мне спиной, тир-на. У моего отца слишком много сыновей, чтобы ценить одного из них выше, чем надежду заполнить Акаланте.

Улыбка давно исчезла с его лица, перестав скрывать истинные чувства, и глубинный принц смотрел в лицо Алестару прямо и с какой-то безнадежной гордостью. Так смотрят воины, зная, что приказ полководца оставил их умирать. Джад оценила – и содрогнулась от сочувствия умному и порядочному юноше, ставшему разменной фишкой в играх королей. Камешком, которым так легко жертвуют ради выигрыша, ни на мгновение даже не задумавшись о его чувствах и чести.

– Я запомню, – кивнул Алестар и протянул глубиннику руку.

Тот глянул с изумлением, потом подал свою и осторожно пожал пальцы рыжего.

– Вы невозможны, тир-на, – сказал он, криво усмехнувшись и забрав руку. – Просто невозможны. Я буду молиться Трои, которые так любят Акаланте, чтоб они позволили мне увидеть, чем все это закончится...

Стук в дверь прервал его. Оба иреназе, как по команде, вскинулись, и Джад тоже невольно напряглась – возможно, стало что-то известно о караване? Но за медленно открывшейся дверью оказался молоденький целитель из подручных Невиса, который поклонился королю и сконфуженно произнес:

– Прошу прощения, тир-на, вы велели вас позвать, когда...

– Да, я плыву, – оборвал его Алестар и поспешно оттолкнулся хвостом от ложа.

Всплыв наверх, он обернулся к Джад и Эргиану.

– Если появятся новости о пропавших, вас известят так же, как меня самого – я распорядился. Простите, у меня неотложное дело.

– Разумеется, тир-на.

Кариандец вежливо поклонился, Джад тоже склонила голову, молча гадая, что за дела у Алестара с целителями. Впрочем, её это не касается. «Меня теперь не касается ничто, происходящее здесь, – нужно почаще себе об этом напоминать», – подумала Джад с внезапным раздражением.

– Простите, – негромко сказал Эргиан, впервые за долгое время обратившись к ней, когда за Алестаром закрылась тяжелая дверь спальни. – Вам, должно быть, очень нелегко посреди наших придворных штормов. Я стораю от любопытства, что же произошло сегодня утром, но, конечно, не вправе вас расспрашивать...

Он принялся собирать камешки тосу, рассыпанные по постели, складывая их в коробку. И Джад, глядя, как смешиваются черные и белые фишки, глубоко вздохнула. В самом деле, ведь Эргиан очень быстро обо всем узнает. Он вообще знает чересчур много для чужака при дворе Акаланте. Как там сказал Алестар про чересчур умного посла? Иногда рыжий попадает словами точнее, чем лоуром.

– Вопрос за вопрос? – предложила она кариандцу. – Я не обещаю, что отвечу на любой, но вы и сами это понимаете.

– Более того, я на это и не рассчитываю, – весело блеснул глазами Эргиан, окончательно вернув себе маску насмешника и хитреца. – Извольте, каи-на. Хм... что бы такое у вас спросить... Кто сегодня поплатился жизнью, проиграв его величеству Алестару гонку, я и так дога-

дался. Ведь это же король прибрежного королевства, так? Торвальд Аусдранг, ваш бывший... наниматель.

Джиад с усмешкой кивнула, оценив деликатность кариандца.

– А Сердце моря, которое досталось вам, оказалось очередной фальшивкой, – азартно продолжил Эргиан.

Джиад снова кивнула – в этом уже признался сам Алестар. Ей было интересно, о чем же спросит глубинный принц, но тот не торопился. Все камешки уже отправились в коробку, уложенные столь аккуратно, словно это было важнейшим делом. Эргиан погладил их кончиками пальцев, полюбовался и, подняв глаза на Джиад, сообщил:

– А знаете, я, пожалуй, уступлю вам первый вопрос. Всегда любил ходить вторым.

– Понимаю, – улыбнулась Джиад. – У нас в Храме говорят, что первым поднявший меч, поражает самого себя. Но пусть будет по-вашему. У меня очень простой вопрос, ваше высочество. Зачем вы так настойчиво внушаете тир-на Алестару мысль оставить меня в Акаланте?

– Именно в Акаланте? – поднял бровь Эргиан в явно притворном недоумении. – Вообще-то, я рассуждал исключительно об охране моего отца, повелителя Карианда.

– Вы даже Алестара этим не обманули, – не без злорадства сообщила Джиад. – Все-таки он действительно хорош в гонках и знает, что салту не всегда плывет в ту сторону, куда виляет его хвост.

– О, да вы становитесь настоящей иреназе! – восхитился глубинный мерзавец и от души рассмеялся. – Ну, положим, в хвостах салту я действительно не разбираюсь... Кстати, вы еще обещали рассказать мне о своем питомце – жду с нетерпением. Да-да, простите, вопрос... Ответ будет еще проще, пожалуй. Потому что я действительно хочу, чтобы вы остались здесь.

– Зачем? – вырвалось у Джиад. – Вам-то это зачем? Ведь ваша сестра выйдет за него замуж! Зачем вам, чтобы я... То есть чтобы Алестар...

– Вы удивительно ему подходите, – без улыбки и со спокойной грустью сказал кариандец. – Именно потому, что вы с ним такие разные. Как вода и скалы, что не могут друг без друга. Я не слепой, каи-на Джиад. Я вижу любовь в его глазах и смятение – в ваших. Пока еще смятение. Но уже не ненависть. А смятение лучше мертвого покоя, как волна – лучше штиля, это известно и людям, не правда ли? Я люблю мою сестричку Маритэль всей душой. И понимаю, что они с тир-на Алестаром не будут счастливы. Да, запечатление сгладит острые края и подарит им взаимное наслаждение тел. И Маритэль будет прекрасной супругой короля: верной, нежной, покладистой. Но тир-на Алестару не нужен мягкий мох, ему нужна скала, о которую будут биться его волны...

– Продолжайте, – мрачно сказала Джиад. – Я слушаю. Скала, значит?

– И мох тоже, – пожал плечами кариандец, – почему нет? Он ведь прекрасно растет на скалах. Каи-на, я не знаю, какие традиции у вас на родине, но короли иреназе часто имеют наложниц. Запечатление этому совершенно не мешает! Маритэль могла бы стать душой своего супруга, но она никогда не станет его рассудком и удилами, как это удастся вам. А любовь... о, ее у тир-на Алестара хватит на двоих, я полагаю.

– Вы так великолепно все рассчитали, – выдавила Джиад, не зная, смеяться или возмущаться. – Маритэль – законная супруга, я – наложница. Ну и страж... Об этом вы ведь тоже думали, верно?

Эргиан кивнул, опять блеснув глазами.

– А меня вы не забыли спросить? – все-таки возмутилась Джиад. – Да, я храмовый страж, чье предназначение – служить. Но я еще и человек. Провести в море всю жизнь – это не та судьба, о которой я прошу своего бога! Мне здесь не место! У меня ноги, а не хвост, я дышу только благодаря амулету, мне уже во сне снятся лепешки и жареное мясо, а не ваша рыба с водорослями. Думаете, это ничего не значит?!

– Я думаю, – с подозрительной серьезностью сообщил Эргиан, – что богам виднее. Не поверите, но я тоже никогда не мечтал о судьбе советника при короле, который приводит меня в непрерывное изумление половиной слов и поступков, а второй половиной заставляет то восхищаться, то ужасаться. Но, кажется, если боги уготовили мне именно такую участь, я должен их поблагодарить – другая могла бы оказаться хуже. Не такой интересной, во всяком случае. Я понимаю вас, каи-на. Поверьте, действительно понимаю. И никто не станет держать вас тут силой. Уж точно не тир-на Алестар, насколько я мог убедиться. Просто подумайте об этом, прошу. Что ждет вас наверху? Новая служба неизвестно у кого? И так – долгие годы? Одиночество, случайные любовники, верность тому, кто купил вас как вещь? Стоит ли это привычных блюд и возможности дышать воздухом вместо воды? Решать, конечно, вам.

– Я здесь оказалась не по своей воле, – привычно огрызнулась Джаид, а в памяти всплыл голос Малкависа, говорящего о свободе почти то же самое, что сейчас было так неприятно и почти страшно слышать от глубинного принца.

Эргиан смотрел на нее с сочувствием, и под мягким спокойным взглядом серых глаз терялись гневные слова, таяло возмущение, уходя, как вода в песок. Остаться в море? Глупость какая. Невозможная, полная, непревзойденная глупость. Да понимает ли кариандец, какой тугой узел ненависти и боли связывает Джаид с Алестаром? То есть связывал еще совсем недавно... Неважно! Остаться – невозможно.

– Это невозможно, – повторила она вслух, всей душой чувствуя уверенность в собственной правоте. – Я понимаю вас, тир-на Эргиан, вы выросли в семье, где подобное – дело обычное... Но это не для меня.

– Вы хотите стать не наложницей, а законной супругой? – все так же спокойно поинтересовался кариандец.

– Да нет же! – выдохнула Джаид. – Нет! Это... ничего не изменит. Я просто хочу наверх! К солнцу, воздуху... К своей собственной жизни, понимаете? Я храмовый страж, я человек! Моя судьба – там!

– Хорошо, я понял, – слегка улыбнулся Эргиан. – Простите, если был слишком... настойчив. И вы позволите оставить мне мой вопрос на будущее? Думаю, хватит на сегодня разговоров, которые сдирают чешую с сердца.

– Да, конечно, – с облегчением кивнула Джаид, чувствуя, как наваливается усталость.

Провожая взглядом уплывающего кариандского принца, она честно попыталась представить, что вот такой и была бы отныне ее жизнь. Под водой – навсегда. Та же служба, только у всех вместо ног – хвосты. Еда непривычная и не слишком вкусная... Хотя старшие стражи рассказывали, чем иной раз приходится питаться, если занесет далеко на восток. Там тоже любят водоросли и рыбу, а еще жареную саранчу, улиток, вяленых червей, бараньи яички и выдержанные несколько лет в глине яйца... Да нет же, глупость. Совсем не о том следует думать. Как только Лилайн выздоровеет, они смогут подняться наверх и... отправиться куда-то вместе? Разойтись навсегда?

Джаид мысленно застонала. Проклятый кариандец несколькими словами разбил ее привычный мир на кусочки, а потом раскидал их, как камешки для игры, сложив что-то свое, странное, непонятное и пугающее. Глупости это все. Следует положиться на волю Малкависа и выполнять долг стража – и все пойдет как надо. Благодарение всем богам, что Алестар действительно держит слово, и можно не бояться, что Джаид оставят здесь силой. Ведь не оставят же? Слово короля – честь всего моря. Но куда же он уплыл?

Несколько минут Джаид уговаривала себя, что мало ли, какие дела у рыжего могут быть с целителями? И что это неприлично, в конце концов! Но в мысли упорно лезло, что раненый, возле которого она видела именно этого парнишку-лекаря, поблизости только один. И... в этом ведь нет ничего такого, если она просто спросит? Может, ей нужно поговорить с Алестаром. И ведь в самом деле нужно! Например, о дурацком плане некоего глубинника, который явно

не собирается от него отказываться. И пока Эргиан не придумал что-то, способное склонить волю богов на его сторону, Алестара следует остеречь.

Убедив себя, что думает только об этом, Джад дернула рычаг вызова прислуги и попросила приплывшего юного слугу разыскать его величество. Нет, звать сюда не надо! И передавать ничего – тоже. Только узнать, где он сейчас.

– Так я вам и так это скажу, кай-на, – радостно сообщил мальчишка и покосился на Жи, принявшегося восторженно рваться из клетки, думая, что его отведут на прогулку. – Его величество с целителем Ирвайном к двуногому поплыли. Ой, простите, к человеку, – смутился мальчишка. – Ну, то есть к тому, которого сегодня принесли. Я как раз у него в комнате туарру кормил, так мне велели уплыть и не беспокоить.

– Вот как... – медленно сказала Джад, про себя лихорадочно пытаясь сообразить, что это означает и почему Алестар отправился к Лилайну сам.

Ну хорошо, с целителем. Но не с ней! Он сказал, что Лилайну не причинят вреда. Слово короля – честь моря. Не забыть бы об этом... Но почему?! И что случится, если эти двое...

Джад едва не застонала, разом представив себе, что могут натворить вспыльчивый иреназе и искренне ненавидящий его наемник. Малкавис, за что? И что делать? Торопиться разнимать? Подождать? Аккуратно послать туда кого-нибудь?

«Мало мне было забот с одним, – безнадежно подумала она. – Вот теперь, чувствую, разом станет куда веселее».

ГЛАВА 3. Худшее слово на свете

Алестар хвостом чувствовал, что первый разговор с возлюбленным Джаид должен случиться наедине, чтобы жрице ни в коем случае не пришлось оказаться между волной и рифом. И как можно скорее, пока кто-то не наболтал лишнего. Все равно человеку скажут, конечно, что Джаид – избранная короля, но с этим можно разобраться после, когда первый шторм между ними стихнет. Куда труднее будет объяснить всем остальным, почему жрица больше не носит его браслет... Но это все – тоже потом!

Так что он велел целителям предупредить его, как только человек придет в себя и сможет беседовать, а оказавшись в комнате, первым делом велел оставить их вдвоем. Умница Ирвайн поклонился и уплыл, попросив только не беспокоить раненого слишком долго, и Алестар пообещал, забыв, впрочем, спросить, долго – это сколько? Ладно, разберется как-нибудь.

Дождавшись, пока за Ирвайном закроется дверь, он подплыл ближе к постели, где лежал обнаженный до пояса и перевязанный человек, внимательно вгляделся в лицо, показавшееся смутно знакомым. Хижина, каменный очаг с огнем, сидящая перед ним Джаид... Горячечный бред после запечатления вспомнился так явно, словно все случилось наяву. Значит, это и в самом деле не было бредом! Но какая теперь разница? Их с Джаид запечатление растворилось в молочном тумане зелья – и воспоминание об этом отдалось в сердце уже привычной болью.

Алестар молча разглядывал раненого, даже не думая стесняться своего интереса, и человек отвечал тем же. Светло-голубые глаза цвета зимнего неба недобро глядели со смуглого, почти как у Джаид, лица. Однако оттенок кожи – это единственное, что у них со жрицей оказалось похожим. Тело Джаид при всей его силе поражало изяществом и плавностью форм. Лилайн же – как назвала его жрица, – был похож на хорошего гоночного салту: рослый, с четко обрисованными плоскими мускулами плеч, груди и рук. Такой же быстрый, наверное. И такой же опасный.

Во взгляде, колючем, как острие лоура, у него точно не было ни тени смирения или боязни. Он смотрел так, словно выискивал на Алестаре уязвимое место. Или уже нашел. «Мало мне было одного Даголара», – с усталым раздражением подумал Алестар, окончательно уверившись, что правильно решил сначала поговорить с глазу на глаз.

– Полагаю, ты очень хочешь меня убить, – спокойно сказал он, одним взмахом хвоста опускаясь ближе к полу, чтобы человеку не приходилось смотреть снизу вверх.

– У меня есть причины, – помедлив, с обманчивым равнодушием отозвался тот.

– Есть, – согласился Алестар. – Но даже пытаться не стоит.

– Потому что я здесь пленник? – одними уголками рта усмехнулся человек и пошевелился на подушках, тут же едва заметно дернув щекой от боли.

– Ну что ты, – ответил Алестар такой же едва заметной усмешкой. – Разве Джаид не заверила тебя в моем гостеприимстве?

О, какой яростный огонь вспыхнул в льдисто-голубых глазах! Злость пополам с бессилием – отравы, разом напомнившая Алестару дурман гарнаты. Несколько мгновений он смотрел наемнику в глаза, почти наслаждаясь тем, что видел в них. Разве не этот двуногий отнимет у него Джаид? Уже отнял! Она выбрала его сама и по доброй воле, их не разделяет память о боли и унижении, и он смог стать для нее тем, чем Алестар уже станет никогда – возлюбленным, которого желают сердцем и телом.

И она уплывет с ним. Вот о чем забывать не следовало, как бы ни хотелось хоть ненадолго забыть.

– Гостеприимстве?

Яда в одно-единственное слово человек ухитрился влить столько, что хватило бы на дюжину мурен. У Алестара даже в висках застучало от злости. Да что он о себе возомнил,

этот двуногий?! Беспомощный, раненый, всем своим хрупким существованием зависящий от камешка на шее! И только из-за жрицы Алестар до сих пор не осадил его за наглость.

– Здесь, в Акаланте, не любят людей, – бросил он еще более ядовито и надменно. – Тебя приняли как гостя по просьбе Джад, единственной из жителей земли, чье слово я ценю. Ты под моей защитой, потому что она этого хочет, но сомневаться в гостеприимстве короля Акаланте – дерзко и не слишком умно.

– Не глупее, чем рассчитывать на его благородство.

Человек попытался привстать, то ли для того, чтобы пристальнее всмотреться в Алестара, то ли просто – лечь поудобнее. Скривился едва заметно, лицо на пару мгновений закаменело от тщательно скрываемой боли, но читать по лицам и глазам Алестар умел, хоть и хуже, чем по движениям. Его сопернику было больно. Наверное – очень больно, однако он держался и огрызался, едва ли думая, чем все это может закончиться. Да глубинные его побери! Как легко и сладко было бы ненавидеть этого двуногого салту – и не получалось!

– Терпения у меня еще меньше, чем благородства, – невольно съязвил Алестар. – Советую хорошо это запомнить. Я не буду с тобой драться, даже не рассчитывай. И если у тебя есть хоть капля ума, ты тоже не станешь добиваться поединка.

– Потому что ты здешний король? – глумливо усмехнулся тот.

– Именно, – бросил, едва сдерживаясь, Алестар. – Я здешний король, и покушение на мою жизнь карается смертью. Закон не знает исключений. А ты – гость не только мой, но и госпожи Джад. Она за тебя поручилась. Понимаешь, что это означает?

О, понял он мгновенно. Еще пару мгновений смотрел на Алестара с лихорадочной ненавистью в глазах, а потом стиснул зубы так, что по заострившимся скулам прокатились желваки. Вдохнул глубоко, полной грудью, и Алестар невольно посочувствовал какой-то частью разума, ответственной за справедливость. Быть так близко от того, кого ненавидишь, и не иметь возможности для мести – он хорошо помнил, каково это. Еще не растаял в памяти ненавистный вид и голос Торвальда Аусдрангского! Да, возлюбленного Джад, изнывающего от бешенства и бессилия, Алестар понимал. И готов был свести к ничьей поединок слов, если уж поединок оружия и вовсе под запретом. Но человек подставился сам.

– И каково оно – прятаться за чужой спиной? – поинтересовался он едко.

Смутное лицо заливала бледность, и будь здесь целитель – Алестара уже давно отправили бы из комнаты. А теперь, получается, он должен подумать и об этом? Уйти, оставив последнее слово за соперником? Чтобы тот, не дай Трое, не слишком утомился?!

– Спроси самого себя, – огрызнулся он вместо этого. – Потому что мы оба за ней прячемся, если начистоту!

Перевел дыхание и добавил, с трудом сдерживая злость:

– Меня не интересует, что ты обо мне думаешь. Просто води себя прилично, чтобы в твоей дерзости не обвинили Джад, – это все, что от тебя требуется. Она не заслужила разнимать нас, как двух сцепившихся салту.

И, едва успев договорить, он понял, что попал. Безупречно угодил в больное место, словно легко и точно скользнул в просвет, на пару мгновений открывшийся между плотными телами чужих верховых зверей.

На мгновение стало стыдно. Человек не сделал ему ничего плохого, и уж причин для ненависти у него и вправду предостаточно. Алестар бы на его месте...

«Я на его месте никогда не буду, – устало подумал он. – И хватит об этом. Что толку вечно мучиться угрызениями совести, если прошлого не изменить.

– Я не просил о твоем гостеприимстве, – тихо сказал Лилайн.

– Верно, – согласился Алестар. – И потому ты ничего мне за него не должен. Кроме обычной вежливости, да и то, поверь, я бы без нее обошелся. В другое время...

«В другое время, – подумал он, – я бы вылечил тебя силой Сердца моря. Хорошо вылечил, на совесть, как лучшего друга! А потом... потом сам предложил бы поединок. И пусть лоуры решат, чье сердце крепче».

«О да, – глумливо согласился чей-то голос в его мыслях: – Сражаться в воде, где у тебя есть хвост, а у него – нету. Где ты привык двигаться, дышать и думать так легко, что даже не замечаешь этого, а он беспомощен, словно маару, лишенный щупальцев. И ты назвал бы это честным поединком? И не постыдился бы этой победы?»

– Другого времени не бывает, – снова усмехнулся Лилайн. – Никогда. Что ты со мной собираешься делать?

– Лечить, – равнодушно от усталости сказал Алестар и бесстрастно добавил: – Если я верно понял, в смерти Торвальда его каи-на обвинят тебя?

– Каи-на? Лорды? Конечно, кого же им еще винить.

«Еще несколько вздохов – и пора будет уходить, – понял Алестар. – И звать целителей... То есть уже давно пора, но... ладно, еще чуть».

– Они наверняка потребуют отдать меня, – так же ровно сказал Лилайн, не сводя с него взгляда лихорадочно блестящих глаз. – Будут грозить или обещать выкуп...

– Какая жалость, что я не торгую своими гостями, – снова не сдержался Алестар от насмешки. – А угрозы тем более не люблю. Что берег сделает с морем? Швырнет в него камушком? Успокойся, мне нет никакого дела, кто станет следующим королем Аусдранга и какую ложь сочинят о смерти Торвальда. Он мертв, и это лучшее, что случилось в последнее время. Если же люди захотят отправлять свои корабли и лодки в мои воды, это они придут ко мне, и не с угрозами, а прося о милости. Ты спрашивал, что я собираюсь делать с тобой? Для начала – вылечить. У нас хорошие целители, Джад говорит, что лучше ваших, земных. Потом, когда поправишься, можешь уплыть домой.

– А Джад?

Сейчас он был похож на салту, выжимающего остатки сил в попытке доплыть до цели. И Алестар бы посочувствовал и даже устыдился, но короткое имя, так небрежно произнесенное, укололо прямо в сердце ядовитой хвостовой колючкой ската. И от этого укола внутри снова поднялась та горячая слепая ярость, с которой он думал о Торвальде. О любом, кто был с Джадом. Кто целовал ее лицо и пальцы, ласкал ее тело, заглядывал ей в глаза и видел прикусенную в страсти губу... Кто обладал ею, оставив след в ее плоти и душе, а главное – кого она любила.

Да, он убил Торвальда, не притронувшись к нему и пальцем. И сделал бы это снова сто, тысячу раз. За всю боль, что эта тварь причинила Джаду. Но оказалось, что дело не только в ненависти. Ему не за что было мстить Лилайну, но он исступленно хотел даже не смерти соперника, а просто – чтобы его не было рядом. Или вообще никогда не существовало. Лишь потому, что, выбирая между ними, Джад никогда не выберет Алестара. Худшее на свете слово – никогда.

«А я ведь мог бы избавиться о него легче, чем хвостом махнуть, – пришла холодная и ясная мысль. – И вовсе не нужно вызывать на поединок или доводить до такой ярости, чтобы он нарушил закон о неприкосновенности короля. Достаточно просто уронить пару слов. Не целителям, конечно, а... жрецам, пожалуй. Тот мерзавец из храма Трех наверняка найдет способ, чтобы в еде или питье человека оказалась капля какой-то гадости. И будет неизмеримо счастлив оказать своему королю такую услугу».

А можно и проще. Он ведь ничего не знает об опасностях нашего мира. И даже не поймет, например, что нужно замереть, если рядом оказалась красивая рыбка в черно-красную полоску, одним уколом плавника приносящая быструю тихую смерть... Могу я это сделать? Правильно рассчитать, устроить, а потом утешать Джада, клянясь, что никто не хотел здесь

плохого ее другу? Почему нет? А там, глядишь, вдруг она решит остаться здесь? Если ничто больше не позовет ее наверх...»

Молчание затянулось. Человек смотрел на него так, словно от решения Алестара прямо сейчас зависела его жизнь. Не зная, что это на самом деле так. Что волны поднимают и опускают, как поплавок, его судьбу, и Алестара рвет изнутри на части никогда доселе не изведенное желание стереть, уничтожить, развеять саму память о Лилайне в разуме и сердце Джаад.

– Каи-на Джаад, – услышал он свой голос будто со стороны, – не пленница в моем дворце, а почетная гостя. Любое ее желание – закон, и выполнить его – честь и радость для меня и моих подданных. Если она захочет покинуть Акаланте, то вольна сделать это сразу, как только пожелает и как это окажется возможным.

– И она здесь по своей воле? – яростно выдохнул Лилайн, подаваясь вперед и не замечая, что из-под повязки на его плече сочится кровь.

Зато Алестар сразу почувствовал отвратительный соленый вкус в воде и едва удержался, чтобы не скривиться.

– А по-твоему, наверху ей было безопаснее?! – рявкнул он, тоже не сдерживаясь. – Там, где она могла попасть в щупальца к этому выкидышу маару?! А может, мне напомнить, кто отдал нам ее в первый раз? Прежде, чем колоть меня моей виной, вспомни о собственной! Я-то свою знаю, и, клянусь Матерью Море, мне ее никогда не забыть!

Их взгляды скрестились, как лоуры в поединке, и Алестар не отвел свой – первым. Впрочем, как и Лилайн, который просто обмяк в подушках, тяжело и быстро задышав, и Алестар, нехорошо помянув собственную дурость, торопливо дернул рычаг вызова. Посторонился, пропустив стремительно приплывшего Ирвайна, виновато закусил губу. На душе было темно и мерзко, словно в облаке поднятой со дна мути. И дышалось так же тяжело.

Значит, вот этот клубок мурен, свернувшийся под сердцем, оплетающий его ядовитыми водорослями, – это и есть ревность? И можно оправдать перед самим собой любую подлость, пока эта дрянь, родившаяся из твоих собственных желаний, шепчет в ухо, что нет ничего справедливого в том, чтобы уступить свою любовь другому? Значит, вот так оно и начинается? А потом ты оправдаешь себя в чем угодно, потому что ты – король, ты всегда прав, и все должно принадлежать тебе... Власть, сила... и единственная в мире женщина. Для тебя – единственная. Неважно, хочет ли она этого, значение имеют лишь твои желания.

Алестару стало жутко, будто он заглянул в Бездну, о которой рассказывал Эргиан, и проник ее взглядом до самого дна, а потом понял, что эта бездонная тьма – внутри него самого. Он вздрогнул, сбрасывая липкий темный страх, и поклялся, что ни за что, никогда... Сам не до конца осознавая, в чем клянется, но старательно давя даже мысль о том, что мог бы сделать с Лилайном.

– Я же просил, ваше величество... – только и выдохнул Ирвайн, меняя на плече то ли гостя, то ли пленника повязку, поднося к его губам поильник с лекарством и тревожно вглядываясь в посеревшее смуглое лицо.

– Простите, – буркнул Алестар. – Он... скоро оправится?

– От этой раны – да. Она свежая, и помощь была оказана вовремя.

Ирвайн чуть ли не силой влил в больного содержимое второго поильника и проверил пульс на его запястье.

– Но у него сильное истощение, – сказал он негромко, не поворачиваясь к Алестару. – Его долго держали голодным и не давали вволю воды. Пытали, попросту били... Мы, конечно, справимся с этим, но лечиться придется долго.

– Слышал? – хмуро спросил Алестар, поймав яростно горящий взгляд из-под полуприкрытых век. – Если собираешься сдохнуть – дело твое, даже уговаривать не стану. Только Джаад от твоей смерти не будет никакой пользы, одно горе. А вот если выживешь и придеешь в себя, то... хотя бы будет, кому ее беречь наверху.

Они снова встретились взглядами, и человек медленно, словно нехотя, прикрыл глаза – сил у него не осталось даже на то, чтобы кивнуть. И тут же снова посмотрел на Алестара в упор, молча требуя ответа. Ирвайн суетился с повязками, и отсылать его не хотелось, но ведь главного, ради чего он и пришел, Алестар сказать не успел. Вместо этого сорвался и помчал, как малек салру по прибою... Но, может, и хорошо, что не успел? Джад сама расскажет все, что сочтет нужным.

– Ирвайн, – сказал он целителю. – Проследи, чтобы наш гость ни в чем не нуждался. И никого, кроме каи-на Джад, к нему не пускать.

– Да, ваше величество, – с готовностью согласился целитель. – Не беспокойтесь, никто его не потревожит.

«Все-таки пленник?» – еще яростнее вспыхнули светлые, как хорошо отточенное острие луора, глаза.

Алестар прочел это так явно, словно услышал голос.

– Выздоровливай, – бросил он, мечтая только об одном: чтобы быстрее закончился очередной безумный день, а утро следующего принесло хоть какие-то хорошие вести.

И уснуть в одной посели с Джад ему больше не удастся. Никогда – все то же мерзкое, с горьковато-соленым привкусом на губах, слово. Нет, конечно, это просто в воде вокруг растворилась кровь. Вода утечет, промоет комнату насквозь, сменится чистой. Жаль, что с памятью нельзя сделать так же. Не промыть, не очистить...

Лилайн бессильно прикрыл глаза, погрузившись в сон, и Алестар, еще несколько мгновений посмотрев на него, выплыл из комнаты.

* * *

С Алестаром она разминулась совсем чуть-чуть. Будь это наверху, сказала бы, что его следы еще не остыли, а здесь... Море не хранит следов. «Точнее, ты не можешь их прочесть, – поправила себя Джад. – А иреназе могут, Алестар говорил, что вода долго помнит кровь...» Но следы пропавшей принцессы Карианда и ее свиты морские глубины скрыли так же надежно, как пустынный ветер – след затерявшегося в барханах путника.

– Мой друг хорошо себя чувствует? – спросила она терпеливо ожидающего ее внимания целителя, молодого светловолосого иреназе с умным тонким лицом. – Когда он выздоровеет?

– Не могу сказать в точности, каи-на, – развел руками тот. – Он сильно истощен, есть повреждения внутренних органов. Можно надеяться, что излечение будет полным, но понадобится время и послушание больного. Много сна, особая пища... И покой, разумеется. Сейчас ваш друг спит, и я бы не советовал его будить. Если он и проснется, то не раньше вечера, а сразу после ужина и перевязки я дам ему еще сонного снадобья.

– Понимаю, – уронила Джад. – И очень вам благодарна, господин Ирвайн. Если Лилайн станет беспокоиться, пошлите за мной, будьте любезны. Здесь для него все чужое, непривычное, и я могла бы помочь.

– Разумеется, каи-на, – поклонился иреназе и не удержался – бросил быстрый взгляд на ее руку.

Джад мысленно вздохнула: ну вот, начинается. Без массивного золотого браслета, к тяжести которого она уже привыкла, запястье ощущалось непривычно легким и словно обнаженным. Его хотелось то потрогать, убедившись, что сгиб руки совершенно свободен, то убрать подальше от любопытных глаз, будто в том, что она сняла браслет, есть что-то непристойное. Глупость какая!

Вернув Ирвайну поклон, она бросила последний взгляд на дверь комнаты, где спал Лилайн, и выплыла в коридор, уже привычно темный и прохладный. Вот и что теперь делать? Алестар занят королевскими делами, да и не стоит попадаться ему на глаза чаще необходимого. Напроситься бы к Эргиану на партию в риши, но брату, потерявшему сестру, не до того, чтобы

развлекать навязчивую гостью. Выгулять Жи? Отправиться в знакомый маленький дворик и хорошенько потренироваться?

Она медленно плыла по коридору, все яснее понимая, что чуть ли не впервые в жизни не может найти себе дела. То есть может, конечно, однако даже мысль об играх с рыбенышем вызывала глухое неправильное раздражение. Что это с ней творится? «Безделье недостойно стража, оно ослабляет тело и поит разум дурманом, – всплыли в памяти строки соответствующей сутры. – Слабость, рожденная бездельем, увеличивается, как летящая с горы лавина, и погребает под собой благие стремления...»

Но сутры тоже чуть ли не впервые не помогали. Найти себе любое занятие, лишь бы не бездельничать, показалось бессмысленным самообманом. Ладно, все-таки можно погулять с Жи...

И тут Джад словно укололо – она вспомнила! Санлия... Она совсем забыла про бывшую наложницу, которую отдала на ее попечение. Кажется, Алестар, вынося приговор, велел разместить девушку возле покоев Джад?

Торопливо вернувшись к себе, она вызвала слугу и велела отвести себя к ири-на Санлии. Несколько минут – и Джад оказалась перед массивной дверью, точно такой же, как ее собственная. И вправду рядом, всего несколько десятков шагов по коридору, если считать земными мерками.

Слуга, поклонившись, уплыл, а Джад замерла, пытаясь собраться с мыслями. Что она скажет Санлии? И можно ли как-то помочь несчастной суаланке, которую будто преследует злая судьба? Ответов у нее не было, но... «Вот об этом я и скажу, – решила она, толкая тяжелую дверь. – Может быть, вместе мы что-нибудь придумаем. Говорят, что мысли человека подобны птичьему крылу, но даже на самом мощном крыле нельзя взлететь, если оно одно, зато два, пусть и слабых, поднимают птицу в воздух».

Дверь качнулась, пропуская ее, Джад проплыла внутрь и едва не столкнулась с молодым иреназе, показавшимся ей знакомым. Ах да, он же приносил зелье для разрыва запечатления!

Юноша почтительно поклонился и уставился на Джад с неподдельным интересом, будто пытаясь что-то прочитать на ее лице.

– Амо-на... Виалас? – не без труда вспомнила она, и иреназе просиял.

– Для меня честь, что каи-на помнит мое имя, – церемонно сообщил он, снова кланяясь. – Вижу, эликсир возымел нужное действие?

– Да, – скупно уронила Джад.

А она ведь даже не спросила у рыжего, что отвечать на вопросы, чтобы нечаянно не задеть его королевскую честь! Но Виаласа, кажется, интересовал только результат его работы. Встречала она и на земле таких целителей, умелых и старательных, но в пациентах видящих лишь ступеньку к новым знаниям.

Подтверждая ее мысли, Виалас посторонился и сообщил:

– Прошу прощения, каи-на, я не смог выполнить приказ его величества и помочь его наложнице. Мне очень жаль! Изумительно интересный случай, но безнадежный.

– Приказ его величества? – осторожно переспросила Джад. – А он приказывал...

– Тир-на Алестар был так великодушен, – раздался хрустальный голосок Санлии, – что не стал отменять приказ, данный им... задолго до всего случившегося. Он хотел, чтобы мне вернули способность к запечатлению. Увы, Мать Море лишила меня своей милости, и я не могу не признать справедливость этого возмездия.

Подплыв, она склонилась перед Джад в глубоком почтительном поклоне, и той стало неловко. Значит, Алестар пытался позаботиться о своей наложнице? В это легко поверить, он ведь даже на злополучном Совете с радостью воспользовался возможностью не казнить Санлию, пусть и ценой ее свободы. Наверное, он по-своему любит суаланку. Такую красивую, изысканную, гордую и отважную...

«Тебе-то что до этого, – сердито оборвала себя Джад. – Они давно вместе, и у него наверняка есть причины о ней заботиться! Вот еще – думать об этом».

– И у вас ничего не получилось? – повернулась она к Виаласу. – Неужели нет никакой надежды?

– Мне жаль, – кивнул тот и покачал из стороны в сторону хвостом. – В крови ири-на Санлии отсутствуют вещества, на которых строится способность к запечатлению. Обычно они вырабатываются телом, когда оно созревает для любви и брака. Простите, каи-на, я не знаю, понятно ли вам все это...

– Пока вполне понятно, – поспешно сказала Джад, украдкой бросая взгляд на бледную, но внешне спокойную Санлию.

Суаланка так и не вернулась к прежним роскошным нарядам, а может, ей их попросту не отдали, но все равно была чудно хороша даже в простой тунике из тонкого некрашеного полотна. Волосы она заплела в толстую косу и перевила нитью бирюзовых бус – единственное украшение, которое Джад на ней заметила. Тонкое смуглое лицо, не тронутое красками, словно светилось изнутри собственным внутренним сиянием. Боги, как жаль! Неужели все иреназе – слепцы, способные думать лишь о запечатлении?! Она же прекрасна...

– О, ну так вот! – обрадовался Виалас, складывая руки на груди и становясь похожим на одного из храмовых целителей Арубы. – Когда кто-то из нашего народа входит в брачный возраст, эти вещества в его теле участвуют во многих необходимых процессах. Но если иреназе встречается на ложе с кем-то из собственного города, то они дремлют, ведь у того, другого, точно такие же вещества! Ну, это примерно, как воин Акаланте встречает другого воина в такой же форменной тунике и не вступает с ним в битву.

– Я понимаю, – послушно кивнула Джад на ожидающий взгляд юного жреца. – А у воина из другого города и форма другая, верно?

– Да, – согласился тот, явно удовлетворенный ее сообразительностью. – Суть одна, но форма – другая. Вещества в теле иреназе разных городов образуются одинаковые, но сила города придает им некий характерный оттенок. Если иреназе ляжет на песок с кем-то из другого города, крошечные невидимые воины их тел сначала вступят в борьбу, а потом заключат союз, связав своих хозяев между собой тем новым веществом, которое создадут вместе. У ири-на Санлии, – вспомнил он о наложнице, – нужные вещества несомненно были, раз уж у нее случилось то первое запечатление. Но от случившегося потрясения ее тело потеряло способность их вырабатывать, и ее кровь теперь в определенном смысле пуста.

– Это лечится? – прямо спросила Джад, думая, что давным-давно следовало услышать такой понятный рассказ вместо туманных восхвалений запечатления.

– Нет, – честно и так же прямо сказал Виалас, открыто встретив ее взгляд. – Если лекарство и есть, мне оно неизвестно.

– Вам? – уточнила Джад, ожидая, что юный жрец обидится, но тот лишь фыркнул с изрядной долей высокомерия и заявил:

– Поверьте, каи-на, готовить зелье для вас и его величества доверили именно мне совсем не потому, что другим было некогда. Я знаю, что вы думаете, глядя на меня, но ни в одном храме Акаланте нет никого, более сведущего в этом деле. Я уж не говорю об обычных целителях. Лекарства нет. Я не исключаю, что может случиться чудо и способность к запечатлению вернется, как, бывает, прозревают слепые или обретают способность к движению парализованные. Но чудеса не в моем ведении, хоть я и жрец. Мое дело – зелья и исследования, точная наука, готовая дать ответ без участия высших сил. Я перебрал все архивы храма, касающиеся похожих случаев, но ни разу за многие столетия утраченная способность к запечатлению не вернулась.

– Он прав, каи-на, – прошелестела Санлия, не поднимая на нее глаз. – Я тоже о таком не слышала, а я ведь долго училась на целителя. Надежды нет, но я благодарна его величеству за попытку и амо-на Виаласу за хлопоты.

– Скажите, амо-на, – медленно спросила Джаид, рассудив, что Санлии и так достаточно известно об их с Алестаром отношениях. – А как же тогда случилось запечатление между мной и его величеством, тогда еще принцем? Ведь я человек, откуда у меня эти самые вещества?

– Ну а кто вам сказал, что у двуногих их нет? – удивился Виалас. – Мы, иреназе, дети Матери Море, а вы – Матери Земли, но ведь эти великие богини, прародительницы всего живого, родные сестры. Да, мы еще дышим водой, кроме воздуха, и немного иначе воспринимаем мир, а вместо ног у нас хвост. Но между иреназе и двуногими возможны брачные союзы, у нас могут рождаться дети, а значит, различия совсем не велики.

– На меня запечатление не подействовало, – отчего-то очень хмуро сообщила Джаид.

Виалас посмотрел на нее с сожалением и сообщил:

– Ничего странного. У иреназе кровь очень чутко отзывается на призыв чужой крови, мы ведь веками обмениваемся запечатлениями, и наши тела привыкли к этому. А у людей все внутренние войны одеты в одну и ту же форму, так сказать. Они не сражаются между собой, но, когда человеческие брачные вещества встречаются с веществами иреназе, последние проигрывают, потому что предлагают союз, а их подавляют. Ваши частицы, попавшие в тело тир-на Алестара при соитии, просто взяли его в плен, так сказать. Может, победа и не далась бы им легко, но в крови принца дремали вещества, унаследованные им от человеческого предка, и они, проснувшись, узнали братьев и покорились им, если понимаете, о чем я. Очень интересный процесс! Я обязательно буду исследовать его и дальше!

– Премного благодарна за объяснения, – выдавила Джаид, не зная, удивляться или возмущаться тому, что услышала.

Что ж, теперь многое понятно. Если не думать о том, например, как все иреназе по ее лицу читают, что запечатление разорвано. Но это в другой раз! А то от этих целительских премудростей голова уже кругом.

– Последний вопрос, если позволите, – попросила она, хотя юный жрец явно был счастлив делиться знаниями. – Значит, когда вы дали нам то зелье, оно воздействовало больше на его величество Алестара, чем на меня? И можно ли вернуть разорванное запечатление снова?

Все-таки ей очень не нравились намеки, а потом и прямые предложения Эргиана. Если кариандец поставит цель сделать Джаид наложницей или даже законной женой рыжего, он ведь может и добиться этого. В уме и упрямстве глубинного принца она несколько не сомневалась!

– В вашем случае – нет, – без тени сомнения заявил Виалас. – Никто не может сказать, что я плохо выполняю порученные мне дела. Когда вы выпили зелье, оно сделало ваши брачные вещества ну, скажем... непригодными для запечатления с иреназе. То есть другие иреназе и так вряд ли с вами запечатлелись бы, только те, у кого есть дремлющее наследство людей. Или очень слабые сами по себе. Но нам ведь нужно было разорвать вашу связь именно с его величеством! Зелье подействовало на вас обоих. В его крови вещества, унаследованные от двуногих, начали исчезать, а когда вы в процессе ритуала сошлись на ложе и обменялись телесными жидкостями, его кровь и ваша окончательно поссорились, скажем так. Вы не пострадали, как и велел его величество, а его кровь утратила способность к запечатлению с двуногими.

Он смотрел с такой гордой радостью, так был доволен собой, что Джаид не сразу поняла, что именно слышит. Потом осознала – и ужаснулась. Надо было говорить об этом наедине! Но поздно. Санлия вскинула голову, тоже изумленно воззрившись на жреца, но промолчала, потом посмотрела на Джаид расширившимися глазами, и по этому взгляду было ясно, что умная и образованная суаланка поняла все ничуть не хуже.

– То есть... его величество... больше не сможет запечатлеться именно с двуногими? – мягко уточнила Джаид, наплевав на оскорбительность этого названия и молясь, чтобы все оказалось не так плохо, как она себе представила.

Действительно, не дурак же Алестар, чтобы дважды сунуть руку в осиное гнездо? Никого из людей он больше не тронет. Но вот полукровки?

– С двуногими и с теми, в ком течет их кровь, – радостно заявил Виалас. – Ну а как иначе? Я ведь рассчитывал структуру зелья именно по этому признаку! Больше никаких отличий, способных послужить основанием для разрыва, в вашей и его крови нет. Но кровь двуногих у нас встречается настолько редко, что возможность подобного брачного союза с другим королевским родом можно не учитывать!

О да... Наверное, покойному королю Кариаллу было и вправду нелегко найти для сына принцессу с нужным признаком в роду. Чуть ли не единственную подходящую... А теперь... Теперь получается, что бедняжка Маритэль никогда не сможет выйти за Алестара! Именно она! И если об этом узнает тот, кто ее похитил, не станет ли это причиной избавиться от опасной и уже бесполезной пленницы? И... еще получается, что король Карианда может теперь предложить Алестару любую из своих дочерей! И любой другой король – тоже! Что же ты натворил, умненький жрец-целитель, гениальный в своем ремесле, но совершенно ничего не понимающий в жизни и, тем более, в политике...

На лице Санлии отчетливо читался страх, суланка, должно быть, уже представила, чем ей грозит причастность к такой тайне. Но об этом и самой Джаид следовало хорошенько подумать.

– Виалас, – сказала она непослушными губами, чувствуя, как сердце в груди бьется сильнее и чаще. – А кто еще знает, что вы так замечательно очистили кровь его величества? Вы кому-нибудь рассказывали?

Юный жрец задумался, припоминая. Джаид истово, всем существом взмолилась Малкавису, чтобы тайна осталась тайной. Хотя бы пока! Санлия никому ничего не расскажет, Виаласа тоже можно временно посадить под замок, да и сам жрец из тех, кому дай любимое дело – и лишение свободы он не скоро заметит. Время! Алестару нужно выиграть хоть немного времени, пока у него еще развязаны руки!

– Да вроде никому, – с легким недоумением отозвался Виалас и тут же небрежно поправился. – Кроме моего начальника, разумеется. Амо-на Корасиль всегда спрашивает, что именно у меня получилось. – Он фыркнул и добавил с той же надменностью: – Не понимаю – зачем? Все равно он ничего не смыслит в том, что я делаю и как. Но почему-то каждый раз меня проверяет, словно я хоть раз выполнил поручение неправильно.

«Я бы тоже тебя проверяла, – мрачно подумала Джаид, глядя на беззаботного жреца. – Ты ведь и правда не понимаешь, что делаешь. Скажут – сваришь яд. Велят – в лепешку разобьешься, чтобы решить интересную задачку, даже не задумавшись, чьи судьбы за ней стоят. Если бы я за тебя отвечала, я бы выпрашивала каждую тонкость, чего ты там наварил. Но это значит, что жрецы Троиخ точно знают о новом положении дел. И если пока молчат, то лишь потому, что владеющий тайнами – владеет миром. Они даже Алестару ничего не сказали! А если бы Маритэль не пропала? Когда Храм Троих посчитал бы нужным раскрыть эту тайну?!»

– Благодарю, амо-на Виалас, – выдохнула она устало. – Простите, что отняла у вас столько времени.

– О, ничего страшного, – опять поклонился жрец и улыбнулся наивной детской улыбкой. – Очень приятно поговорить с тем, кто тянется к знаниям. С вашего позволения, каи-на, я поплыву? Очень много работы...

– Конечно, – согласилась Джаид, раздумывая, не сказать ли Виаласу, чтобы больше ни с кем об этом не болтал.

Но толку стеречь конюшню, когда коня уже свели? О том же подумала и Санлия, потому что стоило тяжелой двери закрыться за хвостом выплывшего жреца, бывшая наложница поспешно сказала:

– Я никому ничего не скажу, каи-на Джаид. Только, боюсь, это уже неважно.

– Я тоже боюсь, – согласилась Джаид, мечтая о чем-нибудь горячем.

А еще хорошо бы сесть, положить подушку под спину, привалившись к стене, вытянуть ноги и не думать, что стоит оттолкнуться пальцем – и всплывешь под потолок. Как же ей не хватало обычной земной тяжести, горячей еды, которую можно просто класть в рот, и вода не проникнет следом, ощущения тепла и сухости... Всех мелочей, которые на земле никогда не замечаются, потому что кажутся естественными, а здесь постепенно раздражают и давят. Да она бы многое дала за возможность всего лишь умыться! Но чтобы мокрыми были только лицо и руки, а потом вытереть их чистым мягким полотенцем досуха и почувствовать свежесть от дуновения ветерка, ласкающего кожу...

– У вас усталый вид, каи-на, – тихо сказала Санлия, глядя на нее сочувственно. – Простите, я даже не могу напоить вас горячим. Да и вряд ли вы теперь возьмете что-то из моих рук.

– Почему нет? – пожала Джаид плечами. – Теперь вам незачем что-то мне подливать.

– Да, теперь моя жизнь зависит от вашей, – ровно согласилась суаланка. – И от вашей воли, разумеется.

– Перестаньте, Санлия, – поморщилась Джаид, проплывая немного дальше и оглядывая небольшую комнату. – Если помните, я об этом не просила. Все, чего я хотела, это сохранить вам жизнь. Извините, что не навестила раньше. С вами хорошо обращаются? Может, вам что-нибудь нужно?

Комната была по размерам почти такой же, как и та, где Санлия принимала Джаид, но обставлена с вызывающей скудностью. Кровать, укрытая чем-то темным, голые, не считая двух шаров туарры, стены, маленький столик с несколькими коробками и в углу горшок с шираккой.

– Прошу прощения, – бледно улыбнулась Санлия, поймав взгляд Джаид. – Обычно ширакку не ставят в жилых комнатах, но здесь нет смежных, а выводить меня наружу под охраной – это слишком хлопотно. Но вода проточная, не беспокойтесь.

Ширакка в комнате, никакой жаровни с тинкалой, как раньше, да и чем кормят суаланку – тоже неизвестно. Она немного похудела, но отчего? В любом случае, это неправильно! Санлию не приговорили к тюрьме, и мучить ее унижительными мелочами вроде уборной в комнате – подло и глупо!

– Я не беспокоюсь, – нахмурилась Джаид. – Но мне это не нравится. Санлия, я поговорю с его величеством, чтобы вам предоставили больше удобств. Где ваши прежние вещи?

– Мне мало что нужно из них, – пожала плечами суаланка с удивительно искренним равнодушием. – Для кого мне теперь наряжаться и краситься? Впрочем, если вы прикажете, чтобы мне вернули книги, я буду неизмеримо благодарна.

– Хорошо, – пообещала Джаид, все еще хмурясь. – Вас кто-нибудь навещает? Или это запрещено?

– Запретить мне что-то можете только вы, каи-на, – снова улыбнулась Санлия той же сдержанной, но исполненной грустного достоинства улыбкой. – Просто теперь у меня гораздо меньше друзей. Оказывается, это очень удобно: теперь я абсолютно точно знаю, кто из них настоящий. Из всех наложниц приплывает только Леавара. Она чудесная девочка, пусть Мать Море даст ей много счастья. И из прислуги кое-кто заглядывает не по обязанности. Остальные... Думаю, вы сами понимаете.

– Понимаю, – уронила Джаид, испытывая неприятное чувство вины за весь человеческий род, с хвостами он или без. – Вам вернут книги. И я попрошу Леавару собрать ваши вещи. А с комнатой... придумаем что-нибудь.

Она еще раз оглядела тюремную камеру – иначе это не назовешь – и честно сказала:

– Санлия, я понятия не имею, что мне с вами делать. Есть какая-нибудь возможность дать вам свободу? Его величество обещал, что вскоре я смогу покинуть Акаланте, но до этого времени надо как-то устроить вашу судьбу.

– И вы согласны... просто отпустить меня? – тихо уточнила Санлия, глядя на нее с непонятным выражением. – После всего зла, что я вам причинила?

Джиад молча кивнула. Ей совершенно не хотелось пускаться в рассуждения, кто больше виноват в случившемся, или уверять Санлию, что прегрешения той прощены и забыты. Но никакого возмездия суаланке она и в самом деле не желала – та уже достаточно расплатилась за сделанное из любви к сестре.

– Вас вряд ли отпустят, пока Кариша на свободе, – честно сказала она, опускаясь на край кровати и чувствуя, что та гораздо тверже обычных постелей. – Но потом – да ради Малкависа, если это зависит от меня.

– Должно быть, ваш бог милосерден и справедлив, – губы Санлии тронула настоящая улыбка.

– Скорее второе, чем первое, – усмехнулась Джиад. – Что вы будете делать? Вам ведь понадобятся деньги на жизнь.

– Да, на обычное вознаграждение бывшей наложницы теперь можно не рассчитывать, – тоже слегка усмехнулась Санлия, на глазах оттаивая. – Но это не страшно. Думаю, я покину Акаланте. В этом городе меня никогда не простят, да и для меня его воды несут слишком много горечи.

– Вернетесь домой?

– Нет, – покачала головой суаланка и задумчиво потерела кончик косы. – Там мой бывший жених, мне нельзя с ним встречаться. А еще... там мне всегда будут припоминать, что я была наложницей тир-на Алестара, врага Суаланы. Я уплыву куда-нибудь подальше. В Маравею, например. Говорят, там тепло и красиво. Целители везде нужны, а я все-таки была хорошей ученицей своего отца. Если вы распорядитесь вернуть мне вещи, я смогу продать несколько подарков его величества, и мне с лихвой хватит и на инструменты, и на зелья, и на жизнь первое время. Лекарям не нужны жемчужные ожерелья.

Она лукаво улыбнулась, став совсем прежней Санлией, и Джиад невольно испытала уважение к чужой отваге. Отправиться в незнакомый город, одинокой и беззащитной, чтобы зарабатывать на жизнь нелегким трудом целителя – это требует немало мужества! Интересно, знал ли Алестар свою наложницу такой? Или для него, как и для всех, она была хрупкой разряженной куколкой, не заботящейся ни о чем, коме сплетен и украшений? Сейчас все наносное слетело с Санлии, как слетает разбитая скорлупа раковины-жемчужницы, оставляя драгоценное ядро. «И вправду начинаю думать как иреназе, – недовольно сказала себе Джиад. – Ведь не вспомнила про орехи или золотые вкрапления в пустой породе».

– Теперь я точно знаю, что семья не для меня, – задумчиво сказала Санлия. – Никогда – страшное слово для тех, кто на что-то надеется. Но если надежды нет, можно просто жить дальше. Я всегда хотела увидеть другие страны. Ах, каи-на Джиад, какая вы счастливая!

– Я? – растерялась Джиад.

– Вы вернетесь на землю, – пояснила Санлия и мечтательно вздохнула. – Там совсем другой мир! Огромный, непредставимо интересный... Да-да, я понимаю, что и там есть болезни, насилие и ложь. Но там все совсем иное! Как жаль, что вы, люди, к нам спускаться можете, а нам дорога наверх заказана.

– Да, пожалуй, – кивнула Джиад. – Может, тогда между землей и морем было бы меньше вражды... Что это?

Она насторожилась, чувствуя, что вода как-то странно ощущается. Глянула на Санлию – та испуганно озиралась вокруг, ее глаза казались огромными на посеревшем от ужаса лице. Медленный тяжелый гул словно катился со всех сторон, мучительно ощущаясь плотью и

костями. Джад попыталась вдохнуть поглубже... Тронула рукой амулет на шее – тот тоже гудел странно и страшно. Мир вокруг взбесился, и Джад разом вспомнила, что над ее головой – огромная толща камня, из которого сложен дворец, а дальше во все стороны бесконечная вода.

– Сотрясение дна... – скорее угадала по движению губ Санлии, чем услышала Джад. – Далеко, но...

– Уходим отсюда! – решительно сказала Джад. – Если дворец завалится...

Ей на миг подурнело, стоит представить, что все эти бесчисленные коридоры, комнаты и залы обрушатся внутрь.

– Лилайн! – вспомнила она. – Он здесь! И плыть не может!

Рванувшись в ставшей плотной, как в дурном сне, воде, она подплыла к двери, молясь, чтобы ту не заклинило. И чтобы землетрясение не пробудило вулкан, на котором стоит Акаланте, иначе они и уплыть не успеют, погибнув вместе с городом. Санлия оказалась рядом, тоже налегла на дверь с неожиданной силой, и они вдвоем вывалились в коридор, едва не столкнувшись с встревоженным гвардейцем, в котором Джад узнала всегда веселого Камриталя. Неразлучный с ним Семариль маячил за спиной друга.

– Каи-на, мы за вами! – выпалил Камриталь, окидывая ее взглядом. – Три Брата пробудились. Его величество велел вывести вас в безопасное место. Скорее, медлить нельзя!

ГЛАВА 4. Испытание огнем

– Я не поплыву без Лилайна, – спокойно предупредила Джаид. – Мой друг ранен и не сможет выбраться сам.

– Каи-на, прошу вас! – взмолился Камриталь, складывая руки перед грудью. – Ему помогут целители и слуги, а у нас строгий приказ его величества не медлить.

– Господин Камриталь, – так же бесстрастно и ровно поинтересовалась Джаид, – как вы думаете, что будет быстрее, помочь мне забрать его или тащить меня силой?

Гвардеец поймал ее взгляд и мгновенно принял верное решение.

– Показывайте комнату! – выдохнул он.

Семариль ругнулся, поминая Глубинных, но Джаид уже изо всех сил рванулась по коридору. Камриталь обогнал ее, поплыл, держась немного впереди, и Джаид поняла, что продвигаться в струе воды, рассеченной хвостом иреназе, гораздо легче. Камриталь – умница... Если бы она подбирала Алестару новую охрану, начала бы с этих двоих. Мысли лезли в голову несвоевременные, но Джаид цеплялась за них, пытаясь отвлечься от страха перед землетрясением. Или здесь это моретрясение?

Минута – и нужная дверь оказалась перед ними. Гвардейцы распахнули ее одним махом, и Джаид метнулась внутрь, а следом за ней зачем-то проскользнула Санлия. Лилайн спал, замотанный в плотные повязки, пересекающие его плечи и грудь. Джаид кинулась к нему, тронула здоровое плечо, но Каррас даже не шевельнулся. Лицо его казалось нездорово бледным, хотя грудь вздымалась ровно. Вокруг металась Санлия, что-то собирая в подол задранной туники, но больше в комнате никого не было. Видимо, целитель отлучился, решив, что раненый все равно крепко спит, а про слуг Джаид и думать не стала – не до этого.

– Помогите его вытащить, – велела она гвардейцам, тоже всплывшим в комнату, и те молча подчинились.

Камриталь подхватил так и не проснувшегося Лилайна за плечи, Семариль взял ноги, и вдвоем они довольно быстро потащили Карраса к выходу. Джаид последовала за ними, злясь на свое бессилие под водой и понимая, что ничем не может помочь. Ну не толкаться же на дороге у иреназе, которые даже с тяжелой ношей плывут так быстро, что она едва за ними успевает. Благодарение Малкавису и местным богам, что Лилайн спит!

– Все будет хорошо, каи-на, – сказала Санлия, держась рядом с ней. – Здесь, на дне, опасность не так уж велика, это жителям берега следует бояться, если никто их не предупредит.

– Не предупредит о чем? – спросила Джаид, не поворачиваясь, чтоб не терять скорость.

– О Великой Волне, – спокойно сказала суаланка. – Сотрясения дна часто порождают огромные волны, далеко уходящие на берег. Разве вы не слышали легенду об Ираэли?

– Той... которую... предал... Аусдранг? – тяжело выдохнула Джаид, чувствуя, как с каждым взмахом рук и ног ей труднее плыть.

Вода становилась все плотнее и неподатливей, а дыхания не хватало, словно она долго бежала на пределе сил. «Амулеты, – мелькнула короткая и страшная мысль. – Если они откажут... А кто знает, как это все действует на морскую магию?!»

– Именно, – безмятежно подтвердила Санлия. – За предательство и жестокость король Акаланте наказал побережье Великой Волной, что прокатилась до самой столицы. Это очень далеко?

У Джаид предательски потемнело в глазах. Адорвейн в нескольких лигах от побережья, но есть еще рыбацкие деревушки, беззащитные перед стихией! Она вспомнила гостеприимных жителей побережья, что помогли ей после побега из подводного плена. Если по берегу прокатится Великая Волна, они обречены! Там же на многие лиги не останется ничего живого!

Коридоры, по которым они плыли, стали заполняться иреназе. Никто не кричал от страха, как было бы на суше, не толкался и не мешал друг другу. Просто тяжелый поток тел заполнял все вокруг, плеща хвостами и руками, и все новые ручейки вливались в него из боковых коридоров. Иреназе покидали дворец молча, сосредоточенно и быстро, помогая друг другу, поддерживая пожилых и оберегая детей.

– Камриталь! – окликнула Джаид гвардейца. – А где его величество?

Она так и не успела передать Алестару, что сказал Виалас. А это очень важно! Хотя не важнее, чем спастись от землетрясения. Интриги жрецов подождут, лишь бы все обошлось, и было кому их распутывать. Проклятье, у рыжего же нет Сердца Моря! Как он успокоит вулкан? Снова кровью? Тогда тайну пропажи Сердца точно не сохранить, но лучше раскрыть ее, чем позволить Великой Волне обрушиться на побережье!

Чьи-то руки и хвосты взбивали воду вокруг нее, Джаид изо всех сил старалась не отставать, видя, с каким беспокойством время от времени оборачивается на нее Семариль, и как другие иреназе жмутся к стенам коридора, уступая дорогу королевским гвардейцам и ей с Санлией... И тут невольная теснота вмиг закончилась, потому что их вынесло в огромное пространство подводного города. Джаид завертела головой, пытаясь осмотреться, и поняла, что они выплыли наружу через одно из бесчисленных отверстий в дворцовой стене, заменяющих здесь и окна, и двери. Боги, храните иреназе за то, что все обошлось без давки! Испуганная толпа – страшный зверь, тупой и безжалостный.

– Следуйте за нами, каи-на!

Семариль тронул ее за плечо, и Джаид подчинилась, больше не оглядываясь на дворец. Давящее чувство в груди постепенно отпускало, дышать стало легче, зато начало колоть правое плечо. Наверное, ударились им обо что-нибудь, пока плыла. Или растянула... Она поморщилась, стараясь держать скорость, взятую иреназе, но те, отплыв подальше от стены, остановились.

– Все хорошо, каи-на? – внимательно глянул на нее Камриталь, поддерживая Карраса.

Кивнув, Джаид подплыла к Лилайну и взяла его за руку. Алахасец так и не проснулся, и этот болезненно крепкий сон уже начинал тревожить.

– Позвольте мне, каи-на, – услышала она мягкий голос Санлии.

Еще во дворце суаланка подняла подол своей длинной туники и заткнула его под пояс, так что на животе у нее получился огромный карман, который что-то оттягивало. Не обращая внимания на эти неудобства, она взяла Лилайна за свободную руку, прижала пальцами запястье и зашевелила губами, считая сердцебиение. Через некоторое время, показавшееся Джаид томительно долгим, Санлия успокаивающе улыбнулась и полезла в «карман», пояснив:

– Нужно поменять повязку и дать вашему другу лекарство. Я позволила себе дерзость прихватить необходимое...

– Благослови вас Трое и все известные мне боги, Санлия! – искренне сказала Джаид с огромным облегчением. – Я так благодарна, что вы позаботились об этом!

– Потому что я не воин, – сказала суаланка, продолжая с легкой грустью улыбаться. – Это воины вечно забывают, что любая битва когда-нибудь закончится, и нужно будет спасать тех, кто еще жив. Господа, – обратилась она к гвардейцам со спокойной властью, – вам лучше опустить его на дно. И мне нужно больше света!

– Сейчас поищу туарру, – кивнул Семариль и скрылся в толпе плавающих поблизости иреназе, а Джаид снова посмотрела Лилайну в лицо, с тревогой отмечая, как оно побледнело еще сильнее, а черты заострились.

– Не тревожьтесь, каи-на, – тихо сказала Санлия, растирая пальцы алахасца. – Я напою его обезболивающим, а потом попробую бережно разбудить, чтобы сон не стал опасно глубоким. Поддержите его голову. Будет хорошо, если вы положите ее себе на колени. Только поверните набок, чтобы язык не западал внутрь.

Джиад послушно выполнила сказанное, и ей стало немного легче, когда она почувствовала тяжесть тела Лилайна на своих руках. Словно, поддерживая наемника, она могла чем-то помочь ему или прикрыть от опасности собой. «Я слишком много ему должна, – подумала она, обнимая плечи Лилайна и следя, чтоб тот не запрокинул голову. – Хотя, Малкависом клянусь, я предпочла бы и дальше нести бремя долга, лишь бы Каррас оставался в безопасности». Неподалеку от них постепенно собиралось все больше жителей моря. Покинувшие дворец иреназе разговаривали громко и с торопливым оживлением, словно на место страха приходило облегчение, и этот признак вернее прочих сказал ей, что угроза если не миновала, то хотя бы дала передышку.

Семариль, вынырнув из толпы, подплыл к Джиад, в руках у него светился большой шар туарры, и это голубое сияние дало понять, что вокруг довольно темно. Наверное, наверху солнце уже преодолело зенит и теперь спускается к краю моря. Какой бесконечный день! И прежде, чем он закончится, судьба Акаланте и жителей Аусдранга еще крепче сплетется воедино либо общим спасением, либо такой же общей гибелью. Где же Алестар? Сердце тревожно заныло, и Джиад, сама удивляясь этой тоскливой тревоге, упрямо напомнила себе, что дело вовсе не в беспокойстве за рыжего. Просто Алестар – снова их единственная надежда выжить.

– Держите туарру пониже, ири-на Семариль. Вот так, да.

Санлия, опустившись рядом и уложив на песчаное дно роскошный темно-синий хвост с блестящим плавником, развязала узлы туники, достала мягкие темные полосы, похожие на шелковистую ткань, и острый, чуть изогнутый нож. Ловко надрезав повязки на плече Лилайна, она бережно сняла их, убрала точно такие полосы, оказавшиеся внизу и уже пропитанные кровью, и заменила их свежими.

– Это водоросли сетанагра, – пояснила она Джиад, ловко заматывая повязки обратно. – Они выделяют сок, убивающий заразу, если та попала в рану. Очень хорошее средство, но редкое и дорогое. Будь у нас с отцом его побольше, сколько жизней мы могли бы спасти...

Она вздохнула и туго свернула использованные водоросли, от которых расплывалось темное кровавое пятно, тоже объяснив:

– Их следует вернуть целителю, который лечит вашего друга. Он осмотрит сетанагра и определит, источает ли рана слишком много крови. Гной тоже можно увидеть, но для него слишком рано. Будем надеяться на милость Матери Море, что он и не появится. Поднимите его голову повыше, каи-на.

Покопавшись в подоле и достав пару коробочек, Санлия с сомнением посмотрела на Лилайна, бросила одну обратно и заменила другой, из которой вытащила серую плотную пиллюлю...

Джиад глядела на это, невольно затаив дыхание и безмолвно молясь. Пусть ее бог и не был покровителем лекарей, но кому, как не ему, ведома цена храбрости и стойкости.

«Помоги ему, Малкавис, – просила она, чувствуя сладкую горечь надежды. – Он пострадал из-за меня, твоей жрицы. Он верен, честен и отважен. И хотя он не поклоняется тебе словами, но его дела чтут тебя».

– Вот и все, – тихо сказала Санлия, когда горло алахасца дрогнуло, пропуская пиллюлю, а потом еще одну. – Через несколько минут я постараюсь его разбудить...

– Госпожа Джиад, вот вы где!

В голосе подплывшего к ним Эргиана слышалось искреннее облегчение. Принц Карианда опустился рядом с ней на песок, с любопытством глянув на Лилайна, и поинтересовался:

– А жители земли все черноволосые и темнокожие, как суаланцы? Это из-за солнца? Наши ученые жрецы говорят, что его лучи добавляют живым созданиям красок, потому в Бездне все так бесцветно, а чем выше к поверхности моря – тем рыбы и растения ярче.

– Нет, – отозвалась Джад, беря руку Лилайна и стараясь уловить биение сердца в его крови. – У людей волосы, кожа и глаза тоже разного цвета, как у иреназе. Хотя ваши жрецы правы. На юге, откуда я родом, солнца больше, и люди там темнее.

– Еще один человек в подводном королевстве... – задумчиво протянул Эргиан, глядя на Лилайна со странным выражением лица. – Ваше появление, госпожа Джад, всколыхнуло глубины, породив такие волны и смещения скал, которых наш мир не видел уже много столетий. Новая жизнь иреназе рождается прямо сейчас, и это не остановить, как бы кому-то этого ни хотелось. Впрочем, прямо сейчас у нас другие заботы, верно?

Кариандец беззаботно улыбнулся, словно они с Джад сидели за очередной партией в риши, и все, что его беспокоило, это очередной ход. «Сказать ему или нет? – спросила себя Джад. – Маритэль больше не может выйти замуж за Алестара, и ее брату следует об этом знать. Это ведь меняет... решительно все! Но первым должен узнать Алестар, и пусть он сам решает, кому рассказывать. Это не мое дело – снова влезать в хитросплетения глубинной политики! Не мое ведь, правда?»

– Что собирается делать его величество? – спросила она вслух, косясь на держащихся рядом гвардейцев, и Эргиан, как обычно, понял ее с полуслова.

– Спасать Акаланте, разумеется, – пожал он плечами. – Прошлым способом за неимением другой возможности.

«Значит, снова будет жертвовать кровью и рисковать...» Джад поморщилась – плечо уже откровенно жгло. Она положила туда ладонь, пытаясь растереть больное место, но пальцы нащупали что-то твердое... Она совсем забыла про перстень Аусдрангов! После разговора с Лилайном, найдя кольцо, сунула его обратно в тайник и приколотла на плечо, где пряжка и потерялась в складках мягкой широкой туники. А сейчас серебряная бляха нагрелась и дрожала под пальцами. Вот зар-раза...

– Если бы кто-нибудь спросил моего мнения, – непринужденно продолжал Эргиан, – я бы сказал, что спасать остальных ценой собственной жизни – очень вредная привычка. Но истинно королевская, с этим не поспоришь.

Отколов словно еще сильнее потяжелевшую пряжку, Джад сдвинула пластину, вытряхнула на ладонь злополучный перстень и едва не охнула от боли и неожиданности. Золото ободка показалось раскаленным, несмотря на воду вокруг, а рубин горел и пульсировал, словно живой.

– Что это у вас, каи-на? – услышала она мягкий и такой спокойный голос Эргиана, что замерла от разом обрушившегося предчувствия то ли беды, то ли чего-то иного, еще непонятного. – Позвольте взглянуть?

Он протянул руку, и Джад молча положила в нее перстень, почему-то не предупредив кариандца, что вещичка с норовом.

– Хвосты глубинных! – растерянно ругнулся Эргиан, уронив перстень на песок перед собой и детским движением прижав обожженную ладонь ко рту. – Это же...

Он воззрился на перстень с испуганным и благоговейным восторгом, совершенно непривычным для ироничного и всегда спокойного глубинника, потом поднял взгляд на Джад.

– Скажите, что это именно то, что я вижу! – попросил он, и Джад хмуро отозвалась:

– Это перстень Аусдрангов, из-за которого я сюда попала. Но я понятия не имею, что вы видите, ваше высочество...

– Аусдранги... – завороченно протянул Эргиан, и в его серых глазах просияло мгновенное озарение. – Ради Троих, Джад, вы же сами все понимаете! Ну!

Алый рубин, на который не попадал свет туарры в руках плавающего рядом Семариля, должен был казаться темным, но вызываяще ярко сиял собственным светом, будто на морское дно упал раскаленный и чудом потухший уголек. Джад показалось, что он мерцает в ритме человеческого сердца, но чьего? Ее собственное билось хоть и быстро, но ровно, а огонек

внутри рубина иногда подрагивал и мерцал. Точно так же дрожало свечение туарры в фальшивом Сердце Моря и Джад закусила губу, тоже осознавая то, что еще мгновение назад казалось немислимым. Совершенно невозможным! В перстне Аусдрангов частица Сердца Моря?!

– Осколок? Но откуда? – растерянно спросила она у Эргиана, и тот азартно улыбнулся, мгновенно преобразившись.

– Какая сейчас разница? Главное – вовремя. Ох, если я еще раз усомнюсь, что боги любят Акаланте, прицепите мне дюжину крабов на хвост! Но право, это даже обидно как-то! Я только-только согласился сунуть нос в жерло вулкана, словно какой-то неразумный малек салру. Ну или его непревзойденное отважное величество, – добавил он невинно, тоже покосившись на гвардейцев. – А теперь, того и гляди, наш с ним будущий подвиг станет чуть менее безнадежным, и это почти оскорбительно. Я как раз начал заражаться героическим безумием, которым все здесь пропитано, и даже находить в нем удовольствие. Только тир-на Алестару об этом не говорите, а то он решит, что ничего мне не должен за помощь.

– Вы... тоже собрались туда плыть? – удивилась Джад, пропуская мимо ушей насмешливую болтовню кариандца.

Хотя чему тут на самом деле удивляться? В прошлый раз только хладнокровная отвага Эргиана спасла и Алестару, и ее саму.

– Ну да, – с той же легкой беззаботностью отозвался глубинник. – Видите ли, вдвоем некоторые вещи делать гораздо удобнее и приятнее. Например, заниматься любовью, играть в риши или умирять вулканы.

О боги, он хоть когда-нибудь бывает серьезным?! Джад невольно улыбнулась шутке и тут же вскинулась, с недоумением глянув на Эргиана. Вдвоем? Получается, что теперь она Алестару не нужна? А если что-то пойдет не так? Впрочем, если с происходящим не справятся два прирожденных властителя моря, что сможет сделать она, человек? Наверное, все правильно. Алестар должен спасти свой народ, а ее дело – присматривать за Лилайном.

Но тоскливая тревога не отступала, вцепившись в сердце острыми кривыми когтями, и Джад, как ни старалась ее прогнать, положившись на милость Малкависа, не могла отрешиться от мыслей, что беспокоится за Алестару больше, чем просто за короля Акаланте, способного спасти и свой город, и побережье.

– Это очень опасно? – спросила она, опуская взгляд к лицу Лилайна и с облегчением видя, что щеки алахасца утратили пугающую мертвенную бледность. – Вы справитесь?

– Мы постараемся изо всех сил, – честно ответил Эргиан. – Слишком многое зависит от исхода этой партии между иреназе и Глубинными богами. Акаланте нужен притихший вулкан, который не разбудит остальные, а лично мне – обещанные Карианду плодородные долины, которым этот вулкан как раз угрожает. Поэтому нам придется справиться. Не тревожьтесь, госпожа Джад, – улыбнулся он, пряча под насмешливостью беспокойство. – Я постараюсь вернуть наше героическое рыжее величество целым и невредимым, он ведь еще не научил меня гонкам на салту. Вы позволите передать это тир-на Алестару?

Он накрыл ладонью перстень, лежащий между ними, и Джад несколько растерянно кивнула. Если это действительно осколок Сердца Моря, как она может отказать? И зачем? Да если бы она только знала – давно отдала бы перстень сама.

Эргиан оттолкнулся хвостом от дна и уплыл, а Джад снова посмотрела на Лилайна, над руками которого колдовала молчаливая Санлия, растирая пальцы и запястья. Ресницы алахасца дрогнули, он медленно открыл глаза, посмотрел на сосредоточенную суаланку и с трудом выдавил:

– Жи...

– Я здесь, – поспешно сказала Джад, понимая, что наемник обманулся темными волосами и смуглой кожей Санлии.

Действительно, спросонья их с суаланкой можно и перепутать. Странно, как раньше это не приходило Джад в голову. Интересно, не потому ли они обе понравились Алестару, что рыжий просто предпочитает возлюбленных с особой внешностью? Например, совсем не похожих на потерянному им Кассию...

Лилайн повернул голову, посмотрел на Джад уже осознанно и улыбнулся ей. Нашел ее руку своей и сжал пальцы, перебирая их совсем как раньше. Знакомый до мельчайшей черточки лица и тела, надежный, почти родной... «Любимый?» – подсказал внутренний голос с тенью неуверенности, которой Джад тотчас устыдилась.

– Как ты? – спросила она, глядя кончиками пальцев его щеку, на которой уже начала пробиваться темная щетина.

– Рядом с тобой, – усмехнулся Лилайн тоже прежней улыбкой. – Значит, все хорошо. Джи, обещай, что мы вернемся наверх, как только я смогу шевелиться. Плевать на Аусдранг, мои люди помогут нам сбежать из этой богами проклятой страны. Поедем в твой Храм, и я уговорю ваших жрецов отпустить тебя. Если надо – сам к ним в рабство пойду. Должны ведь они понять...

– Конечно, – успокаивающе сказала Джад, зная, что скорее отгрызет себе руку, чем скажет сейчас алахасцу, что от долга перед Храмом ее уже пообещал освободить Алестар. – Конечно, мы вернемся на землю. Только выздоровей сначала, хорошо? Ох, Лил...

Она запустила пальцы в его волосы, перебирая темные жесткие пряди, и с отчаянием подумала, как же все неправильно. Почему она вообще думает не только о том, кто за ее спасение расплатился свободой и чуть не отдал жизнь, но и о другом, который сейчас пытается преградить путь взбесившейся стихии. Малкавис, пошли просветление своей глупой запутавшейся жрице, помоги отделить вину и благодарность от прочих чувств, подскажи верный путь.

«С каких пор ты стала бояться испытаний, дитя? – послышался ей тихий, почти неслышимый голос. – Огонь вулканов или огонь собственных страстей – какая разница для того, кто идет путем чести и мужества? Верь, жди и делай то, что должно».

«А что мне должно делать?» – торопливо спросила Джад.

«Спроси у своего сердца, – с усталой терпеливой усмешкой ответил голос то ли ее бога, то ли ее разума. – Если сердце живет одним лишь долгом, оно мертво, но в твоём горит огонь, который сам по себе – испытание. Спроси у него и имей мужество услышать ответ».

* * *

– Ваше величество, дворец пуст, – доложил советник Лорасс, и Алестар кивнул, вспоминая, не забыл ли еще что-нибудь срочное, что непременно нужно сделать перед тем, как отправляться к вулкану.

– Благодарю, каи-на, – уронил он, и Лорасс, после истории с Миаларой ловивший малейший знак его благоволения, поклонился, благодарно просяив.

Где же гвардейцы, посланные за Джад? Им было велено известить Алестара, как только жрица окажется в безопасности! Если с ней что-нибудь случится... «А чтобы не случилось, – сказал сам себе Алестар, – нужно все сделать как надо. Успокойся, это просто очередной проснувшийся вулкан. Ты же справился в прошлый раз».

Он постарался не думать, что в прошлый раз ему просто повезло. А еще рядом оказался принц Карианда... И Джад... «Нет уж, ее я точно не потащу к вулкану второй раз! Кстати, а где Эргиан? Пообещал помощь и исчез, когда каждый час на счету. Солнце скоро зайдет...»

– Лорасс, – велел он вслух, – найдите его высочество Эргиана и...

– Зачем меня искать? – удивился кариандец, выплывая из-за пары гвардейцев, приставленных к Алестару Ирталем. – Я в полном распоряжении вашего величества. Мы отправляемся прямо сейчас?

Алестар мельком позавидовал подобной безмятежности – Эргиан словно собирался на приятную прогулку, а не к жерлу взбесившейся горы. Всего полчаса назад наблюдатели, при-

плывшие от Старшего Брата, сообщили, что по всей долине перед склонами вулканов прорываются горячие источники, и тянуть дольше – смертельно опасно.

– Да, – уронил он, смиряясь, что не успеет увидеть Джад. – Если вы готовы. Где ваш салту?

– Реголар его держит, – махнул рукой Эргиан. – Кто еще плывет?

– Моя охрана, – хмуро сказал Алестар. – Не до самого конца, конечно. Эргиан, вы уверены? Мне нужна ваша помощь, но это опасно.

– О да, ваше величество, – фыркнул глубинник, перетягивая поясной ремешок на своей прочной кожаной тунике с множеством карманов. – Расскажите мне, что мы оба можем погибнуть. Вдруг я испугаюсь и передумаю! Мне казалось, что мы уже это обсудили. Лучше давайте поговорим о действительно нужных вещах. Как вы собираетесь подобраться к жерлу?

– Никак, – хмуро сказал Алестар. – Я буду искать точку резонанса, как и в прошлый раз. Если бы толчки только начались, к жерлу еще можно было подплыть, но сейчас там из-под каждого камня ползет дыхание глубинных. Мы отравимся раньше, чем доберемся хотя бы до склона.

– Разумно, – кивнул Эргиан и выразительно покосился на советника Лорасса, почти-точно ожидающего дальнейших распоряжений.

– Лорасс, помогите Ирталю, – велел Алестар. – Он поддерживает порядок в городе...

– И это вы называете порядком? – раздался сварливый голос, и Лорасса бесцеремонно потеснил жрец Герлас, опустившись прямо перед Алестаром. – Ваши подданные мечутся, как бестолковые мальки! Иртал, конечно, старается, но клянусь хвостом, гораздо больше пользы было бы от дюжины опытных пастухов салту с лоурами подлинней. Лорасс, на рыночной площади вас ждут мои младшие жрецы. Возьмите их и разгоните это перепуганное стадо обратно по городским кварталам. Пусть плавают поверху, лишь бы к домам не спускались, а если опять начнет трясти, мои мальчики соберут и уведут из города всех, у кого осталась хоть капля разума. Я отправляюсь с вами, ваше величество! – объявил он, снова поворачиваясь к Алестару.

Алестар кивнул Лорассу, подтверждая сказанное, и советник торопливо уплыл.

– С какой стати, амо-на? – поинтересовался Алестар у Герласа, разрываясь между благодарностью предусмотрительному жрецу и досадой на его бесцеремонность.

– С той, что без меня вы не справитесь, – отрезал служитель глубинных богов. – Вам ведь уже доложили, что вода у вулкана полна ядовитых испарений? О да, храм Троих умеет красиво говорить о милости богов, раздавать утешения и варить зелья в чистеньких пещерах. Но когда нужно лезть в кипящую грязь и отраву, от их жрецов никакой пользы! Этим с начала времен занимаемся мы, не боясь испачкать руки и обжечь плавники. Как вы думаете, тир-на, кто ремонтирует проложенные под городом трубы, чистит горячие источники и забившиеся сливы для отходов? Кто затыкает уходящие в Бездну щели, из которых сочится дыхание глубинных? Те, кого никто не замечает, пока все в порядке!

– Я помню о вашем служении и чту его, амо-на Герлас, – очень сдержанно сказал Алестар. – Но...

– Но вы собрались поплыть к вулкану и надышаться ядовитой дрянью, – подхватил жрец таким ехидным голосом, что еще неизвестно, где отравы было больше. – А между тем, в моем храме давным-давно придуманы средства защиты!

– От глубинных испарений? – вскинулся Эргиан с неподдельным азартным интересом. – У вас тоже?

– Что значит «тоже»? – сварливо хмыкнул Герлас. – Это еще вопрос, кто придумал их раньше. Не забывайте, юноша, что истинный город-прародитель иреназе – это Акаланте, все остальные созданы теми, кто покинул родину...

– Амо-на Герлас! – непочтительно прервал Алестар. – Урок истории – это прекрасно, только не ко времени. У вас есть что-то, способное защитить нас от отравы?

– Разумеется! – самодовольно отозвался Герлас и подозвал жестом молодого жреца в темной храмовой тунике, забрав у него большой, чем-то туго набитый мешок. – Но это тайна, которую я не имею права раскрывать непосвященным. И не смотрите с такой насмешкой, юноша, – ткнул он пальцем в Эргиана. – Мне прекрасно известно о тех несовершенных примитивных устройствах, которыми пользуются ваши охотники за редкими веществами, спускаясь в Бездну. Два-три часа дыхания и простенькие фильтры! Пф... Впрочем, полагаю, у ваших жрецов тоже имеется что-то помощнее... Но это неважно. Если вы хотите подобраться к вулкану, тир-на, – снова повернулся он к Алестару, – вам придется взять меня с собой. Никому другому я тайны храма не доверю.

– Это опасно, – угрюмо предупредил Алестар, и Герлас опять фыркнул, закатив глаза и на мгновение став удивительно похожим на кариандца.

– Ваше величество, – тихо сказал Эргиан Алестару на ухо, когда жрец отвлекся на подведенного ему салту, – что бы вы сейчас дали за Сердце моря? Не целое! – поспешно добавил он, встретив взгляд рывком обернувшегося к нему Алестара. – Осколок! Но достаточно большой, чтобы послужить проводником вашей воли...

– Эргиан! – выдохнул Алестар с яростным изумлением. – У вас есть частичка Сердца, и вы собираетесь торговаться? Сейчас?!

– Да, а что? – удивился кариандец. – Самое время, я считаю! Разве вас не учили, что продавать нужно то, в чем у покупателя больше всего нужда? С осколком Сердца вы сможете найти точку резонанса гораздо быстрее, да и кровь использовать не понадобится. Я уж не говорю о сохранении тайны.

– Ваше величество, так мы отправляемся? – поинтересовался Герлас, усевшись в седло своего салту и перехватывая поданный ему лоур.

Мешок с таинственной защитой от глубинного яда он прикрепил к седлу, и Алестар закусил губу, понимая, что решать надо быстро. Что кариандец попросит за осколок? И откуда он у него? Впрочем, второе можно выяснить позже, сейчас главное заполучить драгоценную частицу Сердца.

– Что вы хотите? – тихо спросил он, махнув, чтобы подвели ожидающих неподалеку салту.

Серый опередил остальных, почти волоком притащив за собой парнишку из прислуги, и радостно ткнулся носом в ладонь хозяину. Алестар почесал сморщенную морду, складки на носу и чувствительное местечко между глазами, салту игриво боднул его в бок и потерся мордой о живот.

– А что вы дадите? – прищурился кариандец, принимая повод салту от своего начальника охраны, почтительно поклонившегося Алестару.

– Что угодно, – теряя терпение, процедил Алестар, одним движением оказываясь в седле Серого, и тут же поправился, вспомнив, с кем имеет дело: – В разумных пределах, конечно.

– О, какое ценное уточнение! – насмешливо фыркнул Эргиан. – Мои наблюдения показывают, что пределы разумного у всех разные, тир-на. У некоторых они и вовсе отсутствуют, причем это зачастую те, у кого с разумом все в порядке. Ладно, что угодно – это как раз подходящая цена! И я даже соглашусь оставить определение пределов на ваше усмотрение и чувство чести. Слово короля?

Где-то в этих хитросплетениях точно крылся подвох. Чтобы Эргиан был искренен? Да скорее Старший Брат успокоится без всякого вмешательства. Но если кариандец признает, что Алестар сам определит разумность платы, значит, она не будет непомерно велика? Ведь не враг же Алестар себе? Но все-таки, что может понадобиться глубиннику? В любом случае, придется

это отдать. Усмирить вулкан – важнее всего, да и притворяться, что Сердце моря не похищено, с осколком будет гораздо проще.

– Слово короля, – кивнул он, стараясь говорить достаточно тихо, чтобы отплывший на несколько взмахов Герлас, нетерпеливо дергающий поводом своего салту, их не расслышал. Благо, шума вокруг от покинувших дворец иреназе было предостаточно. – Любая ваша просьба, которую я смогу исполнить без урона своей чести и ущерба для Акаланте.

– Хорошее определение, мне нравится, – одобрил Эргиан, весело блеснув светло-серыми глазами, и протянул что-то круглое, тревожно сверкнувшее ало-багровым огоньком.

Словно огромная капля крови застыла в золотой оправе. Перстень... Алестар взял его из пальцев кариандца, чувствуя холод металла, ничуть не согретого ладонью глубинника. Глянул на широкий массивный ободок, золотые лапки оправы... Узнавание пронзило резкой болью, хотя он видел этот перстень всего один раз в жизни и несколько мгновений... У той скалы, где они с Джиад встретились на беду друг другу...

– Перстень Аусдрангов, – сказал он одними губами, удивляясь, как вообще может ими шевелить.

Боль, поднимающаяся откуда-то изнутри, наполнила его, обернувшись ледяной тоской, раскаленным стыдом, мучительным осознанием того, что случилось, когда он первый и единственный раз взял эту вещь в руки.

– Откуда?!

– Ваша жрица-страж попросила передать, – с абсолютно невозмутимым лицом сообщил Эргиан, и Алестар снова закусил губу, теперь уже изнутри, но до вкуса крови, чтобы прийти в себя.

Джиад нашла перстень?! Но... Да неважно – где! Расскажет потом! Алестар глянул на глубинного принца, изнывая от бешенства, и очень ровно, с подчеркнутым спокойствием спросил:

– Она попросила передать эту вещь мне? А вы мне ее продали?

– Вот именно! – возмутительно безмятежно сообщил Эргиан. – А почему бы и нет, если вы на это согласились? Слово короля – честь моря. Не так ли, мой дорогой будущий родич?

– И... что вы хотите? Дорогой... родич...

Злость на себя и кариандца кипела, рвалась наружу, и он едва сдерживал ее, чувствуя бессилие и от этого злясь еще сильнее. Надо же было оказаться таким дурнем! Безмозглой медузой... Пообещать любое желание этому хитрому, подлому, гнусному маару! Да чтоб ему! И ведь даже на поединок не вызвать! Посол – лицо неприкосновенное, притом Эргиан сейчас нужен как никогда! Да и что решит поединок, если Алестар сам виноват?!

Герлас уже извертелся в седле, ожидая их, и присоединившийся к нему охранник кариандца смотрел с тревогой, да и гвардейцы явно почувствовали неладное, насторожившись. Алестар сжал свободной рукой повод Серого, и чуткий к настроению хозяина салту забеспокоился, оглядываясь по сторонам, скаля страшные зубы, а Эргиан все так же насмешливо и беззаботно улыбался. Потом чуть наклонился в седле, глянув Алестару прямо в лицо, и таинственным шепотом сообщил:

– Понятия не имею... дорогой родич. Но не сомневайтесь, непременно что-нибудь придумаю. Если, конечно, мы оба вернемся с сегодняшней прогулки. Теперь у меня появилась еще одна веская причина на ней выжить и убедиться, что выжили вы.

Скрипнув зубами, Алестар тряхнул повод Серого, натянул его, а потом отпустил, и салту радостно прыгнул с места. Вперед и вверх! Дальше, быстрее, на пределе возможной скорости!

Опомнился Алестар лишь спустя несколько минут, когда и дворец, и сопровождение остались далеко позади. Придержал зверя, не остановив совсем и мрачно пообещав себе, что никому не будет объяснять причину. К счастью, никто его спрашивать и не стал, просто догнали и поплыли рядом, пристроившись кто в хвост, кто по бокам, и Алестар уже спокойнее

тронул повод и направил Серого в нужную сторону, следя, чтоб не отстали ни Герлас на крупном, но не слишком резвом салту, ни гвардейцы, у которых звери были хороши, но слишком молоды и потому пугливы.

Эргиан и вовсе держался позади, хотя его салту единственный мог бы потягаться с Серым в скорости. «Вот же маару хитрохвостый! – подумал Алестар, успокаиваясь и уже не без раздраженного восхищения. – Ну почему мне никогда не попадался такой соперник на Арене?! Милостью Троиных клянусь, его бы я не то что не убрал, как Торвальда, – чешуйке бы с него не дал упасть! Ах, как бы мы сражались за Золотой Жемчуг! И почему у меня никогда не было такого... друга?»

Слово возникло в его сознании так неожиданно, что Алестар не сразу понял, о чем именно сожалеет. Друг... Отец всегда внушал ему, что принц, а затем и король может иметь лишь подданных, чтобы оставаться справедливым и беспристрастным. Да, Алестару позволялась дружба с Эруви и Кассией, были в их кругу и знатные юноши... Но никто из них никогда не оказывался даже на равных, не говоря уж о том, чтобы насмешливо дергать гордость Алестара за хвост, как это постоянно делал Эргиан. Его свита всегда следовала за ним и делала то, чего хотел принц!

Отправиться на Арену или в город? Устроиться в библиотеке или поплыть в открытое море за скальный хребет? Подкрасться к человеческой лодке и порезать сети? Сплавать в далекую дику бухту, куда ночью причаливают человеческие корабли с товаром, и напугать матросов? Алестар придумывал новые и новые забавы, а друзья либо разделяли их, либо отговаривали, упирая на опасность, и он обычно соглашался, понимая, что они слабее и не такие ловкие, волны не так их слушаются, и с прибоем им справиться труднее.

О да, он всегда и на всех смотрел свысока! И никто во всем Акаланте не позволял себе превзойти его! Не поэтому ли его так тянуло на Арену, что там оставалась хотя бы видимость честной борьбы? И на охоту – чтобы уж окончательно исключить даже мысль о том, что соперники поддаются, и он, Алестар, не лучший всадник Акаланте! Дикие салту не знают почтения к королевской крови, эта победа точно не обманет. И если уж снимать чешую с сердца до конца, не потому ли он так безоглядно и мучительно утонул в любви к Джад, что страж была первой, кто не покорился ему, а начал сопротивляться? И оказалась отважнее, сильнее духом и благороднее...

Стоило подумать о ней, и Алестар снова ощутил то сладкое, мучительно откровенное чувство, которое наполняло его при взгляде на Джад, звуках ее голоса, воспоминании о вкусе ее кожи... Любовь к Джад так долго пронизывала его, прорастая в душе и теле, что стала неотъемлемой частью всего его существа, и Алестар беспомощно и безнадежно гнал мысль, что с ним случится, когда жрица вернется наверх... С Эргианом ничего подобного не было, да и быть, разумеется, не могло, но почему-то Алестару отчаянно хотелось превзойти его! Доказать, но не слабость кариандца, а свою силу! И потом предложить разделить победу на двоих, потому что единственный, кто может оценить тебя по-настоящему, – это достойный соперник! Или друг...

«Неужели отец был прав? – растерянно подумал Алестар, перекладывая повод в одну руку, а второй сжимая в ладони холодное тяжелое золото перстня. – И король обречен на одиночество? Жена должна быть послушной и воспитанной, подданные – покорными, враги – усмирненными... И для дружбы здесь попросту нет места? А как же тогда Руаль? Он был верен отцу много лет! Хотя... будь он другом по-настоящему, разве поверил бы чьей-то ядовитой лжи, что Алестар хочет Кассию любой ценой, даже если это смертельно опасно? Друг пришел бы к его отцу и спросил, правда ли это. И ничего из всей случившейся мерзости и жути попросту бы не произошло. Но Руаль был подданным больше, чем другом, и выбрал измену там, где на верность не хватило сил. Как бы поступил Эргиан?»

Он оглянулся на глубинника, прикинувшего к телу своего салту, и заколебался, не позвать ли его? Но на такой скорости они все равно не смогут поговорить, да и о чем? У него нет никаких прав на откровенность кариандца, и тот только что дал это понять. Очень изящно и, главное, доходчиво!

Алестар стиснул зубы. Ладно, это он Эргиану еще припомнит. Один выигранный круг – это не вся Гонка! И все-таки, что же такого нужно глубиннику, что он рискнул расположением короля Акаланте? Не может ведь не понимать, что слишком чувствительно задел самолюбие Алестара!

Они выплыли уже далеко за пределы населенной части Акаланте, и Алестар, отбросив посторонние мысли, снова попытался сосредоточиться на перстне. Осколок Сердца Моря в нем молчал, но кровь Алестара чувствовала его, как медленно пульсирующий сгусток тепла, разительно контрастирующий с холодом металла. Не в этом ли секрет того, что в первый раз Алестар не почувствовал осколок? Могла ли выкованная людьми оправа скрыть живой огонь Сердца моря, пригасить его, усыпить на долгие десятилетия, даже века? И как его тогда пробудить?! Ах, если бы перстень попал к нему в руки хоть на день раньше! Хоть на несколько часов! Но по всему выходит, что Джаад получила его в тот краткий промежуток, когда они расстались после известия о похищении Маритэль. Иначе жрица отдала бы перстень сама, а не передавала его с кариандцем! Все-таки это связано с ее земным возлюбленным... Ладно, неважно! Отзовись же ты, проклятая каменюка!

Алестару на миг показалось, что камень отозвался вспышкой самой настоящей обиды, и он обрадовался, но осколок тут же упрямо затих. А равнина, на другом конце которой высились Три Брата, уже расстилалась далеко внизу, и Алестару хватило одного взгляда на помутневшую воду, чтобы содрогнуться от мрачного предчувствия. Дыхание глубинных заполнило придонный слой так плотно, что камней и водорослей уже не было видно. И чем дальше вперед, тем тяжелее был этот смертоносный прилив, идущий пока лишь по дну, но еще одно сотрясение – и слои перемешаются, отравы поднимется вверх, и все, кто попадет в ядовитое облако, неминуемо погибнут.

Он остановил салту и оглянулся на хмурого, тяжело дышащего Герласа. Столь быстрый путь дался немолодому жрецу с явным трудом, но Герлас держался, даже метал раздраженные взгляды на спутников и, разумеется, на самого Алестара. Похоже, его это бодрило не хуже тинкалы.

Алестар глянул вверх на неумолимо темнеющее далекое небо. Еще час будет что-то видно, потом плыть в темноте станет не просто опасно, а самоубийственно. Они не смогут разглядеть мощный выброс отравы, который поднимется выше основного слоя.

– Амо-на Герлас, сколько у вас этих устройств для защиты? – спросил он жреца, с отвращением разглядывающего воду внизу и наверняка думающего о том же самом.

– Три, – мрачно бросил Герлас. – И одно из них для меня, учтите это сразу.

– Амо-на, позвольте мне... – подал голос молодой жрец, так и увязавшийся с ними от самого дворца, но поймал взгляд своего начальника и замолчал на полуслове.

– Три... – повторил Алестар.

Значит, дальше плыть им с Эргианом и Герласу. Немолодому и явно теряющему силы. Насколько хватит упрямства жреца? И насколько хватит воздуха в этих таинственных устройствах, о которых он даже не подозревал до нынешнего дня. Не дело принца разбираться, чем там пользуются служители глубинных богов для чистки мусорных шахт!

– Фильтры на черном угле или на белом? – деловито спросил Эргиан, одним махом превращая последнюю мысль Алестара в очередную глупость. – Ваше величество, не смотрите на меня так! Я же говорил, что у нас королевская семья спускается в Бездну! Не всем Мать Море посылает косяки салту, кое-кому приходится доставать пропитание из глубин.

– На белом, – с отвращением буркнул Герлас. – И тройная прослойка из сагарры. Куда плывет этот мир, если тир-на знают такие вещи?

– Действительно, – невозмутимо согласился Эргиан, бросив на Алестара лукавый взгляд. – И не говорите! Вот не умел бы я ничего сложнее, чем заплести косу, сидел бы сейчас в безопасном месте и лишился такого прекрасного развлечения в столь дивной компании. Даже не знаю, жалеть или радоваться... А вы что скажете, ваше величество?

Алестар молча пожал плечами. Всякая злость на кариандца исчезла, потому что глупо всерьез ненавидеть того, с кем сейчас вместе сунешься в пасть глубинных богов. Как-то в одной из книг о путешествии Исковиаля он прочитал земную пословицу, услышанную знаменитым странником от человека. Мол, истинная отвага и верность проверяются огнем, водой и медными трубами. Смысла этих слов Алестар тогда не понял, да и сейчас они остались мутными. Огня под водой нет, зато самой воды имеется сколько угодно. Про медные трубы – это и вовсе что-то непонятное, совсем человеческое. Надо спросить у Джад, что ли.

Но похожая пословица у иреназе была. В ней говорилось, что храбрость проверяется штормом, а стойкость – штилем, но истинный огонь водой не погасить. Эту пословицу Алестар тоже не любил. Разве вода не сильнее любого огня? Сейчас, глядя на темный клуб над вулканом, едва виднеющимся сквозь отравленную воду, он начинал понимать...

– Чем погасить огонь, который не боится воды? – сказал он тихо, не рассчитывая на ответ, но ему отозвался голос Эргиана, такой же спокойный и задумчивый:

– Другим огнем, разумеется. Думаю, тот, который горит в нас самих, вполне подойдет.

ГЛАВА 5. Добрые соседи

– Что ж, показывайте свою защиту от яда, амо-на Герлас, – промолвил Алестар, глубоко вдохнув и выдохнув неприятно пахнущую воду.

Герлас молча развязал мешок, прикрепленный к седлу, и достал странное устройство, напоминающее голову глубоководной рыбы. Вытянутый нос и огромные выпученные глаза, блеснувшие в последних лучах солнца. Вот эти ремешки наверняка для крепления?

– Тайны вашего храма, значит? – ехидно сказал Эргиан, протягивая руку к устройству. – А мне рассказывали, что сплошную маску с линзами для глаз придумали как раз в Карианде...

Герлас что-то неразборчиво фыркнул, из чего Алестар заключил, что глубинник наверняка прав, только признать это жрецу не позволяет гордость. Эргиан натянул кожаный мешочек маски на голову, передвинул так, что круглые искусственные глаза оказались на нужном месте, и плотно затянул горловину вокруг основания шеи. Алестар старательно смотрел, а потом попытался повторить.

– Позвольте мне, ваше величество, – поправил его маску Герлас. – Ну-ка, вдохните.

Линзы оказались тонкими и прозрачными, они почти не исказили мир вокруг, но Алестар все равно чувствовал себя странно и непривычно, словно вместо салту попытался оседлать огромного маару. Совершенно иные ощущения! Как в этом дышать? И разговаривать...

Он осторожно втянул воду сквозь «нос» маски, жабры, оказавшиеся выше горловины, слегка защипало, но примеси в воде больше не чувствовались.

– Внутри фильтры, которые задерживают яд, – хмуро сказал Герлас, держа свою маску в руке. – Но их не хватит надолго. Как только прокладка пропитается отравой насквозь, она сама станет смертельно опасна. Так что следует поторопиться, тир-на. Доплываем до вулкана, делаем, что нужно, и возвращаемся. Если почувствуете, что голова кружится, немедленно задержите дыхание и всплывайте наверх. О нас не думайте, слышите?

Алестар попробовал представить, как бросит спутников в отравленной глубине, и его передернуло.

– Амо-на прав, – сказал Эргиан. Голос его звучал сквозь маску глухо, но разборчиво. – Мы должны все время следить друг за другом. Потому и плывем втроем. Но это наше дело, а ваше – вулкан.

Вулкан... Алестар посмотрел на клубящуюся вдали громаду, остро чувствуя свое бессилие, и решительно кивнул, радуясь, что сквозь маску никто не разглядит его лицо. Не хватало еще показаться испуганным.

Он махнул рукой гвардейцам охраны, и те торопливо подплыли ближе. Растянув шнур на горловине, Алестар приподнял маску и велел:

– Двое останутся здесь, еще двое – наверх и ждите на поверхности. Если кто-то из нас всплывет и будет звать на помощь, вы услышите. Оставайтесь там, пока...

Салту под ним вздыбился, и Алестар с трудом его удержал. Словно огромная рука толкнула его, рядом завизжал испуганный зверь кого-то из гвардейцев... Эргиан крутнулся со своим салту на месте, но тоже не дал ему сорваться, а вот салту Герласа забил хвостом в совершеннейшем ужасе. Проклятье... Это был не такой мощный удар как тот, первый, но рядом с источником он показался даже сильнее.

– Бесполезно! – крикнул Эргиан, тоже успевший сорвать маску. – Нас раскидает, и звери не удержатся. Нужно плыть быстрее.

Алестар кивнул, оглянулся на Герласа. Тот что-то кричал, с трудом держась в седле, но Алестар чувствовал, что другие глубинные толчки неминуемы. Жрец просто не сможет управлять зверем, а пересаживать его на другого – поздно. Да и смысла нет. Из всех салту только у

его Серого и зверя Эргиана достаточно выучки. Опять обстоятельства толкают его довериться глубиннику!

– Помогите амо-на и ждите нас! – рывкнул он гвардейцам и махнул Эргиану, снова натягивая маску.

Глубинник кивнул и хлестнул салту лоуром, сорвавшись с места ровно в тот же миг, что и Алестар, словно они оба услышали гонг к началу гонок.

«Что же он все-таки потребует за перстень? – мелькнула неуместная мысль, а потом Алестар понял, что мысль очень даже своевременна. – Перстень!»

Кольцо Аусдрангов сидело на пальце так плотно и удобно, что Алестар про него попросту забыл. Рыба безмозглая!

Он пригнулся к салту и попытался дотянуться до осколка Сердца сознанием, как делал это с настоящей реликвией. Кольцо упрямо молчало. Может, следует вытащить осколок из оправы? Ну да, без инструментов и посреди моря! Алестар стиснул зубы, иступленно пытаясь придумать хоть что-то. Вода вокруг становилась все мутнее, и он запоздало забеспокоился, как же в ней смогут дышать салту, но Серый, хоть и сбавил скорость, упрямо плыл вперед, и зверь Эргиана не отставал.

«Выберемся, обязательно надо будет погонять с ним на Арене...»

Отбросив пока попытки сладить с неподдающимся осколком, Алестар окинул взглядом стремительно мутнеющую воду внизу. Чтобы отыскать точку резонанса, зрение вовсе не нужно, достаточно того же чувства, что позволяет королевской крови настроиться на Сердце моря. Однако нужная точка все никак не находилась. Глухо! Пусто! И только нарастает на пределе слышимости тяжелая мрачная дрожь... Удар!

Сильный или нет – Алестар не понял. Тонко взвизгнул Серый, но с пути не уклонился, только замедлился. Вода сгустилась, превратилась в мутную взвесь – и Алестар едва удержал порыв сорвать маску и всплыть наверх. Завертел головой, пытаясь найти кариандца – но тот вынырнул из мутного облака рядом. На миг их салту оказались рядом, и Эргиан тут же осадил своего зверя.

– Мы не подберемся близко! – закричал Алестар и тронул маску. – Даже с этим! Если только бросить салту!

Эргиан несколько мгновений смотрел в сторону еще далекого вулкана, тоже оценивая расстояние, потом помотал головой. Ну да, далеко! Сами они доплыть не успеют, а салту либо надышатся этой дрянью, либо взбесятся от страха. Ну и что делать? Да как тут можно сделать хоть что-то?! Он не справится. В этот раз – ни за что. Это неправильное извержение, оно просто не должно случиться, никакие временные карты вулканов о нем не предупреждали!

Алестар сжал кулаки, невольно натянув повод, но Серый, обычно чувствительный к малейшим движениям, этого даже не заметил. Салту так и плыли к вулкану, но слишком медленно... Где же этот клятый резонанс? Маска вдруг стала душной, давящей, и Алестар испугался, что час уже прошел или жрец неправильно рассчитал время. Он поднял руку и уже потянул за край – но опомнился. Нельзя! Это смерть... А равнина внизу уже стала заметно выгибаться вверх, поднимаясь пологим склоном к самому жерлу. Жерло... склоны... Что-то билось в сознании Алестара, какая-то мысль, которую он никак не мог ухватить, и спешка этому не помогала, совсем наоборот.

– Это неправильное извержение! – крикнул он, и Эргиан рывком повернулся к нему.

Лица глубинника под маской не было видно, однако он тоже должен был понимать, что счет идет на минуты.

– Почему? – донесла вода его глухой крик.

– Его нет на временных картах! – закричал Алестар. – Значит, колебания не просчитаны! Это не извержение!

Мысль выглядела откровенно дурацкой, вот и Эргиан вскинулся, свободной рукой указав на жерло и ухитрившись выразить: мол, а что же это?

– Волна! – снова крикнул Алестар, борясь с невыносимым желанием снять маску. – Точка резонанса далеко! А это волна колебаний. Сотрясение где-то там! Очень далеко!

Он махнул рукой вдаль, в сторону хребта гор, извилисто уходящего в сторону Суаланы. И расположенного за ней и немного в стороне Карианда.

Словно во сне он увидел, как Эргиан тоже поднимает руку к маске, будто собираясь ее снять – и бессильно роняет. И как через пару немыслимо долгих мгновений кивает. Ну да, резонанс. Только не тот, что пронизывает земные слои снизу вверх, а продольный. Видимо, там, вдали, Великая Бездна все-таки зашевелилась... Нет, нельзя сейчас думать об этом! Карианду Алестар помочь ничем не может, ему бы удержать свой кусок дна, пляшущий, как испуганный салту. А как? Если источник подземных волн недоступен! Думай же, думай...

Он в отчаянии снова глянул на склон. Потом – на далекое небо, уже не различимое сквозь слой потемневшей воды. Минуты. А вскоре – и мгновения! Что-то такое говорил жрец глубинных про свою работу! Про кипящую грязь... Дыхание глубинных сейчас просачивается через щели в скалистом дне. Бьет наверх упругими тугими струями...

Алестар прикрыл глаза, и перед его внутренним взором встали бесконечные таблицы временных карт, перечисляющих извержения на сотни лет назад и вперед. И сложные волновые – по которым можно найти точку резонанса, если вдруг отказало внутреннее чутье. И свои детские рисунки, когда он старательно рисовал вулкан, пытаясь понять, почему лава внутри не охлаждается, если в нее попадает вода. Не попадает же! Зато давление нарастает – в точности как у дыхания глубинных!

Выход показался таким пугающе простым, что он даже вздрогнул. Не может быть! Или может? И не все так просто, если подумать, потому что...

Ну да, равнины. Алестар снова глянул вниз. Плодородные равнины между Суаланой и Акаланте, которые отец обещал переселенцам из Карианда. Временные карты уверяли, что сильных сотрясений дна здесь не должно быть лет четыреста, а мелкие... Для этого у Акаланте есть король! Но карты не учитывали, что колебания придут извне. И никакого другого выхода не видно, потому что если не сбросить напряжение в закрытом пока жерле, вулкан вскоре разразится взрывом огненной лавы, уже не поддающимся усмирению, как не остановить салту, попробовавшего крови. И тогда... Волна от этого извержения неминуемо пробудит Младших Братьев, а там и до Ложа Акаланте недалеко.

– Склон! – крикнул он, не зная, услышит ли Эргиан. – Мы должны вскрыть жерло и пустить лаву по склону. Пока еще есть время.

Долину это убьет, конечно. Лава встретится с водой, и самым глубинным богам станет тошно, что здесь начнется. А потом, в лучшем случае, останется каменное поле застывшей лавы, на котором жизнь поселится еще не скоро... И придется думать, где устраивать беженцев, но главное, чтобы было кого. И кому!

Эргиан кивнул – наверное, просчитал то же самое. И постучал ладонью по маске, напоминая, что время вот-вот выйдет.

Алестар посмотрел на склон вулкана уже иначе, закусил изнутри губу. Ну и как выполнить принятое решение?! Тряхнул поводом, переложил его в другую руку, беспомощно посмотрел на камень, уже не светящийся, мертвенно-тусклый. Что, снова придется поить воду собственной кровью? А хватит ли ее сейчас? Это ведь не тонкое воздействие на точку резонанса, здесь нужно собрать острие силы и вскрыть склон, ударив в самое подходящее место... Даже если кариандец поделится кровью, может не получиться.

Он поднял руку к губам, тронул ими перстень, пытаясь ощутить единство, как с Сердцем. Показалось, что услышал слабый далекий отклик... Ну же! Далеко... холодно... Перед глазами вдруг потемнело... Нет, это просто волна принесла еще порцию мути. Алестар глубоко

вдохнул, пропуская воду через маску, глянул на перстень... Значит, огонь, который горит в нем самом? Эргиан, возможно, сказал это ради красивой фразы, но Алестар знал только один способ выпустить этот огонь наружу и проверить.

Лоур пришлось перехватить у самого верхнего конца, и тяжелое древко неудобно тянуло вниз, но Алестар быстро ткнул острием в ладонь у основания большого пальца и прижал перстень к набухающей темным ране. Миг... Острая боль пронзила его, словно камень в оправе выпустил острые шипы и впился в рану. А еще через пару вдохов Алестара окатило знакомым блаженным чувством единения! Показалось, что осколок ворочается, как живой, в оправе. И все вокруг заволочло алым туманом!

Торопливо ловя это ощущение, Алестар потянулся через камень, чувствуя, как становится частью моря, а оно плещется в нем и вокруг. Дальше, дальше, через толщу скалы! И почти сразу нащупал нужное место, где каменная скорлупа показалась тонкой и хрупкой. Потратил еще несколько драгоценных мгновений, чтобы проверить... Да! Именно здесь.

И ударил острием воли, подкрепленным теперь не слабыми силами живого существа, а всей мощью Моря. Третье сотрясение дна качнуло мир вокруг, срезонировав с его ударом, и Алестар подхватил это колебание, оседлал, как дичка салту. Взломал еще сильнее проделанную щель, глубже вонзил невидимое острие...

– Хватит! – услышал он крик – и очнулся.

Мир вокруг был белесо-туманным. Глаза щипало, и Алестар с изумлением понял, что держит маску в руках, прижимая ее к лицу тем местом, через которое надо вдыхать. А рядом прикрывает лицо рукавом Эргиан...

– Надо уплыть! – крикнул кариандец и закашлялся.

Да, лава вот-вот хлынет наверх... Алестар понимал это еще затуманенным сознанием. А вот чего он не понимал, так это почему у него в руках маска глубинника, а своя маска, разрезанная почти до горловины, висит на шее? Бред какой-то... Что случилось, пока его сознание управляло осколком?

Кариандец нетерпеливо потянул его за рукав, указывая в сторону Акаланте, и Алестар спохватился. Вдохнув поглубже, оторвал маску от лица и протянул Эргиану, но тот помотал головой и, махнув рукой, хлестнул своего зверя лоуром.

Обратно они летели так, словно за ними гнались сами глубинные боги. Алестар, догнав Эргиана, все-таки сунул ему маску и сразу почувствовал, как вода наполнилась омерзительной вонью. Кариандец, немного подышав, вернул ему драгоценное устройство, и они еще несколько раз передали его друг другу, пока не выплыли в относительно чистые воды, разглядев свет предусмотрительно зажженной гвардейцами туарры.

– Наконец-то! – встретил их Герлас. – Вы с ума сошли! Час уже истек. Ради всех богов мира, ваше величество! Как можно быть настолько неосторожным?

Алестар, у которого не было сил даже велеть жрецу замолчать, только измученно пожал плечами и протянул спасительную вещь.

– А вторая? – мрачно спросил Герлас и возмущенно воззрился на лохмотья маски, так и висящие на шее Алестара. – Вы что с ней сделали? С такой драгоценностью!

– Напишу домой... и попрошу прислать вам... дюжину этих драгоценностей... – огрызнулся задыхающийся Эргиан. – У второй фильтр забился! Полчаса назад! Пока его величество...

Он почти упал на спину салту, потом свесился с нее, и пока его мучительно рвало, Алестар смотрел на маску в руках смертельно бледного даже в полутьме Герласа. Фильтр, значит... Пока он ломал склон, выпуская лаву, его маска стала смертельной ловушкой, и Эргиан ее срезал. А потом, получается, держал свою маску у лица Алестара, потому что сам Алестар этого точно сделать не мог.

– Эргиан, как вы? – спросил он, тревожно оглядываясь в сторону вулкана.

– За... мечательно, – выдавил кариандец, отпил из поданного начальником его охраны сосуда и, прокашлявшись, ехидно добавил: – Судя по тому, как мне в последнее время везет, боги явно уже причислили меня к жителям Акаланте. Даже беспокоило как-то... А теперь никто не возражает, если мы отсюда уберемся? Очень не хочется свариться заживо.

* * *

Дворец был так тих, словно в него никто не вернулся, и только караулы на постах приветствовали короля поклонами. А Джад уже спит, наверное... Или нет? Может, она сидит у постели своего возлюбленного? Гладит ему волосы, всматриваясь в лицо. Или легла рядом, положив голову ему на здоровое плечо, и их дыхание в воде смешивается, а пальцы сплетены. Говорят, у тех, кто спит в обнимку, сны общие... Проклятье, ну что опять лезет в голову! Как окончательно подчинить камень в перстне и найти с его помощью Сердце моря – вот что сейчас главное. И еще поиски Маритэль! И все неразрешенные мрачные тайны, которых в Акаланте больше, чем медуз у берега после шторма!

А у него перед глазами – Джад. И на ее тонком нежном лице, словно отчеканенном из потемневшего золота, беспокойство за того, другого...

Алестар раздраженно махнул хвостом, собираясь свернуть в коридор, ведущий к его старым покоям. И снова по сердцу острой тоской полоснуло, что больше он никогда не окажется с Джадом в одной постели. Уже незачем... Запечатление разорвано, и нет ни одной причины делить ложе с не желающей этого жрицей. Что ж, одиночество – это именно то, что он заслужил. Только вот любая мысль, чтобы взять в постель кого-то другого, вызвала почти физическую тошноту. Наложниц даже видеть не хотелось!

Ну, разве что Леавару, но именно потому, что как раз с ней Алестар не спал, а в наложницы взял по просьбе ее отца, чтобы девушка получила от казны приданое. С Леаварой было весело болтать, она умела делать массаж и так заплетать длинные волосы Алестара в тугую косу от самого лба, что они становились гораздо короче – незаменимо для гонок! А еще она никогда не пыталась ни оказаться между Алестаром и Кассией, как другие наложницы, ни поссорить его с Санлией, чтобы занять место главной жемчужины внутренних покоев. Санлия... Еще одно воспоминание, от которого тоскливо. Надо поговорить о суаланке с Джадом, как только будет время. Но когда оно будет?

– Ваше величество! Ваше... величество...

В голосе Иратора, выплывшего из коридора и преградившего Алестару путь, плескалось беспокойство. Показавшийся следом за ним Герувейн молча поклонился, и Алестара окатило волной тревоги. Если два советника ждут его появления, уже зная, что вулкан усмирен, это не к добру.

– Что случилось? – выдохнул он, в последний миг вспомнив, что за спиной у него Герлас, Эрриан и молчаливый гвардеец из дворцовой охраны.

Если новости – неважно, хорошие или дурные – касаются принцессы Маритэль, то лучше бы выслушать их наедине. В крайнем случае – при одном лишь Эрриане. Ну почему Герлас не отправился сразу к себе домой или в храм? Нет же, заявил, что будет сегодня ночевать во дворце!

– Гонец из Суаланы, ваше величество, – торопливо поклонился Иратель и, выпрямившись, опять тревожно блеснул глазами. – Простите, мы не решились бы вас тревожить, но... на послании Золотая печать.

Пара слов упала в воду тяжело, как свинцовые грузила, разве что не стукнула о каменный пол. Золотая печать! Знак, что послание одного правителя моря другому настолько важно, что выслушать его надлежит немедленно. Более того, не наедине, а в присутствии Высокого Совета каи-на! Золотая печать возвещает объявление войны или наступление мира... Или что-то не менее значимое!

– Глубинные боги, – прошипел Алестар, чувствуя, как по телу бежит противная дрожь страха. – Да что за день такой! Герувейн, Совет уже собран?

– Да, тир-на, – поклонился тот. – Ожидают лишь вас, амо-на Герласа и...

Он слегка замялся.

– Ну?! – холодно поинтересовался Алестар.

– Я не знал, следует ли приглашать кай-на Джад, – сознался советник и бросил выразительный взгляд на Эргиана, словно напоминая, что у того теперь тоже непонятный статус.

С одной стороны, будущий родич короля, а место в Совете ему отдал Руаль. С другой – Руаль оказался преступником, а родич Эргиан именно что будущий!

Алестар закусил губу. Кариандца попробуй не пригласи! Во-первых, он и так все разнюхает сразу после Совета. Вот, кстати, еще одно нужное дело: узнать, кто из кай-на откровенничает с послем Карианда! Во-вторых, Эргиан может оказаться полезен. А в-третьих, он давно доверяет глубиннику больше тайн, чем доброй части собственных придворных.

– Мы плывем в Зал Совета, – хмуро сказал он Герувейну. – Не стоит беспокоить мою из... кай-на Джад.

Герувейн низко поклонился, сделав вид, что не заметил оговорки, а Алестар глубоко вдохнул, пытаясь сбросить усталость. Как же не вовремя гонец! Все, чего хочется, это добраться до постели.

Он обернулся к Герласу. Тот держал спину прямо, словно лоур проглотил, а на осторожное предложение Алестара отдохнуть, возмутился:

– И пропустить, что нам хочет сказать Суалана? Еще чего! Я, ваше величество, пока не помер, а от меня живого вы так легко не избавитесь. Пф! И велите подать тинкалы прямо туда, – сварливо добавил Герлас, подтверждая пословицу, что матерый салту стоит пары молодых. – Еще не родился тот суаланец, из-за которого я откажусь от глотка горячего после такого дня.

– Изумительная мысль, амо-на, – поддержал его Эргиан, и Алестар не без удовлетворения услышал, что бодрость в голосе глубинника изрядно потускнела.

Все-таки и он не каменный! Хотя, надо признать, держится отменно. А Эргиан одним толчком хвоста оказался рядом и очень тихо, так что вряд ли услышал кто-нибудь еще, уронил:

– Что бы вы ни услышали, тир-на, не забывайте, как сильно сегодня устали.

Устал? Зачем он это напоминает? Алестар удивленно глянул на глубинника, но тот снова оказался позади, не давая заглянуть себе в лицо, и осталось только плыть вперед, от желанной, но недостижимой спальни – к Залу Совета.

Как и пообещал Иратель, Высокий Совет уже ждал в полном составе. Восемь кай-на, склонившихся в почтительном приветствии, стоило ему всплыть в Зал. Герлас, Иратель и Герувейн, тоже поклонившись, проплыли к пустым сидениям, и лишь одно осталось свободным – по правую руку от Алестара. Бывшее место недоброй памяти советника Руаля!

Алестар взглядом указал на него кариандцу, и Эргиан, поклонившись, занял сиденье так безмятежно, словно в этом не было ничего необычного. «А ведь я говорил, что ему придется выбирать между должностью посла и местом в моем Совете, – не без досады подумал Алестар. – Но все получается словно само собой... Род Руалля угас, а у меня совсем нет времени, чтобы посоветоваться с кай-на и возвысить какую-то другую линию. Ладно, и это подождет».

Он проплыл к месту короля и занял его, бросив взгляд в свободную середину зала, где, ярко освещенная верхними шарами туарры, слегка колебалась в воде фигура суаланского посла.

– Его величество Алестар, король и повелитель Акаланте, внимает! – раздался голос кай-на Миристая, ведающего церемониями, и Алестар едва не фыркнул, вдруг вспомнив, что Эргиан, маару хитрохвостый, так и не удосужился представиться ему при Совете по всей форме.

Верительные грамоты посла он передал, разумеется, но чтобы вот так, со всеми положенными церемониями? А волны при дворе от него такие идут, словно кариандец здесь уже давно и врос в Акаланте, как мидия – в скалу, попробуй отодрать.

– Его величество Лорасс, король и повелитель Суаланы, говорит моим голосом! – ясно и громко ответил гонец, и Алестар присмотрелся.

Суаланец был молод, не намного старше самого Алестара, и, пожалуй, не слишком походил на суаланца. Оттенок светлых волос издалека и при свете туарры было не разобрать, но в том, что они бледнее золота, никак не усомнишься. Кожа тоже не имела ничего общего с яркой смуглостью жителей Суаланы. Рядом с той же Санлией молодой иреназе смотрелся бы, как день рядом с ночью. Странно...

– Я рад выслушать голос нашего доброго соседа, моего брата Лорасса, – ответил Алестар положенными словами, и суаланец поклонился.

В руках у него был свиток из шкуры салту, скрепленный большим золотым кругляшом – той самой печатью. Гонец поднял его над головой, показывая всем, а потом подплыл и протянул Алестару на вытянутых руках.

Алестар, повинувшись церемониалу, взял свиток, оглядел печать и положил его перед собой. Ему никогда не приходилось выполнять этот ритуал прежде. При его жизни послания с Золотой печатью появлялись во дворце всего дважды, когда Суалана объявила войну – и когда попросила мира. Оба раза эти письма принимал отец... Да кончится ли сегодня ночью эта проклятая горечь во рту, словно поднимающаяся от самого сердца?!

– Подтверждаю, что печать моего брата Лорасса цела, – сказал он. – И жду его слов.

Ритуал... Послание в свитке и то, что гонец передаст устно, должны совпасть до единого слова. Но вскрыть письмо положено лишь, когда оно прозвучит для всех.

– Мой король и повелитель говорит... – торжественно, громко и слегка монотонно начал гонец заученную намертво речь. – Я, Лорасс, владыка Суаланы, приветствую Алестара, моего юного брата по крови повелителей моря. Посылаю ему соболезнования в тяжелой утрате, постигшей Акаланте. Брат мой Кариалл был силен, мудр и великодушен, и прежние наши распри тяжким грузом ложились на мое сердце...

«Как же, – зло подумал Алестар. – То-то твое сердце подсказало тебе начать войну, хотя отец изо всех сил пытался свести к миру».

– Я надеюсь, что тяготы будут забыты и шторм вражды больше никогда не всколыхнет наши воды, – продолжал гонец.

«Слова, слова... пустые, как жемчужницы, проверенные старательным добытчиком. Да переходи же ты к делу!»

Алестар поморщился от боли во всем теле. Где там обещанная тинкала? Из Карианда ее везут, что ли?

– И потому в знак верной дружбы и с обещанием вечного мира я зову юного брата моего Алестара подтвердить вечный союз между Акаланте и Суаланой, – ровно и размеренно падали слова суаланского короля из уст его посланника в полной тишине. – Ныне настал час, когда воля Матери Море должна связать наши народы узами любви, доверия и поддержки. Я, Лорасс, повелитель Суаланы, предлагаю его величеству Алестару брачный союз и готов отдать ему в супруги любую из моих прекрасных и целомудренных дочерей...

«Что?! Да какого... какого глубинного?!»

Только страшная усталость помогла Алестару не вскинуться, словно салту, которого изо всех сил хлестнули лоуром. Да еще осознание, что все глаза в зале сейчас устремлены на него.

«Но какого... глубинного, а? Можно подумать, Лорассу неизвестно о заключенной помолвке! И договоре с Кариандом!»

– Понимаю, что предложение мое должно прозвучать для брата моего Алестара неожиданно, – продолжал посол, и в его размеренных, как волны прибоя, словах и в самом спокой-

ном тоне Алестару чудилось скрытое ядовитое злорадство. – Однако дошло до меня, что воля Троих, разрешивших каждому из своих детей свободный выбор в запечатлении, ныне была нарушена, и брат мой Алестар избрал себе будущую супругу не по зову сердца и плоти, а единственно из наличия в ней крови двуногих, родственных прежним королям Акаланте. Но Трое милосердны и справедливы, посему я ручаюсь честью и королевским словом, что если брат мой Алестар избрет в супруги принцессу Суаланы, то милость запечатления изольется на него полной мерой и свяжет наши народы, даруя им грядущее благоденствие...

Тишина в зале, напоминавшая предгрозовое молчание, превратилась в десятки еле слышных шепотков, словно струйки высохшего песка зашелестели, высыпанные на камень. Алестар заставил себя вдохнуть тяжелый загустевший воздух... Суалана знает! И знает не только про человеческую кровь, но... Но и что-то еще! Слишком уверенно Лорасс обещает невозможное, немислимое – запечатление с одной из своих дочерей, в которой совершенно точно нет ни капли земной крови!

– Вместе с братом моим Алестаром, – возвысился чистый и резкий голос гонца, легко перекрывая шум в зале, – я готов оказать братскую помощь народу Карианда, ныне терпящего тяжелое бедствие. Объединив наши силы, мы сможем протянуть королю глубин могучую руку помощи и принять в своих водах часть его подданных!

«А ведь отказывались! Ну конечно, раз объединившись... То есть оплатит рыбу для беженцев Акаланте, а махать ею над головой, хвалясь великодушием, будет Суалана!»

– Вместе с братом моим Алестаром мы приведем народы наши к процветанию, и грядущие поколения благословят наше мудрое решение объединиться путем не войны, но мира!

Чем дальше, тем больше все это походило на бред. Алестар обводил взглядом лица своих каи-на и видел на каждом сменяющиеся быстро, как погода перед весенним штормом, оттенки выражений. Неприязнь, досаду, отвращение, задумчивость, интерес... Все они – до одного! – сейчас просчитывали, что будет, если на трон Акаланте рядом с Алестаром сядет не кариандка, договор с которой должен привязать к Акаланте многочисленных беженцев, а дочь недавнего злейшего врага.

Да Суалана ненавидит Акаланте! Злопамятно и алчно считает чужие богатства, не желая признать, что акалантцы готовы были поделиться по-братски, но не пожелали отдать свое грабителям. И если браслет избранной короля наденет суаланка, в Акаланте хлынут ее жадные родичи, которым дай рыбий хвост – они оттяпают рыбину по самые жабры!

Оскорбленный Карианд, конечно, все равно примет помощь – у них нет выбора. Склоны вулкана потеряны надолго, но если поискать, все равно найдется, куда расселить беженцев. Только тогда кариандцы в водах Акаланте будут чужаками, принятыми из милости, а из нее крепкой дружбы не сплеть, как не выйдет хороший кошель-каймур из гнилой веревки. И получится, что дружба с Кариандом ухнет в Бездну, поскольку таких оскорблений не прощают, а дружбы с Суаланой все равно не получится. Не дружат салту с муренами, слишком много в тех яда!

Но на что же рассчитывает Суалана?! Почему в голосе гонца такое странное торжество, словно он привез не брачное предложение, а ультиматум победителя побежденному?

– Если же брат мой Алестар пренебрежет моим предложением родственного союза! – взмыл голос гонца под самый свод Зала, и Алестара словно прошило от макушки до хвоста предчувствием неминуемой беды...

Позади прошла волна – кто-то проплыл – и перед Алестаром появился кувшинчик вожденной, но такой бесполезной сейчас тинкалы. Внутри и без горячего питья разливалось жгучее нетерпение, даже кончики пальцев зазудели, а хвостовой плавник затрепетал.

– Скорбь моя будет столь велика, что разрушит всякие надежды на истинную и прочную дружбу между нашими народами...

«Он что, на новую войну намекает? – успел поразиться Алестар. – Еще раны от прошлой не залечив?»

– И я стану в горе молить Троиx о справедливом воздаянии тому, кто отверг протянутую ему руку дружбы. Да поразят они нечестивца, отняв у него свою милость и право на Сердце моря!

Гул в зале уже гудел предвестием шторма. Гонец замер, глядя прямо в глаза Алестару, на его губах застыла улыбка, и Алестар вдруг без тени сомнения почувствовал, что суаланец его ненавидит. Вот именно его, не короля Акаланте, а самого Алестара! Ледяной ослепительной ненавистью. Эхо войны, что ли? Но почему такой личный мстительный отзвук? Может, у него кто-то близкий погиб?

Он загнал эту мысль подальше, потому что ненависть какого-то суаланца сейчас ничего не решала. Значит, Сердце?! Так вот откуда тянется щупальце, укравшее жизнь Акаланте?! И Лорасс смеет... Спокойно... Нет, нельзя протянуть невидимую руку, вливая в нее силу едва прирученного осколка, и сжать горло наглеца, посмеявшегося... Нельзя! И он тоже это знает! И что это за странное выражение на лице Ираталя – советник даже вперед подался, словно пытаясь о чем-то предупредить, но и опасаясь? Ах, ужас? Кажется, в сдержанность своего короля советник несколько не верит. Это он зря – за последнее время Алестар многому научился!

Все-таки его ярость просочилась вовне, поднимая в воде Зала крошечные тугие буруны. И туарра на стенах и потолке, на миг потускнев, загорелась так ярко, что в огромной комнате стало светло почти как на поверхности. И каи-на, не успевшие притихнуть по своей воле, вдруг замерли, потому что Алестар наклонился вперед и бросил, едва слыша сам себя:

– Молчать всем.

А потом добавил, глядя в горящие ответной яростью глаза гонца – да откуда же все-таки такая ненависть? – и бросая каждое слово, как выпад лоура:

– Значит, брат мой Лорасс предлагает мне свою дружбу? И руку своей дочери? И вечный союз... И все это за такую малую цену, как нарушенное слово? Королевское слово Акаланте... А не боится ли брат мой... Лорасс... что утратив честь одним нарушенным словом, я и союз между нами оскверню изменой?

Суаланец смотрел на него без всякого страха. И без удивления – почему-то это было важно. Он ждал гнева Алестара и был готов к нему, глядя на вихрящуюся вокруг воду с ясным достоинством того, кто знает за собой право неприкосновенности. И Алестару пришлось напомнить себе, что это лишь гонец, чужой голос, и нельзя срывать гнев... Но чье-то лицо промелькнуло, когда он отводил взгляд, пытаясь сосредоточиться. Лицо, полное неправильного изумления... словно этот кто-то совершенно не ожидал увиденного.

– Я передал волю моего повелителя, – уронил гонец, и Алестар заставил себя двинуться обратно, почти вжаться спиной в сиденье.

Протянув руку, он взял свиток послания, рывком сорвал золотой кругляш печати... Пробежал глазами написанные четкие черные строки, пытаясь успокоиться, выиграть время. Все совпадало до слова, как и положено. Он не сразу заметил, что в свитке есть что-то еще. Недоуменно дернул край тонкого кожного листа и посмотрел на плотно приколотую к нему золотую серьгу. Ажурная рыбка тончайшей работы сверкнула на него бриллиантовым глазом, и рядом вдруг зашипел сквозь стиснутые зубы Эргиан. Тихий безнадежный звук, но Алестар, даже не спрашивая, все понял. Он сам видел на портрете златовласой кариандской девочки эту рыбку, кокетливо подчеркивающую красивое ушко. А если бы и не видел – то догадался бы.

И прежде, чем он сказал что-то действительно непоправимое, в памяти всплыло еще кое-что, совсем недавнее. То, что сказал ему в коридоре Эргиан, благослови боги кариандского маару, лучшее противоядие от суаланских мурен.

Алестар поднял голову от свитка и с удивившим его самого ледяным спокойствием сказал куда-то вперед, то ли суаланцу, то ли всему Совету:

– Наше величество утомилось после сегодняшних трудов по усмирению вулкана. Мы будем думать над письмом брата Лорасса, говорить с нашими советниками и дадим ответ позже. Каи-на Ираталь, позаботьтесь о после.

И первым поднялся с места, сжимая в ладони сорванную с листа сережку своей невесты, оказавшейся, – вот ведь неожиданность! – в гостях у добрых соседей-суаланцев.

* * *

Чернильная ночная тьма опустилась на Акаланте, словно плотный полог, и мгновенно заволокла все, так что Джаид перестала различать даже лицо Лилайна, лежащего у нее на коленях. Каррас крепко спал, но грудь его вздымалась ровно, а пульс на запястье бился глубоко и сильно. Вода приносила обрывки разговоров, и Джаид напряженно вслушивалась в них, пытаясь уловить, не вернулся ли Алестар. Рядом переговаривались гвардейцы, негромко ругая некстати погасшую туарру и воду, что с наступлением ночи стала значительно холоднее...

– Ири-на Камриталь, – окликнула Джаид брата Леавары, – как скоро мы сможем вернуться во дворец?

– Не знаю, каи-на, – виновато ответил тот. – Толчки еще возможны, и лучше переждать их в чистой воде. Вы чего-нибудь желаете?

– У меня там Жи остался, – вздохнула Джаид. – Бедняга был закрыт в комнате, и вряд ли его кто-то выпустил. Перепугался, наверное...

– Отправить кого-нибудь из слуг? – предложил Камриталь, но Джаид поспешно откликнулась:

– Нет, не надо! Я бы лучше сплавала сама, если можно.

– Неужели вам совсем не жаль наши головы, которые оторвет его величество? – усмехнулся, судя по голосу, гвардеец. – Не беспокойтесь, каи-на, сейчас найду кого-нибудь пошустрее. Заодно и перекусить вам прихватят.

Джаид почувствовала движение воды от его хвоста и уже открыла рот, чтобы отказаться, но тут в воде раздался долгий мощный гул, и иреназе вокруг радостно загомонили.

– Тревога закончилась, – подтвердил ее надежду Семариль. – Жрецы оповещают, что угроза миновала! Наверное, скоро вернется его величество, благословите его, Трое!

В голосе иреназе звучала столь искренняя и почтительная благодарность, что Джаид снова подумала, как важен Алестар для своего города. И о том, что до сих пор не найдена ни Карриша, ядовитой колючкой притаившаяся где-то поблизости, ни те, кто насылал на Алестара, тогда еще принца, Дыхание Бездны и сирен. Тьма окутывает Акаланте, и не ночная, а порожденная чьей-то ненавистью и безрассудным желанием гибели для всего города. И в этой тьме одинаково слепы и Джаид со всем ее опытом стража, и иреназе, знающие в своих владениях каждый камушек. Но кто сказал, что во тьме нельзя сражаться? Только бы уловить хоть малейший след врага! Там, где бессильны глаза, следует положиться на другие чувства. И на разум...

– Поищу свежую туарру, – сообщил Камриталь и все-таки уплыл, а Джаид погладила волосы Лилайна, успокаиваясь тяжестью его тела и дыханием.

– Значит, больше толчков не будет? – спросила она, и устроившаяся рядом Санлия отозвалась:

– Если и будут, то совсем слабые. Усмиренный вулкан затихает неохотно, иногда глубокие боги ворочаются во сне еще несколько дней и даже недель. Но если тревогу отменили, значит, жрецы уверены в безопасности. Сегодня ночью мы будем спать в своих постелях, каи-на.

«Еще бы эта постель была сухой, – с недостойным стража унынием подумала Джаид. – Впрочем, что толку мечтать о несбыточном? Если бы Акаланте лежало на суше, а у его жителей были ноги, все было бы совершенно иначе».

– Как вы думаете, – спросила она, – Великой Волны не случилось?

– Не должно бы, – ответил вместо Санлии Семариль. – В открытом море она почти незаметна, но кое-кто из иреназе подплывает близко к берегу, чтобы набрать прибрежных раковин. Будь хоть малейшая возможность, что на побережье обрушится гнев глубинных, жрецы предупредили бы об этом всех, имеющих уши. Наши сигналы разносятся быстро, вода сама передает их каждой каплей и колебаниями волн.

У Джаид немного отлегло от сердца. Простые рыбаки и мореходы не заслуживают подобной беды, да и белокрылые корабли, виденные ею в порту, слишком прекрасны, чтобы погибнуть от слепой беспощадной стихии. Корабли... Неужели скоро один из них унесет ее домой? Путь в Арубу гораздо быстрее по морю!

– Ну вот, можно возвращаться, – бодро сказал подплывший с туаррой в руках Камриталь. – Только давайте еще чуть-чуть подождем, чтобы не попасть в самую давку.

Вокруг в самом деле бурлило радостное оживление, иреназе нетерпеливо шевелили хвостами, то всплывая наверх, то опускаясь, как люди ходили бы туда-сюда. Камриталь кого-то окликнул, и пара иреназе торопливо подплыла к ним, низко поклонившись Джаид. В неярком, но вполне достаточном свете туарры она разглядела коротко стриженные волосы и точно такие же простые туники, как носили все дворцовые слуги.

– Понесете раненого человека, – распорядился Камриталь. – Со всей возможной осторожностью! Странно, почему вокруг ни одного целителя?

Джаид это тоже весьма интересовало. Допустим, лекарь не вспомнил о Лилайне, когда толчок случился, но потом? Он что же, бросил беспомощного подопечного на милость случая? Как-то непохоже на молодого целителя, показавшегося Джаид искренне преданным своему ремеслу.

– Говорят, каи-на, – отозвался один из дворцовых служителей, – за рынком обрушился один из старых кварталов. Те, кто там жил, отказались покидать свои дома. Испугались, что их разграбят, и надеялись, что толчков больше не будет.

– Так ведь их и не было, – недоуменно сказала Джаид. – Толчок был всего один, разве нет?

Иреназе посмотрели на нее с не меньшим недоумением, причем все: и слуги, и гвардейцы, и даже Санлия. Она-то и спохватилась первой.

– Вы действительно не заметили? – спросила она удивленно. – Как странно! Неужели человеческое тело так нечувствительно под водой? Сильный толчок был всего один, это верно, однако после него прокатилось еще три затухающих. Последний – совсем слабый, вот его-то жрецы измерили и определили, что больше сокращений земной плоти не будет.

– Понятно, – сказала Джаид, в который раз понимая, как люди отличаются от иреназе, что бы там ни говорил Виалас. – Значит, в тех кварталах кто-то пострадал?

– Две-три дюжины жителей, – сказал тот же слуга. – Безумцы, разве можно думать об имуществе, когда Мать Море спорит с глубинными богами? Первый толчок старые дома перенесли, вот они и решили, что обойдется. А следом пошли мелкие колебания... Все целители там, помогают раненым.

– Да будет к ним милостива Мать Море, – вздохнула Санлия. – С повреждениями от упавших камней очень тяжело справиться.

– Пожалуйста, Санлия, – попросила Джаид. – Вы не согласитесь побыть с моим другом эту ночь? Я бы сделала это сама, но ничего не понимаю в ваших лекарствах. Да и ухаживать за раненым под водой не умею.

– Конечно, каи-на, – просияла суаланка. – Мне это будет в радость! И если позволите, я покажу, как правильно его нести. Господа гвардейцы, мне нужна пара самых длинных лоуров, какие сможете найти, и несколько кусков ткани. Даже туники подойдут.

Наблюдая, как Санлия умело мастерит подобие носилок, Джаид убедилась, что суаланка и вправду знает свое дело. Настоящие носилки под водой были бы бесполезны, но она ловко и старательно уложила спящего Лилайна между шестами и спеленала его принесенными тун-

ками, привязав их к лоурам. Ни одна перевязь, насколько могла видеть Джад, не сдавливала раны, но теперь нести Карраса было куда легче. Похоже, Санлия и вправду прошла хорошую школу, помогая своему отцу.

Дождавшись, пока большинство иреназе вернутся во дворец, они тоже отправились в путь, показавшийся Джад гораздо короче. Странно, ведь в этот раз она и ее спутники не торопились! Наверное, это страх тогда замедлил для них течение времени.

– Не беспокойтесь, каи-на, – сказала ей Санлия, когда Лилайна внесли в ту же комнату и уложили на ложе. – Отдыхайте спокойно, я не отплыву от него ни на дюжину гребков. Ухаживать за ранеными я умею, да и опасности никакой нет. Позвольте только сказать целителям, если они появятся, что это ваш приказ.

– Позволяю, – решительно сказала Джад и обернулась к одному из слуг. – Принесешь ири-на Санлии горячей тинкалы, ужин и все, что ей может понадобиться.

– Да, каи-на, – почтительно поклонился иреназе, а Санлия кивнула и благодарно улыбнулась.

Джад еще раз посмотрела на безмятежно спящего Лилайна. Может, и стоило остаться рядом с ним, но какой от этого был бы толк? Она нужна Каррасу бодрой, здоровой и, желательно, понимающей, что здесь происходит. И Жи! Она снова совсем забыла о рыбеныше, бессовестная!..

– Ох, ничего себе... – выдохнул через несколько минут Камриталь, открывший для нее дверь спальни. – А ваш любимец времени не теряет.

Семариль из-за его спины согласно хмыкнул и вполголоса помянул отродье глубинных.

– Он не виноват! – возмутилась Джад, растерянно глядя на комнату, где было перевернуто и разодрано решительно все.

Разве что с кроватью салру не справился, но сдвинул ее с места и превратил покрывало с подушками в клочья, уныло плавающие по спальне. Опрокинутый столик, рассыпавшиеся по полу тарелки, к счастью, не разбитые, потому что медленно падали в воде... Виновник беспорядка, лихорадочно мечущийся у дальней стены, оглушительно свистнул и, словно выпущенный из катапульты снаряд, метнулся к Джад, уткнувшись мордой ей в живот.

– Ну что ты, малыш, что ты... – виновато сказала Джад, едва переведя дыхание после увесистого удара, и обняла морду салру руками.

«Малыш» длиной уже почти со взрослого салту, только гораздо тоньше, жалобно посвистывал, наверняка рассказывая, как ему было страшно...

– Я пришлю слуг, чтобы убрали, – сказал Камриталь, едва сдерживая смех.

– Не надо, – попросила Джад. – Это слишком долго, а я, признаться, устала. Пусть просто принесут покрывало. Уборка, еда, тинкала – все завтра!

– Как прикажете, каи-на, – поклонился гвардеец.

Она едва дождалась служанку с новой постелью. День уже казался бесконечным, и больше всего Джад хотелось лечь – и проснуться уже утром. Да, еще массаж неплохо бы, но не искать же в едва успокоившемся дворце тех, кто может это сделать?

Она заползла под покрывало, уже привыкнув к мягкой и насквозь мокрой тяжести здешних постелей. Все равно так теплее и уютнее... В клетке успокоенно и мирно посвистывал Жи, убедившийся, что хозяйка никуда на самом деле не делась и вернулась за бедной маленькой беззащитной рыбкой... Зубищи уже с палец... Вот еще забота, как он перенесет ее настоящее исчезновение? Хоть бы привык к Алестару! Интересно, рыжий уже вернулся? Завтра, все завтра...

Что-то тяжелое и плотное окутало ее ноги, не давая ими двинуть. Обхватило плечи и грудь! Джад рывком вскинулась и поняла, что уснула! А разбудило ее... Точнее – разбудил! Вот он, извольте видеть, посапывает рядом и даже не шевельнулся, когда она сбросила тяжелый хвост, обвивший ее колени. Ну не зараза ли?! Что он вообще здесь делает? Запечатле-

ние разорвано, у них нет никакой необходимости спать вместе. Ни малейшей! Но их рыжее чешуйчатое величество прильнуло во сне так плотно, что между их с Джад телами лезвие ножа просунуть было бы сложно.

Она решительно высвободилась из объятий, зло думая, что это уж слишком. У него есть собственная спальня! Уж наверняка удобнее этой! И даже в отсутствие невесты хватает наложниц, готовых согреть его величеству ложе. Можно было просто не трогать ее?!

Алестар, лежащий на боку, дернулся – и открыл темные в слабом свете туарры глаза. Ошалело уставился на кипящую возмущением Джад, что едва сдерживала желание высказать много интересного. И вдруг виновато сказал:

– Я снова приплыл к тебе? Прости... Перепутал. Устал с этим вулканом, как гоночный салту, да еще и совет...

– Какой совет? – выдохнула Джад вместо приготовленной раздраженной тирады.

Осознание происходящего окатило ее горячей волной стыда. Он действительно не хотел? Ну да, ведь они же спали вместе последние несколько недель, рыжий за это время ни разу не ночевал в собственной спальне. Он там давно уже не ночевал, по правде говоря! И это как же надо было устать, чтобы из последних сил приплыть сюда, позабыв дорогу в свои покои? «Ну, например, усмирив вулкан, – беспощадно сказала ей совесть. – Ты ведь помнишь, чего ему это стоило в прошлый раз? А он еще про совет какой-то твердит. Малкавис, да неужели его еще хватило на разговоры с советниками? Зачем?!»

– Это не я, – помолчав, отозвался Алестар совершенно бесцветным от усталости голосом. – Это Суалана, заberi их глубинные. Суалана украла Маритэль и прислала ультиматум. Джи, давай я тебе утром расскажу? Язык не шевелится...

– Конечно, ваше величество, – тихо сказала Джад. – Мне тоже вам нужно многое рассказать. Утром. Все – утром.

– Прости, что побеспокоил, – еще через несколько мгновений тишины сказал Алестар, и Джад поняла, что он собирался с силами даже для этих слов. – Я сейчас... уплыву.

– Куда? – безнадежно спросила Джад. – Ну куда вы прямо сейчас поплывете? Спите. Подумаешь, еще один раз. Это ничего не значит, правда. Я бы сама...

Да, она бы могла сама найти себе новую спальню. Вызвать слуг, приказать им... И завтра весь дворец будет гудеть сплетнями, даже те, кто еще не заметил пропажу браслета с ее руки, такого уж точно не пропустят. Алестару и так достаточно забот. Нет, она ведь права: еще одна ночь ничего не значит. А утром... будет видно!

Рыжий уже спал. Вряд ли он услышал даже ее последние слова, и Джад тихо опустилась рядом, стараясь отодвинуться, чтобы между ними осталось побольше места. Это было не так уж легко: Алестар расположился как раз посередине кровати, и пространства у любого ее края оказалось ровно столько, чтобы поместиться вплотную к иреназе. Еще этот его хвост! Разложился на полкровати, павлин подводный...

Поерзав, Джад отвоевала край одеяла и просунула его между собой и Алестаром. Легла, закутавшись в остаток меха. И опять едва не зашипела, как разозленная кобра. Алестар, стоило ей оказаться рядом, придвинулся, не просыпаясь, сгреб ее в объятия и опять закинул хвост ей на ноги, умудрившись просунуть его под одеяло. Да что же это такое!

Вид у его величества при этом мгновенно стал умиротворенный и довольный настолько, что лишь ровное дыхание убедило Джад, что рыжий это не нарочно. Привык, наверное! Ну, если она ему во сне прищепит хвостовой плавник – сам виноват!

Она заставила себя лежать спокойно, понимая, что если опять высвободится – Алестар сразу проснется. Не стоит его мучить. Вон, скулы заострились, а под глазами – темные тени... Ладно, ей не трудно провести рядом еще одну ночь, последнюю. А потом пусть ищет себе другую подушку для объятий. Что он там говорил про Суалану?

Джиад честно попыталась осознать новость про Маритэль, но мысли уплывали, тяжелые и ленивые. Рука Алестара на ее плече не мешала, как и хвост, но Джиад все равно приказала себе проснуться как можно раньше, чтобы осторожно покинуть постель и избежать неизбежной утренней неловкости. Разбудить себя в нужное время – самое простое из того, что умеет храмовый страж. Она никогда не просыпала даже в годы учебы, не говоря уж о службе. Успокоив себя этим, она закрыла глаза и расслабилась, соскальзывая в сон. Завтра... все завтра...

А завтра началось с того, что она проспала!

ГЛАВА 6. Чаши весов

Мелкий песок, выгоревший на яростном солнце до белизны, был удобен, как самое роскошное ложе. Джад лежала на боку, расслабленно вытянувшись, не чувствуя ни одного камешка или колючей песчинки, и не могла даже пошевелиться в жаркой истоме, наполнившей ее полностью, до кончиков пальцев на руках и ногах. Да и не желала, нежась в удивительном чувстве безопасности, греющей душу так же, как солнечные лучи – соскучившееся по ним тело. Она не знала, кто обнимает ее со спины, но чутье утверждало, что этим рукам можно доверять.

А может, ей просто отчаянно хотелось поверить? Самый острый клинок нуждается в передышке, чтобы снова быть заточенным, и самому прочному щиту нужно время отдохнуть от ударов... Тот, кто лежал сзади, прижался теснее, и Джад сквозь тягучее сладкое марево сна почувствовала, как ласковые пальцы перебирают ее отросшие волосы и осторожными движениями касаются шеи и плеч.

Она почти уже решила повернуться, но почему-то медлила, вслушиваясь в плеск волн рядом и далекие крики чаек. Ветер, ревниво соперничающий с чужой рукой за право погладить ее волосы, пах морской солью и водорослями, и Джад замерла, ловя мгновение, точно зная, что стоит обернуться – и тихое теплое счастье покоя рассыплется мириадами песчинок, словно крепость из песка, попавшая под прилив.

А потом рука, перебирающая ее волосы, исчезла, и Джад услышала далекий голос...

– Прошу прощения, ваше величество! Если бы я знал, что вы еще отдыхаете, ни за что не осмелился бы потревожить. Право, мне очень жаль. Мой пациент хотел увидеть вашу избранную, и я решил, что...

– Достаточно, господин лекарь, – прозвучал второй голос, очень знакомый, и Джад окончательно вынырнула из марева сна, еще не в силах говорить, но уже понимая, что происходит нечто неправильное. – Вы были правы, нет никаких причин для беспокойства.

Она рывком села на постели, едва не всплыв, – помешало только тяжелое одеяло – и глянула в сузившиеся и потемневшие глаза Карраса. Алахасец еще пару мгновений не отводил взгляд, потом окинул им Джад и лежащего рядом Алестара и с издевательской любезностью добавил:

– Я тоже прошу прощения. Кажется, мы не вовремя, но это легко исправить. С вашего позволения...

Невис, растерянно замерев за его плечом, недоуменно смотрел то на Карраса, то на Джад, то на Алестара, до сих пор укрытого с ней одним одеялом. Малкавис, какая же глупость! Оправдываться – противно, а главное, совершенно бессмысленно! Ну кто на месте Лилайна поверил бы, что...

– Не позволю, – холодно уронил Алестар, тоже посмотрев Каррасу в глаза, и Джад почти услышала, как лягнули, встретившись, чуть изогнутая алахасская сабля и прямой лоур. – Ирина Невис, раз уж наш гость добрался сюда, он сможет пробыть в этой комнате еще некоторое время?

– Да, конечно, ваше величество, – поспешно отозвался старый целитель. – Сегодня ему гораздо лучше! Удивительно крепкое здоровье. Только следует принять пищу...

– Отличная мысль, – согласился Алестар, все так же не отводя взгляда от алахасца. – Думаю, он позавтракает вместе с нами. А у вас, наверное, очень много дел?

– Д-да, ваше величество... Конечно.

Невис поклонился и выплыл из комнаты, у двери обернувшись и глянув на Джад с таким извиняющимся лицом, что сразу стало ясно: никакие любезности с обеих сторон целителя в заблуждение не ввели.

– Лил...

Джиад набрала в грудь воды, еще не зная, что скажет и нужно ли говорить вообще. То есть нужно, разумеется, но что тут можно сказать?! Что вчера она не осталась ночевать в комнате Лилайна, чтобы они оба смогли выспаться? Что Алестар оказался в ее постели по чистой случайности? Что ничего не было и быть не могло? Да любые слова прозвучат глупой и трусливой ложью!

– Не оправдывайся, Джи, – негромко сказал Лилайн, отводя, наконец, взгляд от лица Алестара и снова глядя на нее. – Ты всегда решала сама. Я просто не понимаю... Но это неважно.

– Еще как важно! – отчаянно выдохнула Джиад, рывком дергая сковавшее их с Алестаром мокрое одеяло. – Ничего не было. Лил, я не стала бы тебе врать! Что угодно, только не ложь между нами. Если ты мне не веришь...

«Я не буду оправдываться, – подумала она, глядя в глаза того, кому была стольким обязана. Кого даже любила по-своему. И уж точно не предала бы ни словом, ни делом, ни слабостью плоти. – Не буду, слышишь?!»

– Если ты мне не веришь, – повторила она, чувствуя, что каждое слово дается с болью, а лицо лихорадочно горит, – значит, и говорить не о чем.

Она уронила ладонь на одеяло и стиснула пальцами мягкую ткань. Серебристая чешуя хвоста Алестара мерцала, оттеняя смуглую кожу ее ног – вчера Джиад легла, стянув штаны и оставшись в одной белой рубашке, едва достигающей до середины бедра. Теперь это выглядело... Да уж понятно – как! Одна постель и одно одеяло на двоих, полуобнаженная Джиад и Алестар почти без одежды.

А еще – все эти недели разлуки, когда долг и милосердие позвали ее в Акаланте, а Лилайн остался ждать и попал в плен к Торвальду. Все это сложилось воедино, придавив Джиад чудовищной тяжестью, так что амулет на груди показался бесполезным. Воздуха не хватало. Вот странно – его хватило бы для смертельного боя, но не для нескольких слов, самых важных и нужных сейчас, но никак не находившихся.

– Джи... – тихо сказал Лилайн, едва заметно подаваясь назад и старательно не опуская взгляда ниже ее лица – на шею и грудь в расстегнутом вороте рубашки и на голые ноги.

Всего одно слово, обрывок имени. Но в нем прозвучал уже почти вынесенный приговор, и в краткое мгновение, которое нужно было Лилайну, чтобы закончить, Джиад поняла, что простить сказанное им обоим будет нелегко, если вообще возможно. И нет здесь ни предателя с арбалетом, из-под выстрела которого можно оттолкнуть Лилайна, ни спасительной дороги к морю, которой без Карраса не случилось бы. Лишь дела не лгут, но их голос часто теряется за гневными или ядовитыми словами. А если слова кажутся бессмысленными – это еще хуже, потому что тогда рвется последняя нить, соединяющая души...

– Хватит, – резко и очень холодно уронил Алестар, и Джиад вздрогнула.

Каррас снова глянул на рыжего, еще сильнее сузив глаза, будто целился из арбалета.

– Хватит, я сказал. – Алестар раздраженно плеснул хвостом и, протянув руку, дернул рычаг вызова прислуги, а потом добавил: – Сядьте куда-нибудь. Я все равно собирался с вами сегодня поговорить, так почему бы не сейчас?

– Поговори-ить? – мягко и так тягуче уточнил Лилайн, что у Джиад прокатился холодок по спине.

Слишком хорошо она знала, что такой ласковый тон у алахасца появляется на пару мгновений раньше, чем из ножен вылетает сабля.

– Именно, – подчеркнуто безразличным тоном подтвердил Алестар. – Кстати, когда я, оказавшись на попечении целителей так себя веду и встаю раньше времени, меня обычно называют безмозглым мальком. Каи-на Джиад, как вы сами подтвердили, не обязана вам отчитываться. Но раз уж это все из-за меня, я, так и быть, объяснюсь.

Он снова плеснул хвостом, изогнув его и свесив с постели, так что ее дальний край оказался свободен, и продолжил:

– Вчера у меня был тот еще день. Утром я получил известие, что караван моей невесты, плывущий с ее родины, бесследно пропал. Днем началось извержение вулкана, и мне пришлось его умирять. Это удовольствие разве что злейшему врагу пожелаешь! А ночью, когда я добрался до дворца, мечтая забраться в щель поглубже и сдохнуть, явился посол наших заклятых возлюбленных соседей, мурена их сожри. И сообщил, что моя будущая супруга у них. И поэтому они предлагают мне новый брачный договор. А заодно такой выгодный союз, что я лучше сам на берег выкинусь. Ну или в тот вулкан залезу, пока он совсем не уснул.

Он помолчал, глядя на Карраса, а потом с явным отвращением добавил:

– Если вы серьезно думаете, что потом я был способен на большее, чем доплыть до постели, то я могу только гордиться. Но не стану – причин для этого нет.

– А чужая постель, конечно, вам подвернулась по случайности? – насмешливо сказал Лилайн, и Джад перевела дыхание, увидев, что синий лед в глазах алахасца тает, а лицо больше не кажется высеченным из темного камня.

– Нет, конечно, – в тон ему ответил Алестар. – На случайности я в последнее время стараюсь не полагаться. В этой постели меня если и убили бы, то как меня самого, а не как короля Акаланте. Все-таки не столь обидно. А теперь сядьте уже, ради Трои. Нам действительно нужно поговорить. Если плохо себя чувствуете, это можно отложить, но ненадолго.

Тишину, повисшую в комнате после этих слов, нарушало лишь тревожное посвистывание Жи, по обыкновению рвавшегося из клетки на волю. Салру напоминал, что ему пора прогуляться, да и вообще в клетке ему давно уже тесновато, и Джад твердо пообещала себе разобраться с этим сегодня же. Пусть только нависшая буря либо пройдет мимо, либо уже разразится. И тут дверь отворилась. Каррас, почувствовав колебание воды спиной, вздрогнул, и это лучше любых слов сказало, насколько неуверенно чувствует себя алахасец. Раньше он бы не показал и тени беспокойства, если Джад рядом.

– Ваше величество!

Появившийся в спальне слуга почтительно поклонился, и Алестар, пару мгновений помедлив, распорядился:

– Через полтора часа я жду в малом королевском кабинете каи-на Ираталя, каи-на Герувейна и тир-на Эргиана. Отправьте курьера в Храм Глубинных за амо-на Герласом, его я захочу увидеть через два часа после полуденного колокола. Все остальные дела на сегодня отменить. Пускай хоть глубинные просыпаются! Прямо сейчас подавайте сюда завтрак на троих и побольше тинкалы. Мне – как я люблю, каи-на Джад пьет по-суалански, а наш гость... – Он задумчиво посмотрел на Лилайна и пожал плечами. – Сам выберет, что ему понравится. И передай слугам в моих личных покоях, чтобы подготовили свежую тунику, я приплыву переодеться. Выполняй.

– Да, тир-на, – снова поклонился слуга и метнулся из комнаты.

– Лил, сядь, – виновато попросила Джад, снова наполовину прячась под одеялом и наплевав, как это смотрится.

Алестар, одетый в одну набедренную повязку, окончательно выбрался и устроился рядом, свернув хвост полуколыцом. Его туника, покрытая какими-то пятнами, комком плавала возле кровати, слегка шевелясь в проточной воде спальни, словно огромная странная медуза. Рыжие волосы, заплетенные в косу, по обыкновению растрепались, и Алестар запустил в них пальцы, не расплетая, но растрепывая еще сильнее и подчеркнуто не глядя ни на кого.

«А ведь это он, получается, гладил меня по голове, – мелькнула непрошенная мысль. – И где было чутье жрицы, которое не позволяет окончательно погрузиться в сон, пока есть хоть малейший намек на враждебное присутствие? Когда я перестала чувствовать в Алестаре угрозу? Ладно – угрозу, но мне было настолько хорошо и спокойно... Разве что с Лилайном было так безопасно и приятно в наши лучшие времена. Там, в лесной хижине... Но с иреназе? При чем именно с этим?! А чутье не может врать, это дар Малкависа его стражам!»

Лилайн неуклюже подплыл к ложу и опустился на его пустой край, чуть заметно поморщившись. Джад, спохватившись, протянула ему длинную толстую подушку, и Лилайн, раздраженно блеснув снова похолодевшей синевой глаз, ее взял. Подложил под спину и слегка оперся локтем, а потом усмехнулся:

– О чем же вы хотели со мной поговорить, ваше величество?

Тон у него был вполне мирный и даже учтивый, но Джад нутром чувствовала, что гроза стихла ненадолго и, скорее всего, просто собирается с силами.

– Об Аусдранге для начала, – сказал Алестар то, что она совершенно не ожидала от него услышать. – Кто там теперь станет королем? Насколько я понял, этот выродец мурены потомства не оставил?

– Верно, – кивнул Каррас, тоже глядя на рыжего с удивлением. – О помолвке Торвальда с шевандарской княжной трубили герольды и болтали на всех площадях, но брак он заключить не успел. Даже невеста еще не приехала. О бастардах тоже ничего не слышно... – Он все-ррез задумался, а потом чуть пожал плечами. – Думаю, корону поделят самые могущественные лорды. Кто окажется самым зубастым и хитрым, тот и сядет на трон. Говорят, первый Аусдранг сам был удачливым разбойником, оказавшимся в нужном месте в нужное время. А вас, ваше величество, это почему беспокоит? Кто бы ни стал новым королем, в ваших глубинах от этого ни холодно, ни жарко.

– Это как посмотреть, – ровно откликнулся Алестар. – Мне ведь придется подтверждать договор, который заключил мой отец. Джад, – обернулся он к жрице, – а ты что скажешь? Я видел каи-на, убивших Торвальда. С кем-нибудь из них можно иметь дело?

– Конечно, – улыбнулась Джад. – Пока вы держите их за горло. Если хоть немного отпустить, я и ломаной монетки не дам за честь и великодушие светлейших лордов. Крумас, тот, что убил Торвальда, еще получше остальных, но Гленарвиль – мурена, как вы говорите, хитрая и опасная. Кстати, получается, что перстень им теперь не нужен? Им короновались Аусдранги, а династия прервана...

– И это тоже как посмотреть, – снова блеснул злой холодной усмешкой Алестар. – Вообще-то, получается, что я сам – последний потомок Эравальда Аусдранга. Не та кровь, которой я горжусь, но от истины никуда не деться. Правда, толку от этого никакого. Я ведь на трон королевства людей не сяду.

– Это точно, вашему величеству наверняка хвост помешает, – невинно подтвердил Лилайн, и Джад мысленно застонала: снова началось.

Алестар фыркнул и хотел, было, ответить, но тут раздался стук в дверь. Дождавшись позволения, в комнату вплыли двое слуг с подносами, уставленными едой и тинкалой. Мужчины смолкли, а Джад обрадовалась не только еде, хотя проголодалась давным-давно, сколько робкой надежде, что Лилайн отвлечется на местные приборы и незнакомые блюда. Пока слуги расставляли принесенное на небольшом столике, придвинутом к кровати, она послала алахасцу предупреждающий взгляд, но Каррас только брови вскинул в явно поддельном удивлении, а потом выразительно посмотрел на еду.

– Это съедобно? – с сомнением уточнил он. – Я всей душой верю в гостеприимство вашего величества, но чешуей покрыться не хотелось бы. И плавники мне не пойдут...

– Я же их не отрастила, – поспешно сказала Джад, сводя все к шутке и придвигаясь ближе к столику. – Хотя здесь они быгодились. Тебя научили пить тинкалу? На вкус не турансайское, но силы восстанавливает лучше.

– Научили, – кивнул Лилайн. – Так значит, ваше величество интересуется только следующий король Аусдранга?

– Не только, – бесстрастно сказал Алестар, придирчиво выбирая среди дюжины тарелок и остановившись на той, где лежали его любимые глаза маару. – Я должен вас поблагодарить. Вы

сохранили перстень Аусдрангов. А это, как недавно оказалось, реликвия не людей, а иреназе. Украденная у нас реликвия.

– Не стоит благодарности, ваше величество, – промолвил алахасец с такой изысканной любезностью, что она прозвучала хуже грубости. – Я старался не ради иреназе.

Джиад снова глубоко вдохнула, старательно отгоняя раздражение. Лилайн ранен. Боль и слабость всегда приводят с собой дурное настроение, так что алахасца можно понять. Но неужели он не понимает, что сейчас ведет себя глупо? Нет, Карраса никак не назвать дураком. Тогда к чему эти уколы, пробующие выдержку Алестара на прочность, словно броню?

– Притом, я вам весьма обязан за спасение, – добавил Каррас тем же учтивым тоном. – И прошу прощения за хлопоты.

– Не мне. – Алестар, собравший у себя на тарелке несколько горок еды, поднял от нее взгляд и вернул Каррасу отражение его улыбки. – Спасением вы обязаны исключительно просьбе каи-на Джиад. А хлопоты были невелики.

– Прекратите! – услышала Джиад собственный голос. – Я не мяч для игры.

Алестар слева от нее и Лилайн справа – оба разом замерли. Джиад видела это боковым зрением, хотя смотрела ровно посередине, в пустую стену за столом. Она поставила взятый сосуд для тинкалы обратно и добавила с удивившей ее саму злостью:

– И быть между вами щитом я тоже не собираюсь. Ваше величество, если у вас больше нет вопросов, не соблаговолите ли отпустить господина Карраса? Мы вполне можем позавтракать в его комнате, чтобы не мешать вам.

– Не соблаговолю, – уронил Алестар, терзая кончик своей косы, превратившийся уже в спутанную мочалку. – Полагаю, это последнее утро, которое я провожу в твоей спальне, так что господин Каррас потерпит еще немного. И ты права, хватит этого...

Он поморщился, и Джиад, все-таки скосив глаза, увидела, что на виске Алестара, хорошо заметная под бледной тонкой кожей, бьется синяя жилка – вестник нарастающего гнева. Перекинув косу на спину, Алестар продолжил с размеренной бесстрастностью:

– Угрожая мне, Аусдранг считал, что в его руках истинное Сердце моря. – Он коротко глянул на застывшего Карраса и пояснил: – Тот огромный рубин, помните? Основа королевской власти иреназе, щит и меч нашей воли. Торвальд заполучил копию, но ведь кто-то отдал ему ее. Кто-то сумел убедить этот выкидыш мурены, что Сердце настоящее, иначе Торвальд не стал бы так рисковать. Он верил, что может потребовать чего угодно, и, будь это не подделка, оказался бы прав.

– Я думала об этом, – тихо сказала Джиад. – Разве возможно подобное предательство? Мне казалось, все иреназе понимают, что без Сердца моря Акаланте обречено. Предатель не получит никакой выгоды, если королевство падет.

– Значит, он все-таки нашел способ ее получить. – Алестар поднес к губам сосуд, отпил и раздраженно попросил: – Да ешьте вы уже, ради Троих. Разговор не из тех, что слаще тинкалы, но силы надо восстанавливать. Иначе всем достанется от Невиса.

Лилайн искоса глянул на него и потянулся к ближайшему блюду, которым оказались те же злополучные глаза маару. Джиад пораженно проследила за ним, не веря, что алахасец станет хотя бы пробовать эту гадость, но Каррас зачерпнул ложкой изрядную часть слизистой блестящей массы, отправил в рот и невозмутимо прожевал.

Сама Джиад взяла уже полюбившееся курапаро и рулетики из сырой рыбы. Повара иреназе резали ее на длинные широкие ломти, вымачивали в темном кислом соусе, о происхождении которого даже думать не хотелось, а потом заворачивали в получившиеся пластины сочные стебли и листья водорослей, соленую икру и кусочки крабового мяса. Лилайн, глянув на ее тарелку, добавил себе того же самого и подвинул ближе тинкалу.

– Ни Торвальд, ни его люди со мной не откровенничали, – сказал он уже спокойно. – Хотя глаза и уши не завязывали – зачем что-то скрывать от смертника? И пару разговоров я случайно услышал. Только вот имен там не было. «Этот хвостатый» – и больше ничего.

– Но хвостатый все-таки был? – вскинулась Джад, забывая про еду и чувствуя прежний охотничий азарт. – Прошу, Лилайн, вспомни еще что-нибудь! Хоть какую-то мелочь!

Она умоляюще взглянула на Карраса, подавшись вперед, и алахасец ответил странным взглядом, а потом сдержанно уронил:

– Торвальд боялся этой штуки. Кто бы ее ни принес, он сказал королю, что вещь опасна. И лорды косились на нее с подозрением. Один из них спросил Торвальда, когда мы ехали из дворца к морю, что случится, если «хвостатый» соврал и король иреназе не захочет выкупить свою драгоценность? Торвальд велел ему смолкнуть и потемнел лицом. А потом, когда король отошел и лорды остались наедине, его будущий убийца сказал второму, что перстень следует вернуть любой ценой. А вот того, кто его будет носить, можно и поменять. Так что вы отлично попали в цель, ваше величество, – склонил он голову перед Алестаром. – Истинно по-королевски.

Похвалой это совершенно точно не было, и Джад снова напряглась, чувствуя себя отвергательно и не зная, что сказать. Ну вот зачем снова?! Но Алестар не оскорбился. Только изогнул уголки губ в ядовитой улыбке и сообщил:

– Жители земли так давно учат нас коварству и подлости, что странно было бы не усвоить их уроков. Хотя ученикам еще далеко до учителей. Я вернул Торвальду лишь малую часть того, что он сделал. И если его собственные каи-на предали его, испугавшись, может быть, в этом не только их вина?

– Судя по тому, что я успел услышать, – насмешливо отозвался Каррас, снова неуловимо темнея лицом и хмурясь, – под водой предательства не меньше, чем на суше.

Они с Алестаром снова скрестили взгляды в безмолвном поединке, и Джад поняла, что устала. Триста лет ненависти между людьми и иреназе просто так не из памяти не выкинешь, но эти двое должны понимать больше других!

– Предательство и верность – две чаши весов, – тихо сказала Джад храмовую сутру. – И каждый сам решает, на какую чашу бросить свою жизнь. – Она помолчала в наступившей тишине и добавила, снова не глядя ни на кого и обхватив ладонями еще теплый сосуд с тинкалой. – Я не думаю, что море и суша в этом отличаются. И здесь, и там одинаково льется кровь, звенит золото и звучат клятвы. И здесь, и там для кого-то честь дороже жизни, а чья-то душа гниет изнутри, отравляя мысли и дела. Когда мы предстанем перед богами, они не станут смотреть, хвост у нас был или ноги – они взвесят наше сердце.

В комнате так и висело безмолвие, и Джад смутилась. Она никогда не стыдилась правил, по которым жила, но старые жрецы учили, что глупо навязывать их другим. Внутренняя суть человека рождается из разных материалов и закаляется в разном огне. Потому нельзя требовать от золота или глины той же крепости, что от стали. Но в Лилайне она была уверена, алахасец и сам выкован из отменного оружейного металла. Что касается Алестара, совсем недавно Джад о нем доброго слова не сказала бы, но сейчас... Что-то смутное и странное сменило их прежнюю ненависть, связав Джад с Алестаром крепко, но уже не узами пленника, а, пожалуй, веревкой, которая способна удержать падающего. Может быть, это доверие?

– Ты всегда умеешь найти нужные слова, сердце мое, – улыбнулся Лилайн, глядя на Джад с тем же странным выражением, которое жрица заметила у него сегодня не в первый раз. – И зная тебя, я верю, что это не просто слова.

* * *

Он назвал Джад «своим сердцем» так легко и привычно, что Алестар лишь стиснул зубы, переживая приступ мучительной тоскливой зависти. Это было похоже на прилив запечатления, вдруг обернувшегося вместо наслаждения болью... Джад ответила такой же легкой

улыбкой, и Алестар почувствовал себя безнадежно лишним. Глупо было надеяться... Эти двое понимают друг друга без слов, и неловкость от постыдной утренней случайности не продержится долго, стоит им остаться наедине.

Скрывая злые волны-буруны, кипящие внутри, Алестар отпил тинкалы и запретил себе даже думать о том, что сказала сейчас Джад. Это была их последняя ночь вместе. Принуждать жрицу к чему-то иному – подло. Если уж суждено расстаться, пусть Джад запомнит, что Алестар готов был усмирить свою гордость ради ее спокойствия. И, значит, придется и дальше терпеть дерзость этого... двуногого!

Однако наемник тоже подумал о чем-то похожем, потому что повернулся к Алестару и, рассеивая напряжение, повисшее в комнате, сказал без прежней язвительности:

– Ваше величество, если бы я знал хоть что-то, способное помочь, то не стал бы таить. За что я действительно вам благодарен, так это за смерть Торвальда. Земля стала чище, когда он перестал ее пачкать. Ваше сокровище принес королю Аусдранга кто-то из ваших же подданных. Желаете поймать эту рыбину, тяните за леску со своей стороны. Ищите того, кто мог договориться с людьми. Не просто хотел, а именно мог. Ему ведь нужно было послать королю весточку, а потом еще не раз встречаться с Торвальдом или его людьми.

– Лил, а с кем из иреназе ты сам имел дело? – задумчиво спросила Джад, съев, наконец, пару рыбных рулетиков. – И как узнавал, что им нужна услуга?

– Да запросто, – хмыкнул Каррас, доедая оставшиеся глаза маару под удивленным взглядом Джад. Жрица так и не привыкла к этому изысканному лакомству, а вот ее гостю оно пришлось по вкусу. – Есть в одном прибрежном поселке рыбак, живущий на отшибе. В море он ходит тоже в одиночку и всегда в одно и то время, незадолго до полуночи. Сами понимаете, поймать пару золотых куда выгоднее, чем целый невод рыбы. А потом всего-то нужно, что разменять эти монеты в надежном трактире, поболтав с тем, кто угостит его кружкой пива.

– И тройным швангом с козым сыром? – улыбнулась Джад какой-то земной, судя по всему, шутке.

Лилайн кивнул.

– Но я с иреназе уже давно дел не имею, – сказал он откровенно и мгновенно уколол взглядом Алестара. – Тот раз был последний.

И снова молчание заволочло комнату, словно грязная муть, поднимавшаяся со дна от неосторожного всплеска. И Алестар, и Джад, и наемник, у которого лицо разом затвердело, а глаза холодно блеснули, отлично поняли, про какой «тот раз» идет речь.

– А те, которые нас с тобой встречали? – нарушила, наконец, тягостную тишину Джад, явно стараясь говорить самым обычным тоном. – Ты их знаешь? – И обернулась к Алестару. – Когда ваши жрецы привели меня к морю Зовом, на берегу были люди. Опытные воины, работающие на иреназе.

– Это верно, – подтвердил Лилайн задумчиво. – Старший у них тот еще волчара... Джи, но с чего ты взяла, что между иреназе и Торвальдом именно он весточки носит?

– Ни с чего, – вздохнула Джад. – Просто нужно ведь с чего-то начинать?

– Кто из иреназе был на берегу? – спросил Алестар, отчаянно ругая себя за то, что до сих пор не додумался до такого нужного вопроса.

– Ваш отец, – тихо и слегка виновато сказала Джад. – Каи-на Иратель. И кто-то еще, я плохо помню.

– Зато Иратель помнит наверняка! – выдохнул Алестар с облегчением. – Если можно как-то вызвать этого человека, Иратель его добудет. Нам нужны вести сверху. Кто станет новым королем и ищут ли вас? А если этот человек что-нибудь знает о планах Торвальда...

Оставив завтрак недоеденным, Алестар решительно оттолкнулся хвостом от ложа. Быть третьим лишним больше невыносимо! К тому же у него полно дел. Вулкан усмирён, но теперь надо подумать, где селить кариандцев. Если Старший Брат проснулся от сотрясения дна в Без-

дне, в Карианде уже может начаться бегство из города. Но самое главное сейчас – посольство из Суаланы.

Стоило подумать о полученном вызове, как сознание заливала ледяная слепящая ярость, с которой чудом удалось справиться на Совете, но она не ушла, а только притихла, дожидаясь подходящего момента. Эти мерзавцы темнохвостые посмели угрожать Акаланте и принуждать Алестара к браку! Видят Трое, он никогда не хотел жениться на Маритэль и не хочет сейчас, но договор заключен, а глубинная принцесса не виновата, что стала заложницей чужих игр. Эргиан, должно быть, уже все чешуйки на хвосте пересчитал, а то и плавники сгрыз от нетерпения. Что ж, вот ему и случай проявить свое хваленое хитроумие, потому что сам Алестар отчаянно не представлял, как вернуть Суалане их подлый удар. Хоть лицом к лицу, хоть в спину – все равно! – лишь без новой войны. И, если получится, не погубив золотоволосую девушку с нежной удивленной улыбкой, чей портрет так и лежит в отцовском кабинете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.